

ПРАВОСУДИЕ

JUSTICE

2024

Том 6, № 3

2024

Vol. 6, no. 3

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice

Издаётся с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель со зданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Подписной индекс 79646
(Агентство «Книга-сервис», каталог «Пресса России»)

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегурова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

АО «Коломенская типография»
Подписано в печать 25.09.2024
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 300

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Subscription index 79646
(Agency “Kniga-Servis”, catalog “Pressa Rossii”)

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.

No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Kolomenskaya Tipografiya”
Signed to print 25.09.2024
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 300

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Редакционная коллегия

Антушин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Прошуний Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Спиридовон Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, доктор юридических наук

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия

Фаргив Ибрагим Любович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor of the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Russian State University of Justice

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- Корнев В. Н. Кантианские максимы в теории права 8

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Арямов А. А. Характеристика принципов права как правовых регуляторов... 18

- Кича М. В. Власть и управление в условиях глобализации 43

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Рыбаков О. Ю. Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства 59

- Догадайло Е. Ю., Носов С. И., Челунов О. И. Судебная система Российской Федерации в условиях современных вызовов..... 75

- Писарев А. Н. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации 90

- Кирпичев А. Е. Концепция судейской откровенности (judicial candor): предпосылки, развитие и современное состояние 104

- Ефимов А. В. Взаимодействие публичной власти и бизнеса в сфере корпоративной социальной ответственности: вопросы правового регулирования 123

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Полова Е. Э. «Общественная опасность» как категория личности виновного: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии 141

- Карпачева Т. С. Участие в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ч. 3 ст. 239 УК РФ): уголовно-правовая характеристика 155

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Пономарева К. А., Давыдова М. А. Вопросы налоговой интеграции в практике Суда Евразийского экономического союза: комментарий к консультативному заключению по делу СЕ-2-1/1-22-БК 178

EDITORIAL

- V. N. Kornev.* Kantian maxims in the theory of law 8

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- A. A. Aryamov.* Characteristics of principles of law as legal regulators 18
M. V. Kicha. Power and governance in the context of globalization 43

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- O. Yu. Rybakov.* Legal information culture in the context of digital transformation of society and the state 59
E. Yu. Dogadailo, S. I. Nosov, O. I. Chepunov. The judicial system of the Russian Federation in the context of modern challenges 75
A. N. Pisarev. Constitutional and legal foundations of interaction between the state and civil society in ensuring the protection of state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation 90
A. E. Kirpichev. The concept of judicial candor: background, development and current state 104
A. V. Efimov. Interaction between public authorities and business in the field of corporate social responsibility: issues of legal regulation 123

CRIMINAL LAW SCIENCES

- E. E. Popova.* "Public danger" as a category of the guilty's personality: criminal law and criminal executive criteria 141
T. S. Karpacheva. Participation in a non-profit organization that infringes on the personality and rights of citizens (Part 3 of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristics 155

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- K. A. Ponomareva, M. A. Davydova.* Issues of tax integration in the practice of the Court of the Eurasian Economic Union: commentary on the advisory opinion on the case CE-2-1/1-22-5K 178

Научная статья

УДК 342.8

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17

Кантианские максимы в теории права

Виктор Николаевич Корнев

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

kornev51@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>

Аннотация

Введение. Статья посвящена 300-летию со дня рождения великого представителя немецкой классической философии Иммануила Канта. Автор показал, какое влияние оказала кантианская философская система на методологию юридической науки и особенности исследования проблем теории права. На разграничении сущего и должного построено знаменитое «Учение о чистом праве» Г. Кельзена, а также в юридической науке сформировалось самостоятельное направление, именуемое неокантианством.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу составляют работы Д. Юма, А. Кауфмана, Г. Радбруха, Э. Гуссерля. В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор строил свои суждения на основе сравнительного анализа, формально-юридического и герменевтического методов исследования.

Результаты исследования. Философские максимы Канта составили основу его концепции позитивного права. Можно смело утверждать, что это была одна из наиболее значимых попыток в теории права обоснования сути позитивного права на рационалистических теоретико-познавательных основаниях. В связи с этим напомним, что, по Канту, мораль – это результат рефлексии человека как ноумена, сущности свободной в абсолютном смысле.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сформулирован вывод о том, что философская концепция И. Канта заложила методологическую основу решения проблемы разграничения права и морали, а также в контексте его учения о логике – понимания сущности и природы судебного решения, что особенно важно при подготовке специалистов для судебной системы.

Ключевые слова: Кант, феномен, ноумен, категорический императив, определяющие суждения, догматика, нравственность, право, позитивное право, юридический позитивизм

Для цитирования: Корнев В. Н. Кантианские максимы в теории права // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.

Original article

Kantian Maxims in the Theory of Law**Viktor N. Kornev***Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
kornev51@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>***Abstract**

Introduction. The article is devoted to the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant, a great representative of German classical philosophy. The article shows how the Kantian philosophical system influenced the methodology of legal science, and especially the study of the problems of the theory of law. The famous "The Pure Theory of Law" by H. Kelsen is based on the distinction between the "is" and "ought", and also an independent trend called neo-Kantianism was formed in legal science.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis is formed by the works of D. Hume, A. Kaufman, G. Radbruch, E. Husserl. This article used general scientific methods: analysis, synthesis, systematisation. In addition, the author built his judgements on the basis of comparative analysis, formal-legal and hermeneutic methods of research.

Results. Kant's philosophical maxims formed the basis of his concept of positive law. It can be safely noted that it was one of the most significant attempts in the theory of law to substantiate the essence of positive law on rationalistic theoretical and cognitive grounds. In this connection, let us recall that according to Kant, morality is the result of the reflection of man as noumena, an entity free in the absolute sense.

Discussion and Conclusion. According to the results of the study, the conclusion is formulated that the philosophical concept of I. Kant laid the methodological foundation for solving the problem of distinguishing law and morality, as well as in the context of his doctrine of logic understanding of the essence and nature of the judgement, which is especially important for the training of specialists for the judicial system.

Keywords: Kant, phenomenon, noumena, categorical imperative, determinate judgements, dogma, morality, law, positive law, legal positivism

For citation: Kornev, V. N., 2024. Kantian maxims in the theory of law. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 8–17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.

Gedanken ohne Inhalt sind leer, Anschaungen ohne Begriffe sind Blind

(Мысли без содержания – пусты, созерцания без понятий – слепы)¹.

И. Кант

Введение

Иммануил Кант (1724–1804), основоположник немецкой классической философии, профессор логики и метафизики в Университете Кенигсберга, преподавал, наряду с философией, математику, физику, географию, ан-

¹ Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3 / под общ. ред. проф. А. Ф. Гулыги. М. : Чоро, 1994. С. 90.

тропологию и другие науки. Родился и всю жизнь прожил в Кенигсберге. Окончил престижную гимназию «Фридрихс-Коллегиум». Учился на теологическом факультете Кенигсбергского университета (1740–1745). С 1755 года – приват-доцент, с 1755 г. – ординарный профессор этого Университета. В 1786–1801 годах – ректор Университета. В 1794 году избран иностранным почетным членом Петербургской академии наук.

И все же мир знает Канта прежде всего как философа, который в европейской традиции наиболее последовательно развивал критико-рационалистическое направление в философии вообще и в философии и теории права в частности. Сразу отметим, что для целей настоящей статьи нет необходимости характеризовать философскую систему Иммануила Канта в целом. Акцентируем внимание здесь на основных положениях кантовской философской системы и на их значении для современной теории и философии права.

История его научного творчества разделяется на два периода: предкритичный и критичный, который сам Кант называл «коперниканским переворотом» в философии. Своей «Критикой чистого разума» Кант и намеревался совершить в философии тот самый «коперниканский» переворот. Он состоял в утверждении о том, что не «знания должны сообразовываться с предметами», а «предметы должны сообразовываться с нашим познанием». Мыслитель предложил переместить центр рассмотрения (подобно тому как Николай Коперник переместил центр мира) с того, «что познается» (предмета познания), на то, «с помощью чего и как познается» (познавательные способности человека).

Теоретические основы. Методы

До этого, как считал Кант, человеческое познание стремилось приспособиться к предмету и соотнести с предметом познания, интеллектуальные способности направлялись на решение теоретических проблем бытия, между тем как для познания принципов метафизики центр тяжести следует переместить в область разума (Vernunft), ибо только сам разум понимает, что является предметом его внимания и исследования. В результате чего не теория бытия, а теория познания, разработанная шотландским философом Давидом Юмом (1711–1776), имя которого неоднократно упоминал И. Кант, может объяснить, как человек способен познавать и исследовать различные феномены, в том числе и право.

В теоретико-познавательной концепции Иммануила Канта важную, по сути фундаментальную, роль играют разработанные мыслителем категории «феномен» и «ноумен». Термин «феномен» в кантовской терминологии – «вещь для себя» («Ding fur sich»), составляющая предмет деятельности разума, которую мыслитель отграничивает от «вещи в себе» («Ding an sich»), или собственно «ноумена», который остается вне познания человека. Уверенность в том, что разуму человека непосредственно доступны только явления, а объективная реальность остается недоступной, придавала философии Канта отчетливые черты феноменализма в широком его значении.

Кантианскому феноменализму в полной мере соответствует догматический метод познания права. Догматизм, по Иммануилу Канту, «есть догма-

тический метод чистого разума без предварительной критики способности самого чистого разума» [Кант, И., 1994, с. 34]. Догматик исходит из предпосылок, которые он некритично принимает за истинные. Он мыслит исключительно «*ex datis*», т. е. из данного. Правовой догматик не спрашивает, что есть право и существует ли вообще, и при каких условиях, в каком объеме и каким образом осуществляется познание права. Однако это не обязательно означает то, что догматик всегда поступает некритично. Вполне обоснованным представляется факт применения нормы закона, толкования ее с критикой со ссылкой на действующую систему права, но без оценки с точки зрения ее правильности и справедливости. В рамках правовой догматики эта позиция вполне легитимна, однако представляет опасность, когда отклоняет недогматический тип мышления философии права и теории права как бесполезное, как «чисто теоретическое» или как вовсе ненаучное [Кауфман, А., 2019, с. 18].

Согласно учению Иммануила Канта, чистое познание содержит только форму, под которой нечто может быть познано, поскольку оно (содержание) не исходит от рассудка, а производно от опыта, имеет место только a posteriori и поэтому не является «чистым». Из этого заключения результируется другое направление: ради «чистоты» философствования оно отказывается от всякого содержания и особенно от высказываний о ценностях (Макс Вебер «Наука, свободная от ценностей», Ганс Кельзен «Чистое учение о праве») и обращается только к формам бытия, мышления, права. Эта «чистота», которая многими рассматривается в качестве решающего критерия «рациональности», является поэтому основанием для того, чтобы все содержательное философствование квалифицировать как иррациональное и потому ненаучное. Но даже такая рациональность, сведенная к формальной чистоте, заслуживает упрека, так как не дает ответа на действительно важные вопросы. Вместе с тем, как заметил известный немецкий философ и теоретик права Артур Кауфман, формализм в философии (сам Кант не был представителем этого течения) смог выдвинуть и обосновать весьма тонкие и остроумные теории, но, как известно, мысли без содержания пусты, и потому их значение для практической жизни тем ничтожней, чем строже они следуют правилам чистоты [Кауфман, А., 2019, с. 18].

Вместе с тем в юридической науке постепенно начали складываться теоретические взгляды, согласно которым не имеют равнозначного (отдельного) существования формальная чистота и содержательно значимая сила высказываний. Тем самым ставилось под сомнение господство одной какой-либо юридической доктрины: юридического позитивизма или естественного права. Складывалась благоприятная почва для обоснования интегративных концепций права, происходящих из объективной предпосылки, принимающей во внимание сложный, комплексный характер природы права.

Из современных философов права Густав Радбрух был первым, кто после столетнего господства формализованной общей теории права вновь стал философствовать, обращая внимание на содержание права. Почти в то же время в философии наблюдается возврат «к самим вещам», а в философии права – вновь возвращение к «вещам права». Только через год после

выхода в 1913 г. в свет работы Эдмунда Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» [Гуссерль, Э., 2009] Радбрухом был опубликован труд «Очерки философии права» [Радбрух, Г., 1914], с которым связано исследование новых вопросов о *содержании и правильности права*. Радбруху можно присвоить имя главного свидетеля позитивизма, а в действительности он является его ниспровергателем. От ранее представленного «методологического дуализма» между должным и сущим, через мысли о «материальной определенности идеи» до более позднего учения о «природе вещей» ведет прямой путь. С именем Радбруха связан переход к новой главе в философии права: *философия права по ту сторону естественного права и позитивизма*, т. е. к формированию интегративной теории и философии права, основанной на синтетическом подходе к определению природы права².

В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор строил свои суждения на основе сравнительного анализа, формально-юридического и герменевтического методов исследования.

Результаты исследования

В философской концепции Канта человек есть не только ноумен, но также и феномен, который взаимодействует с другими людьми, такими же феноменами. Иными словами, благодаря разуму человек может открыть для себя такое свойство своей природы, как добрая воля, но, с другой стороны, человек также является природным существом. Поэтому человеческие поступки детерминированы естественными потребностями, управляются склонностями. Хотя человек как ноумен способен выходить за пределы мира природы, он всегда остается частью мира природы как феномен. Отсюда необходимость существования положительного права, которому имманентно присущ принудительный характер. Если бы человек был полностью и исключительно разумным, если бы он всегда руководствовался законами разума, то право, основанное на применении принуждения, было бы излишним. Принуждение было бы заменено общечеловеческим взаимным доверием и пониманием. Отметим, что Кант не игнорирует ни одну сторону человеческой природы. С одной стороны, в критике практического разума он указывает на важность для выстраивания концепции внешней свободы отнесения человека к категории ноумена, а с другой стороны, в теории позитивного права он рассматривает ситуации, когда добрая воля как синоним категорического императива еще не является побуждением его действий. Нормы, являющиеся результатом внутреннего, связанного с практическим разумом законодательства, ученый называл естественным правом, а право, создаваемое государством для регулирования

² Научной справедливости ради следует отметить, что отечественные ученые-юристы дореволюционной России внесли существенный вклад в формирование указанного научного направления в юридической науке: вспомним хотя бы профессора А. С. Ященко и написанный им фундаментальный труд «Теория федERALизма. Опыт синтетической теории права и государства» [Ященко, А. С., 1912].

сферах внешних человеческих деяний как феноменов, называл позитивным правом.

Концепция позитивного права представлена Кантом в работе «Метафизика нравов» [Кант, И., 2007]. Можно смело заметить, что это была одна из наиболее значимых попыток в философии права обосновать суть позитивного права на рационалистических теоретико-познавательных основаниях. В связи с этим напомним, что, по Канту, мораль – это результат рефлексии человека как ноумена, сущности, свободной в абсолютном смысле. Предметом позитивного права являются человек как феномен и его внешняя свобода. Следовательно, непосредственной целью позитивного права выступает не охрана человека-ноумена как свободного субъекта, а автономия человека-обывателя, члена социума, сущности, порожденной природой. Напротив, предмет позитивного права составляют человек как феномен и его свобода в практическом, т. е. внешнем ее выражении. Однако это не означает, что Кант строго разграничивает эти сферы. Тем самым мыслитель отвергает, с одной стороны, чистый волонтиаризм правотворца, а с другой – ничем не ограниченное морализаторство. В первом случае утверждается, что в сфере позитивного права правотворец не знает никаких ограничений, вытекающих из требований моральных норм, во втором – что право не является средством для реализации в обществе моральных ценностей. Обе эти позиции, согласно концепции Канта, являются ошибочными.

В «Критике чистого разума» Кант рассматривает общую логику, которая строится по плану, «совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Эти способности суть **рассудок, способность суждения и разум**» (выделено мною. – В. К.) [Кант, И., 1994, с. 151]. Определение истинной природы судебного решения очень значимо для юридической теории и практики, поскольку это непосредственно касается важнейшего раздела теории государства и права: понятия форм права, к числу которых некоторые современные отечественные теоретики государства и права относят помимо форм, общепризнанных в науке и практике, еще и решения судов, так называемое судебское право, полагая, что в них содержатся нормы и принципы права. Такие выводы навеяны, очевидно, непреодолимым желанием ввести или, по меньшей мере, признать наличие в российской правовой системе прецедентного права.

Прежде всего надо установить, что есть способность суждения. Без обращения к трудам немецкого философа И. Канта суть данной категории понять невозможно. Итак, способность суждения, по Канту, «есть умение подводить под правила, т. е. различать, подчинено ли нечто данному правилу (casus datae legis) или нет» [Кант, И., 1994, с. 153]. Немецкий философ высоко ценил это качество человеческого ума и считал, что «способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя. Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума (Mutterwitz), и отсутствие ее нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие прави-

ла, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их. Поэтому врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам способен *in abstracto* усматривать общее, но не может различить, подходит ли под него данный случай *in concrete*, или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью» [Кант, И., 1994, с. 154].

Приведенные положения работы немецкого классика философии представляют собой основу для нескольких выводов. Во-первых, способность суждения у судьи есть связь природных интеллектуальных задатков, профессиональной юридической подготовки и опыта деятельности в качестве практикующего юриста. Во-вторых, способность суждения выражается в подведении конкретного случая под уже существующее правило (норма права), а не, что очень важно заметить для нашего исследования, формулировании или установлении собственно правила поведения. Данный вид способности суждения И. Кант именует определяющим суждением.

Процесс подведения отдельного случая под уже существующее правило – это оценочная деятельность суда, которая, однако, не носит аксиологический характер, поскольку в норме правадается аксиологическая оценка фактов, отношений, поведения и т. д. В правовой науке такую деятельность принято называть юридической квалификацией. По сути дела, правотворчество и правоприменение являются собой оценочную деятельность управомоченных субъектов правотворчества и правоприменения с той лишь существенной разницей, что результатом оценки правотворцем фактов реальной жизни является норма права, а итог юридической квалификации, которая дается правоприменителем и представляет собой разновидность оценочной деятельности, – это суждение о соответствии конкретного случая тем юридическим признакам, которые указываются в установленном правиле. Таким образом, судья обращается к праву с тем, чтобы отличить *правильное от неправильного, дозволенное от недозволенного, правомочное от неправомочного*. В этом случае он поступает индивидуально, исходя из особенностей каждого конкретного казуса. В его решении как акте суждения о частном случае нет императивов, предписывающих, приказывающих, что делать, а чего не делать, т. е. решение не устанавливает нормы, имеющей, подобно закону, всеобщий характер, поскольку она уже установлена в соответствующей форме права. В нем (судебном решении) содержится суждение о правомерности либо неправомерности поведения того или иного субъекта права.

В связи с изложенным уместно привести весьма красноречивое суждение Иммануила Канта: «Юрист-законник ищет законы, гарантирующие мое и твое (когда он действует – как и надлежит – в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном властями своде законов. От него нельзя по справедливости требовать доказательства истинности и правомерности этих законов, так же как и защиты от высказываемых разумом возражений против них. В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепицу».

пый. Было бы смешно уклоняться от подчинения внешней и высшей воле на том основании, что она будто бы не согласуется с разумом. Ведь престиж правительства заключается именно в том, что оно предоставляет своим подданным свободу судить о правом и неправом не по их собственным понятиям, а согласно предписаниям законодательной власти» [Кант, И., 1994, с. 62]. Согласно методологическим предпосылкам позитивистского правопонимания и правоприменения данный вывод можно считать безусловно верным.

В основу классических философско-правовых представлений о достоинстве человека и его личности были положены идеи великих немецких мыслителей Канта и Гегеля. Кант рассматривал чувство уважения к личности другого человека как моральный долг, но не как принудительную юридическую обязанность. Для него человек представлялся «как цель в себе самом», но «никогда просто как средство» [Кант, И., 2007, с. 326]. Это положение представляет краеугольный камень кантовского категорического императива, который «вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [Кант, И., 2007, с. 67].

Обсуждение и заключение

Кантовская теория и философия права не оказала столь сильного влияния на последующую интеллектуальную картину мира, как его философская концепция в целом. Вместе с тем кантовская идея о разделении сущего и должного все же получила отклик у ученых-юристов. По существу, Кант не ограничивался только тезисом о том, что нельзя исследовать должное, принимая во внимание лишь методологию описательного характера. Ибо Кант выдвинул философию, призванную продемонстрировать, что на уровне теории познания мы должны признать тезис о том, что мы иначе познаем то, что есть, и то, что должно быть. Если мы переходим к познанию должного при помощи категорий, используемых для познания того, что есть, это приводит к мнимому по сути своей метафизическому знанию [Zirk-Sdowski, M., 2011, с. 32–47].

Дуализм того, что есть (das Sein), и того, что должно быть (das Sollen), стал результатом дуализма феномена и ноумена. Философию и теорию права, основанную на кантинском тезисе разграничения сущего (das Sein) и должного (das Sollen), предложил Ганс Кельзен, создавший свою знаменитую «Чистую теорию права», которая оставила заметный след в развитии современной правовой мысли. Кроме того, в юридической науке сформировалось отдельное, самостоятельное направление, именуемое неокантинством.

Список источников

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический проект, 2009. 489 с. ISBN: 978-5-8291-1042-0.

Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3 / под общ. ред. проф. А. Ф. Гулыги. М. : Чоро, 1994. 740 с. ISBN: 5-8497-0003-X.

Кант И. Метафизика нравов : в 2 ч. / пер. с нем., примеч. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна. М. : Мир книги : Литература, 2007. 399 с. ISBN: 978-5-486-01153-5.

Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканьяна, И. Д. Коптцева, М. И. Левиной ; отв. ред. Л. А. Калинников. Калининград : Изд-во КГУ, 2002. 286 с. ISBN: 5-88874-322-4.

Кауфман А. Философия права, теория права, правовая доктрина // Государство и право. 2019. № 5. С. 18–29. DOI: 10.31857/S013207690004857-4.

Радбрух Г. Очерки философии права. Томск : Кн. маг. Д. М. Посохина, 1914. 604 с.

Ященко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 841 с.

Zirk-Sdowski M. Wprowadzenie do filozofii prawa. Warszawa : LEX a Wolters Kluwer business, 2011. 202 s. ISBN: 978-8-326-41407-7.

References

- Husserl, E., 2009. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii* = [Ideas for the pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow: Academiceskij proekt. 489 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8291-1042-0.
- Kant, I., 1994. Critique of pure reason. *Sobranie sochinenij* = [Collected works]. In 8 vols. Vol. 3. Ed. A. F. Gulyga. Moscow: Choro. 740 p. (In Russ.) ISBN: 5-8497-0003-X.
- Kant, I., 2002. *Spor fakul'tetov* = [Dispute of faculties]. Transl. from Germ. by Ts. G. Arzakanyan, I. D. Koptsev, M. I. Levina. Ed. L. A. Kalinnikov. Kaliningrad: Publishing House of Kaliningrad State University. 286 p. (In Russ.) ISBN: 5-88874-322-4.
- Kant, I., 2007. *Metafizika nравов* = [Metaphysics of morals]. In 2 pts. Transl. from Germ., note by S. Ya. Sheinman-Topshtein, Ts. G. Arzakanyan. Moscow: Mir knigi ; Literatura. 399 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-486-01153-5.
- Kaufman, A., 2019. Philosophy of law, theory of law, legal dogma. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 5, pp. 18–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013207690004857-4.
- Radbruch, G., 1914. *Ocherki filosofii prava* = [Essays on the philosophy of law]. Tomsk: Bookshop of D. M. Posokhin. 604 p. (In Russ.)
- Yaschenko, A. S., 1912. *Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoj teorii prava i gosudarstva* = [Theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state]. Yuriev: Printing House K. Mattisen. 841 p. (In Russ.)

Zirk-Sdowski, M., 2011. *Wprowadzenie do filozofii prawa*. Warszawa: LEX a Wolters Kluwer business. 202 s. ISBN: 978-8-326-41407-7.

Информация об авторе / Information about the author

Корнев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российской государственной университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), главный редактор журнала «Правосудие/Justice».

Viktor N. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Editor-in-Chief of the Journal “Pravosudie/Justice”.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Научная статья

УДК 340.14

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.18-42

Характеристика принципов права как правовых регуляторов

Андрей Анатольевич Арямов

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

prorector_nauka@rsuj.ru, http://orcid.org/0000-0001-6626-7734

Аннотация

Введение. Вопрос о понимании принципов права перманентно поднимается как в отраслевых юридических науках, так и в общей теории права. Популярным в юридической доктрине является тезис о том, что они – общие, основополагающие идеи. Однако при таком подходе утрачивается возможность их восприятия в качестве регуляторов правоотношений. Тем не менее правоприменительная практика обращается к ним именно в таком их качестве; на основе их применения рассматриваются конкретные дела и выносятся судебные акты. Суждение о том, что идеи правят миром, лишено прикладного содержания; за ним не усматривается определенный механизм реализации. Изложенное позволяет генерировать суждение: понимание принципов права как правовых регуляторов на настоящий момент не утратило своей актуальности, что обусловило выбор автором данной проблемы в качестве предмета научного исследования.

Методы исследования. На основании общего диалектического метода познания, используя общетеоретические методы (анализ, синтез, дедукции, индукции, логический, системный) и частнонаучные методы (формально-логический, юридический анализ, исторический), автор исследовал генезис представлений о принципах права как регуляторах правоотношений и раскрыл их содержание и основные функциональные свойства.

Результаты исследования. В данной статье автор на основе анализа точек зрения множества представителей юридической науки пришел к выводу, что в доктрине отсутствует единообразие в понимании принципа права. Исследования характеристики принципа права как регулятора правоотношений находятся на начальном этапе своего становления.

Обсуждение и заключение. Обоснован отказ от формулирования универсальной дефиниции «принцип права». Вниманию читателей предложена система сущностных признаков принципа права, раскрывающих содержание этого юридического феномена.

Ключевые слова: право, норма права, правовое регулирование, принцип права, признаки, характеристика, дефиниция, содержание, философия, аксиология, правовая природа

Для цитирования: Арямов А. А. Характеристика принципов права как правовых регуляторов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 18–42. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.18-42.

Original article

Characteristics of Principles of Law as Legal Regulators

Andrey A. Aryamov

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
prorektor_nauka@rsuj.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6626-7734>*

Abstract

Introduction. The question of understanding the principles of law is constantly being raised both in branch legal sciences and in the general theory of law. Popular in legal doctrine is the thesis that they are common, fundamental ideas. However, with this approach, the possibility of their perception as regulators of legal relations is lost. Nevertheless, law enforcement practice refers to them precisely in this capacity; on the basis of their application, specific cases are considered and judicial acts are issued. The judgment that ideas rule the world is devoid of applied content; there is no specific implementation mechanism behind it. The above allows us to generate a judgment: the understanding of the principles of law as legal regulators has not lost its relevance at the moment, which led to the choice of the author of this problem as the subject of his scientific research.

Research Methods. Based on the general dialectical method of cognition, using general theoretical methods (analysis, synthesis, deduction, induction, logical, systemic) and private scientific methods (formal logical, legal analysis, historical), the author investigated the genesis of ideas about the principles of rights as regulators of legal relations and revealed their content and basic functional properties.

Results. In this article, the author, based on an analysis of the points of view of many representatives of legal science, came to the conclusion that the doctrine not only lacks uniformity in the understanding of the principle of law (there is no need for it), but also research into the characteristics of the principle of law as a regulator of legal relations is at the initial stage of its formation.

Discussion and Conclusion. The thesis is substantiated by refusing to formulate a universal definition of the “principle of law”. A system of essential features of the principle of law is offered to the attention of readers, revealing the content of this legal phenomenon.

Keywords: law, rule of law, legal regulation, principle of law, signs, characteristics, definition, content, philosophy, axiology, legal nature

For citation: Aryamov, A. A., 2024. Characteristics of principles of law as legal regulators. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 18–42. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.18-42.

Отсутствие устойчивого понимания в науке принципов как особой формы права приводит к двусмыслиности понимания многих из них и, соответственно, к возможному принятию несправедливых законов или непринятию законов нужных¹.

B. B. Кулаков

Общепризнано, что регуляторами правоотношений могут быть принципы права, нормы права, правовые договоры и правовые обычаи, имеющие официальное нормативное оформление. Если юридическая доктрина более-менее достигла единства в понимании правовых норм, вектор исследований природы правовых договоров и обычаев права в основном также определился, то пониманию юридического феномена «принцип права» надо уделить особое внимание. Что есть принцип как явление и принцип права как правовой регулятор?

Представитель натурматериалистической философии Фрэнсис Бэкон [Бэкон, Ф., 1937, с. 11] на примере анализа античного мифа об Амуре, понимая под принципом некое всеобщее абстрактное начало, обосновывал тезис об изначальной природе протопринципа любви (не имеющий естественной причины и какой-либо предыстории, будучи никем не рожденным первичным элементом, являясь одновременно и младенцем, и стариком, соединяясь с Небом, он породил богов и все сущее, положил предел лишенному формы Хаосу, создал форму материи, ему дарована сила соединять и разделять), производными от которого стали принципы милосердия, сострадания, гуманизма. Автор синонимирует термины «принципы вещей» и «начало мира», олицетворением которых явился Купидон. Принципы, будучи ограничены тесной скорлупой яйца (первичной примитивной формы), формируют потенциал необузданной силы мироздания. Принцип находит «свое проявление во всех измерениях вещей» [Бэкон, Ф., 1937, с. 15]. Как атом, он может быть невидим, но он везде; в нем отражаются все явления и свойства. Его содержание не может быть исчерпывающе раскрыто формализованной дефиницией. Принцип – это первичный и наиболее простой элемент (тем не менее существующий реально, а не явление идеального мира / фантазия), из которого образовалось все остальное [Бэкон, Ф., 1937, с. 22]. Принцип обладает пластичной сущностью с возможностью приспособиться к любой форме: «некая средняя природа, способная воспринять огромное разнообразие мира» [Бэкон, Ф., 1937, с. 27]. Под принципом вещей следует понимать то, что согласуется в такой же мере с мельчайшими, редчайшими и наиболее пренебрегаемыми сущностями, как и с величайшими, самыми многочисленными и наиболее сильными. В отличие от идеальной фантазии принцип способен что-то предложить человеческому разуму, на чем человеческие мысли могут лучше сосредоточиться и остановиться и благодаря чему понятие самого принципа становится более содержательным [Бэкон, Ф., 1937, с. 33–34]. Именно дан-

¹ Кулаков B. B. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата сохранения: 11.01.2023).

ное свойство принципа дает основание не соглашаться с авторами, полагающими, что он есть некая идея². Принцип выполняет также связующую роль между различными элементами материи (как раствор с кирпичами – «сцепление частиц материи» [Бэкон, Ф., 1937, с. 73]) и обеспечивает прочность всей конструкции. Принцип гарантирует движение материи, ее развитие.

Принцип (от лат. *principium* – первичный, изначальный) в общеупотребительном значении – это исходный, не требующий доказательства постулат (аксиома), утверждение, на основе которого создаются научные теории и законы. По мнению Аристотеля, это первопричина, исходя из чего существует или будет существовать нечто. Шопенгауэр под основным принципом понимал волю, Гегель – сам по себе существующий разум, Кант – категорический императив³.

Еще Ганс Кельзен в своих трудах обосновывал необходимость и целесообразность разграничивать понятия «норма права» и «принцип права»: «Нельзя отождествлять норму права и принципы права» [Kelsen, H., 1979, с. 92]. Принципы права способны раскрывать содержание не только отдельной нормы (нормы понимаются, толкуются и применяются в призме принципов права), но и всей системы права, а также раскрывают место и роль каждой нормы в системе права в целом.

По мнению Т. Г. Гордиенко, «несмотря на свою теоретическую и практическую значимость, проблемы принципов права в современной правовой науке и учебной литературе по общей теории права и государства большой популярностью не пользуются» [Гордиенко, Т. Г., 2000, с. 39].

«Благодаря признаку универсальности принципы как всеобщие идеи трудно ограничить какими-либо рамками. Идея потому и является всеобщей, что распространяется на эмпирически неограниченную совокупность единичных элементов» [Сабитов, Т. Р., 2012, с. 126]. Представляет интерес также следующее определение этим автором принципа права: «научно сформулированная, предельно обобщенная идея, выражающая обязательные требования, на которых основываются правовая политика и право» [Сабитов, Т. Р., 2019, с. 8]. При всей оригинальности такой дефиниции она порождает больше проблем, чем их решает; если перед нами правовое явление, то как идея может выполнять регулятивную функцию, как правовой феномен может иметь бытие без формальной определенности и государственного обеспечения (если присутствует лишь в формате научной формулировки)? Кроме того, разве не может правовой принцип существовать без научного обоснования? Принцип не объединяет какую-либо совокупность норм, нормы вытекают из принципов в силу действия закономерности эманации права [Ершов, В. В., 2023]. В связи с отсутствием конкрет-

² Популярным является тезис о том, что идеи правят миром, не опровергая его, а развивая. Но в таком случае между идеей и материальным миром должен быть материальный же проводник: чтобы идея христианства получила возможность управлять обществом, необходима материальная организация – церковь, чтобы идеи коммунизма воплотились в жизнь, необходима была партия, и т. д.

³ Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3084/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%9F.

ных пределов понимания принципов не представляется возможным делать из правового принципа какие-либо исключения.

В полемике юристов по поводу характеристики принципов имеется не- сколько экстравагантных подходов.

- Так, Е. В. Титова утверждает: «Принципы права носят императивный характер, поскольку закрепляют наиболее значимые стандарты поведения участников правоотношений» [Титова, Е. В., Подшивалов, Т. П., ред., 2019, с. 9] – но императивность никоим образом не может быть обусловлена значимостью правоотношения, весьма значимые правоотношения регулируются и в порядке реализации диспозитивного метода; принципам публичного права присущ признак «строгости и жесткости» – но правовым принципам, наоборот, присущ признак высокого уровня юридического абстрагирования, что не предполагает строгости и жесткости правового предписания.

- Согласно А. Г. Кузмину, «под принципами права понимаются исходные положения... общие руководящие начала... обобщенные идеи, положенные в основу закона... юридические закономерности» [Титова, Е. В., Подшивалов, Т. П., ред., 2019, с. 12]. Но если положения откуда-то исходят, то к чему они приходят? К целям правового регулирования? Однако многие правовые принципы не предполагают непосредственной корреспонденции с конкретными задекларированными законодателем целями правового регулирования. Если это руководящие начала, то: кто руководитель и кто руководимый...? Если это идеи, то как они могут непосредственно корректировать материальный мир? В общепотребительном значении закономерность – это устойчивая повторяемость, последовательность и порядок изменений в рассматриваемых явлениях и процессах⁴. В таком контексте как может соответствовать закономерности правовой принцип? И главное: как исходные положения и руководящие начала могут выполнять функцию регулятора правоотношений?

- Н. В. Кешикова утверждает: «Принципами права следует считать идеи, имеющие фундаментальное значение для развертывания правового знания, в основу которых закладывается та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли» [Кешикова, Н. В., 2012, с. 110]. Приведенное положение – яркий пример юридической эклектики, в котором воедино соединены и умозрительность, и практика, и идеи, и материя, и закономерность; имеет место дублирование – фундаментальность и основа. Причем в дальнейшем автор предлагает дифференциацию правовых принципов на принципы-правила и принципы-идеи. Но ведь это разноуровневые величины, между ними диалектическое соотношение формы и содержания: правовая форма идеи и идея, получившая оформление в правовой норме.

- Несколько эпатажно выглядит тезис Д. А. Ковачева: Идея лишь тогда вправе считаться принципом, когда она стала реальной закономерностью,

⁴ См.: Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/zakonomernost-ce52aa>.

уже нашедшей отражение в объективной общественно-правовой действительности [Ковачев, Д. А., 1997, с. 72–73]. Здесь неясно: принцип – это идея или закономерность, это начальный или завершающий этап правового регулирования, это явление идеального или материального порядка? Кроме того, если какое-либо юридическое явление в результате систематического повторения стало закономерностью, то это скорее определяет генезис правового обычая, нежели принципа права. Автор также полагает, что «принципы права – основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права и вытекающие из генеральных идей справедливости и свободы...» [Ковачев, Д. А., 1997, с. 71]. Но тогда получается, что идеи вытекают из идей, принцип вытекает из самого себя. А справедливость и свобода разве не принципы? В данном аспекте вполне можно согласиться с мнением А. С. Сидоркина: «Представление принципов права в качестве идей приводит к утрате их практического значения, нивелированию их роли в правовом регулировании» [Сидоркин, А. С., 2009, с. 6]. Кроме того, используемые в определении правового принципа термины «основная идея», «руководящее начало», «фундаментальное начало» и т. д. в силу отсутствия их общеупотребительного/общепризнанного значения сами нуждаются в дефиниции. Использование для определения одного неизвестного понятия совокупности нескольких неизвестных понятий выглядит по меньшей мере нелогично.

- Сторонником признания за принципами права их идеальной природы является А. Ф. Черданцев: «Если принципы права не идеи, значит, они материальны, в каком же виде тогда они существуют: твердом, жидким, газообразном, плазмы?» [Черданцев, А. Ф., 2016, с. 8]. Чем автора не устраивают формы правового акта, правового договора, правового обычая и т. д.? Во всех этих формах могут найти свое проявление принципы права, и они весьма объективны и материальны. «Принципы права являются не началами или идеями, а эффективно действующими самостоятельными элементами права, средствами регулирования правоотношений» [Ершов, В. В., 2018, с. 245].

- Примером синтетического подхода к определению принципов права, а также логической противоречивости может служить дефиниция, предложенная Р. Л. Ивановым: «Принципы права – это закрепленные в различных его источниках или выраженные в устойчивой юридической практике общепризнанные основополагающие идеи, адекватно отражающие уровень познания общесоциальных и специфических закономерностей права и служащие для создания внутренне согласованной и эффективной системы юридических норм, а также непосредственного регулирования общественных отношений при ее проблемности и противоречивости» [Иванов, Р. Л., 1996, с. 115]. Громоздкость данного определения и обилие в нем оценочных понятий препятствуют принятию данной авторской позиции. Кто и как измерит параметры общепризнанности, основополагаемости, эффективности, адекватности, устойчивости и т. д.?

- Г. А. Гаджиев считает, что принципы права – это положения (правила) объективного права (т. е. не идеального и не естественного), которые могут выражаться, а могут и не выражаться в тексте законов, но обязательно должны применяться в судебной практике [Гаджиев, Г. А., 2002, с. 54–55].

То есть автором вычленены всего три признака принципа права: а) это положения, б) они объективно выражены в тексте закона, но могут и не выражаться в нем, в) ими руководствуется судебная практика – весьма немногословно для раскрытия столь сложного юридического феномена. Этим признакам могут соответствовать и иные юридические феномены, например правовые обычай.

• В развитие концепции интегративного правопонимания (не соответствующее взглядам ее учителя В. В. Ершова, который в основу своей доктрины положил латинский термин *integer* – целый, что предполагает построение целостной, а не мозаичной конструкции правопонимания) Я. В. Шаповалова полагала, что принципы права, в том числе и в отечественном правовом пространстве, в процессе реализации судебного правотворчества могут найти свою объективизацию/формулирование в судебных актах [Шаповалова, Я. В., 2012]. Однако согласно концепции интегративного правопонимания, к последователям которой относит себя автор, правосудие в правовых системах романо-германской правовой семьи выполняет функцию индивидуального регулирования (в отличие от правового). Представляется, что суд должен (может) руководствоваться принципом права, но формулировать его не может.

• К сторонникам концепции интегративного правопонимания (в ее симбиозе с естественно-позитивным правопониманием, под интеграцией понимая разновидность синтеза) относит себя и В. М. Шафиров. В соответствии с его взглядами «принципы права – определяющее звено в системе нормативных обобщений» – это естественно-правовой (основанный на идее о природе человека / «человеческом измерении») фундамент, только на котором и может строиться позитивное право [Шафиров, В. М., 2017]. Автор именует принципы «нормативными обобщениями», считает, что первичным элементом системы права является все-таки юридическая норма, а не принцип.

• Последователями концепции интегративного правопонимания являются и В. П. Канищев и Р. Р. Палеха, раскрывая принципы права сквозь призму феномена человеческого мышления как логический абстракт процесса познания человеком правовой действительности [Канищев, В. П., Палеха, Р. Р., 2018]. По мнению авторов получается, что сфера права первична, а принципы вторичны и, следовательно, не могут быть первичным элементом правового регулирования, фактически их представления о принципах права сводятся к тому, что это идеи. Такая позиция не в полной мере соответствует постулатам концепции интегративного правопонимания.

• В соответствии с взглядами В. Н. Корнева принцип права как форма объективизации феномена «действующее право» подлежит реализации и применению наряду с нормами права: «право – это принципы и нормы». Принципы права нельзя отождествлять ни с нормами права, ни с обычаями права, они также не являются ни «идеями», ни «основными началами». «Они имманентно присущи праву, а не представляют собой плод теоретических рассуждений, ведущихся по поводу действующего права. Иначе говоря, принципы права, их природа не зависит от субъективных взглядов ученых, не конструируются ими, а представляют собой объективно сложившиеся нормативно-ценостные явления» [Корнев, В. Н., 2012,

с. 6]. Таким образом, в представлении автора принцип права – это симбиоз нормы права и социальной ценности. Подобное «гибридное» понимание рассматриваемого юридического явления представляется не совсем убедительным по следующим основаниям: усматривается некое темпорально-логическое противоречие. Так, в одном случае говорится, что принципы предопределяют всю систему права (т. е. во времени предшествуют ей), в другом случае они определяются как симбиоз юридической нормы и социальной ценности (значит, во времени они сосуществуют одновременно). В то же время приведенную позицию В. Н. Корнева можно понимать и иначе: принцип права, будучи первичным элементом правового регулирования, обуславливает генерирование нормы права и в таком контексте в дальнейшем образует с ней неразрывную связь (например, норма права подлежит толкованию в призме понимания принципа права); в таком контексте можно согласиться с автором в полной мере.

• Продолжая обзор взглядов представителей школы интегративного правопонимания, нельзя обойти вниманием индивидуальную позицию Р. Р. Палехи (она несколько отличается от положений, изложенных в соавторстве с В. П. Канищевым). Основываясь на том, что «интегративный подход призван не механически объединить, а интегрировать в единое целое теоретически значимые моменты различных концепций: этатизма, социологизма, юснатурализма, психологизма, историзма и т. д.» [Палеха, Р. Р., 2011, с. 13], автор полагает, что принцип права – одна из форм права, которая, в соответствии с диалектикой соотношения формы и содержания, раскрывает его сущность – абстрактную идею о должном в правовом регулировании. Принцип права – такой же регулятор правоотношений, как и норма права, правовой обычай, правовой договор, «которые в совокупности и образуют необходимый правовой массив, предназначенный для обеспечения максимально полного правового регулирования современных общественных отношений» [Палеха, Р. Р., 2011, с. 129]. Это предназначение автор раскрыл на примере соотношения требований к судебному решению: законности, обоснованности и справедливости. Однако в дальнейшем он отходит от постулатов концепции интегративного правопонимания, заявляя, что первичным элементом правового регулирования является норма права, а принцип права вытекает из нее [Палеха, Р. Р., 2011, с. 137].

• А. А. Клементьев отграничивает принципы права от различного рода мировоззренческих установок религиозного и морального характера, от позиций судов и усмоктования правоприменителей, которые на своем уровне также способны отражать идеи равенства и справедливости, которые он, как и В. В. Ершов, относит к «неправу». Хотя в дальнейшем почему-то полагает: принципы одновременно включают в себя и правовое, и «неправовое», нравственно-моральное содержание [Клементьев, А. А., 2018]. Автор определяет принцип права как первичный и абстрактный самостоятельный правовой регулятор, раскрывающий сущность права, повышающий степень его определенности, обеспечивающий внутреннее единство и целостность права. Принцип права обладает, по мнению автора, высшей императивностью и универсальностью. Если с последним утверждением вполне можно согласиться, то с императивностью ситуация более проблемна: принципы права

вполне могут формироваться (что нередко и происходит) и посредством реализации диспозитивного метода (например, в правовых договорах).

• А. В. Петров и А. В. Зырянов, причисляя себя к школе интегративного правопонимания, также полагают, что первичным элементом правового регулирования является норма права, из которой вытекают все иные правовые регуляторы, в том числе и принципы права. Обоснование своей позиции они начали с латинского, по их мнению, хотя фактически французского, изречения: *do choc des opinions jaillit la verite* – в споре рождается истина [Петров, А. В., Зырянов, А. В., 2017, с. 92]. Однако в первоисточнике (его латинской интерпретации, так как древнегреческий вариант до нас не дошел) это высказывание Сократа, если не вырывать его из контекста, а воспринимать в свете его учения, выглядит несколько иначе: *in controversia sapientium veritas nascitur in controversia stultorum moritur* – в споре мудрецов рождается истина, в споре глупцов она умирает⁵, что и предопределило непоследовательность в развитии и изложении избранной концепции правопонимания.

• Н. Б. Зазаева на основании раскрытия содержания заимствованного из естественных наук (биологии, химии, квантовой теории...) принципа комплементарности демонстрирует соединение в единое целое самодостаточных объектов, в связи с чем принцип справедливости, например, сохранив философско-морально-нравственное идеальное содержание, может быть как в прокрустово ложе помещен в норму правового акта. «В интегративно-исследовательской парадигме необходимые элементы права сосуществуют одновременно, а не поочередно, пульсируя в социальной жизни» [Зазаева, Н. Б., 2008, с. 22]. Далее автор рассуждает о том, что ставить вопрос: что раньше – принцип права или норма права, равнозначно вопросу: что раньше – курица или яйцо? Соотношение нормы права, правового обычая и принципа права равно соотношению привычного, должного (принудительного) и допустимого (приемлемого, нравственного). Весьма образная и интересная авторская позиция!

• Н. А. Арапов, основываясь на законе парности, предложил к введению в научный оборот такой признак принципа права, как «бинарность»: принципы права в юридическом пространстве существуют и взаимодействуют в связанных парах, в своей встречной направленности ограничивая друг друга [Арапов, Н. А., 2016, с. 105]. В силу абстрактного содержания принципа права установление точных границ его применения невозможно, но в мире не существует ничего беспредельного (даже вселенная имеет свои границы), в связи с чем функцию ограничения действия принципа права осуществляют другой парный принцип права, причем такое воздействие обоюдно. Имеет место не коллизия принципов, а их взаимограничение во встречном действии: «Каждому принципу можно противопоставить другой, который будет его ограничивать, что, однако, не предполагает превосходство одного принципа над другим и не исключает возможность их гармонизации, когда из принципа не только необходимо дедуктивно вывести правило, но еще сам принцип надо согласовать с другими принципами и следующими из них пра-

⁵ В каком споре рождается истина. URL: <https://dzen.ru/a/Y6GoUCcpAShg2BCs>.

вилиами» [Арапов, Н. А., 2016, с. 105]. В качестве иллюстрации этого мнения приводится такой принцип Устава ООН, как ненарушение территориальной целостности государства посредством применения силы или угрозы применения силы: он нормативно ограничен принципом права наций на самоопределение, а значит, обращаться к первому принципу может лишь государство, реализующее второй. В других же случаях неясно, каким образом осуществляется встречное воздействие, или как можно ограничить принципы справедливости, добросовестности и разумности?

• По мнению Р. Дворкина, принцип права – «это общий политический ориентир, при формулировке которого не указывается, какой он должен иметь вес и в какой мере допустим компромисс в отношении других политических ориентиров» [Дворкин, Р., 2004, с. 50]. При всей привлекательности такого определения оно отличается очевидной логической незавершенностью: нет ответов на вопросы, в чем сущность принципа права, чем принцип права отличается от других политических ориентиров и юридических феноменов.

• Г. Т. Чернобель полагал, что в основе принципа права лежит некая идея, сам же принцип является в лаконично-обобщенной форме конечным результатом идейного развития какой-либо теории [Чернобель, Г. Т., 2010]. Как элемент правосознания принцип представляет собой симбиоз теоретической мысли и юридического требования. Из сферы правосознания (идеальный феномен) посредством правотворчества принципы объективизируются/материализуются в нормах права, а реализуются в правоотношениях. Автором предлагается, на наш взгляд, конструкция некой «юридической матрешки»: идеальное внутри идеального.

• А. А. Демичев придерживался мнения, что «принципы права носят исключительно доктринальный характер и не обладают обязательностью, свойственной нормам права» [Демичев, А. А., 2005]. Аналогичную позицию занимал и И. Б. Морейн: «Принципы права являются наиболее общим выражением основных руководящих начал, исходных положений науки права в целом или отдельной ее отрасли или даже института» [Морейн, И. Б., 1965, с. 14]. Таким образом, эти авторы выводят принципы права из категории правовых регуляторов.

• Следует также отметить, что в доктрине уголовного права проблеме принципов уголовного права уделяется серьезное внимание, но достаточно пристальное исследование отраслевых принципов (в том числе и в контексте их связи с межотраслевыми и общеотраслевыми принципами) обычно осуществляется вне корреспондирующих связей с принципами международного уголовного права [Виттенберг, Г. Б., 1962; Загородников, Н. И., 1966; Кригер, Г. А., 1975; Мальцев, В. В., 2001; Попов, А. Н., 1993; Дагель, П. С., 1982; Келина, С. Г., Кудрявцев, В. Н., 1988; Скурко, Е. В., 2006; Пудовочкин, Ю. Е., Пирвагидов, С. С., 2003; Фефелов, П. А., 1970; Семенова, И. С., 2004; Фефелов, П. А., 1978; Бойко, А. И., 2005]. В то же время в нарушение закона парности и обратной связи любой научный анализ принципов международного уголовного права реализуется в соотношении с принципами национального уголовного права [Наумов, А. В., Кибальник, А. Г., ред., 2023; Чернова, О. А., Степенко, В. Е., Музыченко, П. Б.,

2012; Скуратов, А. Ю., Синякин, И. Н., 2021; Кудрявцев, В. Н., 2016; Розенцвайг, А. И., 2020].

Необходимо отметить, что в научной литературе популярны следующие абстрактные определения принципов права: а) «общая мысль, направление, вложенное законодателем сознательно или бессознательно в целый ряд юридических норм» [Шершеневич, Г. Ф., 1995, с. 15]; б) «нечто неизменное и всеобщее с тем, чтобы издаваемые в государстве употребительные законы всегда им соответствовали» [Золотухина, Н. М., 2018, с. 242]; в) «идеи, в соответствии с которыми строится система права» [Лукашева, Е. А., 1970]; г) «генеральная линия» [Коновалов, А. В., 2018]; д) «правовая идеология, рожденная правосознанием на верхнем уровне его развития, во всем ее парадигматическом значении» [Чернобель, Г. Т., 2011, с. 107]; е) «фундаментальные идеи, сформулированные на основе научного или практического опыта» [Марченко, М. Н., ред., 2007, с. 95]; ж) «критерий и мера оценки правомерности всех нормативных актов» и з) «нормативно заданные основные (правовые) начала (идеи), определяющие систему права и адресованные субъектам правоотношений» [Сумачев, А. В., 2017]; и) «руководящие положения и основополагающие начала» [Малиновский, А. А., 2008]; к) «центральные идеи» [Земская, П. Е., 2010]; л) «квинтэссенция многовекового опыта правового регулирования определенной сферы общественных отношений» [Лазарев, В. В., ред., 2001, с. 84–85]. Представляется, что в силу своей эфемерности определения «правовое бессознательное», «всеобщее», «идеальное» вряд ли могут быть полезны в функциональном плане. Понимание правового принципа в качестве некой идеи [Шпилевой-Шатский, П. А., 2012б, с. 44] имеет серьезный недостаток: идея – это продукт деятельности мышления конкретного человека (можно вместе думать об одном и том же, но нельзя вместе думать одну и ту же мысль). Для того чтобы такая идея приобрела правовые форму и содержание, она должна пройти длительный путь эволюции; сама по себе идея регулятором правоотношений быть не может. Также понимание принципа права в качестве некой идеи демонстрирует «сочетание несочетаемых» феноменов: права и неправа (идеи) [Кулаков, В. В., 2017, с. 17].

Акцентируем внимание на следующей особенности: в отличие от иных регуляторов правоотношений принципы права еще организуют правовое регулирование, их адресатом может быть и сам законодатель. Достаточно содержательной, хотя и несколько сумбурной, является следующая дефиниция правовых принципов: «Это общеобязательные, исходные, основополагающие, нормативные положения, отличающиеся всеобщностью, универсальностью, общей значимостью для всех цивилизованных наций, наивысшей императивностью, определяющие содержание правового регулирования и выступающие критерием правомерности поведения и деятельности участников правоотношений» [Шпилевой-Шатский, П. А., 2012а, с. 35].

Из всего многообразия определений в юридической науке принципов права, на наш взгляд, целесообразнее ориентироваться на данное В. В. Ершовым: «Это являющийся основанием всеобщей связи элементов единой системы права, первичный и наиболее простой элемент правового регулирования правоотношений, характеризующийся высшим уровнем абстрагирования» [Ершов, В. В., 2019, с. 14].

Давая дефиниции, всегда следует помнить: «Всякое определение представляет собой ограничение. Определить – это значит положить предел, границу, т. е. ограничить, точно так же как латинский синоним дефиниция – *definition* – буквально переводится как ограничение, установление границ» [Скловский, К. И., 2010, с. 72]. Если исходить из правила, что в дефиниции должны быть закреплены все сущностные признаки определяемого понятия, которые позволяют ограничить его от смежных понятий и категорий, то объединение в одном предложении всех перечисленных ниже признаков принципов права представляется чрезмерно громоздким. В связи с этим полагаем уместным ограничиться формулировкой перечня сущностных признаков рассматриваемого юридического явления: «Принципы права – основа права и правовых систем» [Гордиенко, Т. Г., 2000, с. 29] (от «*principium*» /лат/ – первичный, основной); «принцип есть важнейшая часть всего» (*principium est potissima pars cuiusque rei* /лат./).

Понятие «принцип» имеет многоуровневое содержание:

1) с позиции генезиса оно лежит в основе возникновения, формирования и развития определенного юридического явления (отправное начало, в контексте настоящего исследования – права);

2) с позиции функциональной – это главенствующее, основное положение, определяющее содержание и формы проявления любого феномена, ему подчинены все структурные элементы такого феномена (руководящее, главенствующее положение в данном случае права);

3) по содержанию принцип права обладает императивно-декларативным характером: императивность заключается в исключении диспозитивности, принципы права находятся как бы над участниками правоотношений, которые не могут договориться об игнорировании какого-либо принципа (добропорядочности, гуманизма, справедливости); вместе с тем свою объективизацию принципы права вполне могут найти в диспозитивных актах – в правовых договорах; декларативность принципов права проявляется в том, что они лишь провозглашаются в правовом акте, механизм волевого принудительного обеспечения в тексте нормы не предусматривается, принудительное обеспечение осуществляется посредством издания правовых норм, содержащих в своей структуре санкции;

4) по методу изложения принцип характеризуется высочайшим уровнем универсальности, абстрагирования и низким уровнем конкретизации, в связи с чем не представляется возможным в процессе правового и индивидуального регулирования делать из него какие-либо исключения (например, применительно к конкретному случаю нельзя установить, что регулирование будет несправедливым или негуманным, что допускается недобросовестное поведение субъектов...); можно утверждать, что требование правовой определенности, часто предъявляемое к юридическому регулятору, в данном случае уступает методу абстрагирования в его высшем уровне проявления; если правовая норма содержит конкретные положения (запрещающего, предписывающего или упрашивывающего характера), то принцип права, по мнению Р. Дворкина, выполняя функцию социального целеполагания, «...формирует основание для рассуждения в определенном направлении, но не требует/предлагает конкретного решения»

[Дворкин, Р., 2004, с. 45]; традиционные требования к норме права – о ее правовой определенности, ясности, конкретности, недвусмыслиности⁶ – не могут предъявляться к принципу права, который (например, справедливость) может иметь множество «смыслов» – уровней понимания;

5) правовое предписание, изложенное в принципе права, абсолютизируется и становится юридической максимой, в связи с чем какое-либо изъятие или исключение из него представляется невозможным; сложно предположить, что в каком-либо правовом акте будет оговорка, что применительно к конкретной ситуации юридическое положение следует считать несправедливым, негуманным, неразумным;

6) по своей функциональности он определяет основу деятельности законодателя и построения системы права (каждая правовая норма должна воплощать в себе принцип права), а также определяет и направление, и границы реализации права (так, если происходит нарушение принципа добросовестности, то это квалифицируется в цивилистике как злоупотребление правом – шикана (*aemulatio* /лат./), а в уголовном праве – как злоупотребление полномочиями);

7) своим адресатом правовые принципы имеют не только субъектов регулируемых или охраняемых правоотношений (прежде всего правоприменителей), но и законодателя, который, руководствуясь ими, издает правовые акты и формирует на их основе единое и системное правовое пространство;

8) в процессе правового регулирования принцип права может действовать опосредованно через норму права (издается норма права, основанная на определенном принципе и раскрывающая его содержание) либо непосредственно (например, при восполнении пробела в законе – аналогия права);

9) обладающие высшим авторитетом принципы права являются критерием и мерой оценки легитимности всех нормативных актов (А. Л. Кононов, *цит. по: [Ершов, В. В., 2018, с. 300]]*);

10) с позиции содержания правовой системы в целом, а именно: равновесия субъективных прав и обязанностей, запретов и дозволений и т. д., принцип права представляется «точкой равновесия» (если процесс правового регулирования условно представить в виде весов/качелей), которая обеспечивает устойчивость/баланс всей системы права; так, соотношение прав и обязанностей подчиняется требованиям справедливости, разумности, добросовестности; если в каком-то правоотношении нарушается закон парности и встречности, а обязанности доминируют над правами в отношении одной из сторон, такая явная несправедливость может служить основанием для признания сделки кабальной или хищнической, проявление недобросовестности вполне может быть основанием для совершения мошенничества;

11) принципы права выполняют функцию своеобразного гаранта презумпции беспробельности системы права в целом: там, где присутствует пробел в конкретном правовом акте, «на помощь» приходят правовые

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2006 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 3.

принципы; для обозначения такого феномена в юридической доктрине и законодательстве используется не совсем удачный термин «аналогия права»; «...принципы права позволяют всегда решить спор: и при отсутствии норм, и при их противоречивости» [Кулаков, В. В., 2017, с. 17];

12) если норма права объективизируется в правовом акте (принятом в результате реализации определенных правотворческих процедур), то принцип права может найти свою объективизацию также и в правовом обычаяе, и в правовом договоре, и т. д.;

13) в отличие от норм права и правовых обычаяев принципы права слабо подвержены систематизации; на уровне международного права (иногда это встречается и в национальном праве) приняты кодифицированные правовые акты, именуемые «Принципы...», но в действительности они представляют собой свод обычных норм права, причем в некоторых из них принципы вообще отсутствуют;

14) с точки зрения юридической техники при формулировании принципа права неприменимы методы бланкетный, ссылочный, казуистичный, дифференцированный (принцип не может быть разделен на виды и категории, что не исключает различного понимания одного и того же принципа в различных отраслях права: например, различно понимание принципа справедливости в уголовном праве и цивилистике);

15) с позиции теории эманации права принцип права как бы наделяет чрезвычайно формализованную (сухую) норму права ореолом нравственности, обеспечивая ее высшую легитимность (наполняя ее жизненной социальной энергией) и обуславливая принятие ее обществом, ее практическую реализацию; несправедливая, негуманная, неразумная норма права (т. е. не соответствующая перечисленным принципам) будет отторгнута обществом, что объясняет феномен существования в правовом пространстве «мертвых» юридических норм. *Lex iustitia non est lex /лат./* – несправедливый закон – не закон (Августин Блаженный)⁷. Вполне можно согласиться с Ю. Хабермасом: «Право нуждается в нравственно-рациональном оправдании юридических норм на практике, поэтому его нельзя представить только в виде свода законов» [Хабермас, Ю., 2000, с. 86]. Наглядный пример: когда по итогам Второй мировой войны судили нацистских преступников, они оправдывали себя соблюдением законов. Их позиция была опровергнута тезисом: никакое соблюдение закона не может противоречить фундаментальным принципам человечности, справедливости, здравому смыслу, свойственным всем порядочным людям;

16) в отличие от норм права принципы права характеризуются повышенной устойчивостью, они подвергаются ревизии лишь в переломные моменты исторического развития общества;

17) по мнению Р. Алекси, принцип права характеризуется признаком дедуктивности (от общего к частному), обусловленным абстрактным характером содержащихся в нем положений: для того чтобы он был реализован

⁷ Аврелий Августин Иппонийский. Избранные цитаты. URL: <https://theocrat.ru/autor/%D0%90%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B9+%D0%90%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD/>.

на практике, он, как правило, нуждается в имплементации посредством нормы права, хотя возможно и его прямое действие (например, при разрешении проблемы пробела в правовом акте) [Alexy, R., 2010, p. 44–111];

18) в контексте механизма реализации предписание нормы права вполне может быть реализовано до своего логического абсолюта, принцип же не может быть реализован до логического абсолюта, быть исчерпан (так, нельзя полностью реализовать справедливость или добросовестность) [Арапов, Н. А., 2016, с. 104];

19) принципы права характеризуются высоким уровнем динамики (развития во времени); в различные периоды исторического развития один и тот же принцип может наполняться различным содержанием: в одном и том же социуме то, что справедливо в одну эпоху, может быть признано несправедливым в другую;

20) в отличие от нормы права принцип права указывает не на конечный результат правотворческой и правоприменительной деятельности (например, разделить совместно нажитое имущество супругов при их разводе), а определяет общее направление юридического развития к идеальному «горизонту» в контексте решения определенной юридической проблемы (в нашем примере – чтобы такой раздел имущества был справедливым и пропорциональным); общество абсолютной справедливости нигде не существует, никогда не существовало и вряд ли будет существовать, но все мы стремимся к нему, а в общество, лишенное идей справедливости, приходят хаос, анархия и диктат грубой силы;

21) если в нормах права присутствует баланс корреспондирующих конкретных прав и обязанностей, то принцип права формирует аксиологический эталон (желательный образец) поведения и обеспечивает бытие всей системы права как социальной ценности (принцип права выполняет функцию декларирования определенной социальной ценности в ее органичной привязке к правовой материи), чем система права отличается от первичной системы табу (протоправа);

22) и главное: принцип права – это регулятор правоотношений, он влияет на формирование прав и обязанностей участников правоотношений (определяет правила поведения) в конкретной (для индивидуального регулирования) или типовой (для правового регулирования) ситуации; либо формирует меру (может быть, и общие требования к таковой) юридической ответственности (государственного принуждения) для нарушителей установленных предписаний или запретов.

Правовые принципы традиционно подразделяются на межотраслевые (законность, гуманизм, справедливость, добросовестность) и отраслевые. К последним можно отнести императивность (в уголовном праве) и диспозитивность (в цивилистике). Несомненно, элементы диспозитивности присутствуют и в уголовном законе (досудебное соглашение о сотрудничестве, примирение с потерпевшим...), а императивность наблюдается и в гражданском кодексе.

Полагаем, что приведенная нами характеристика принципов права, основанная на анализе их признаков, раскрывает содержание данного юридического феномена и создает предпосылки для понимания «механизма» регулирования им правоотношений. Настоящая работа не претендует на

статус научного опуса, исчерпывающего задекларированную проблематику, а является приглашением к научной дискуссии всех, интересующихся данным вопросом.

Список источников

- Арапов Н. А. К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 102–113.
- Бойко А. И. Теория принципов уголовного права // Уголовное право. 2005. № 4. С. 121–124.
- Бэкон Ф. О принципах и началах. М. : Соцэкгиз, 1937. 79 с.
- Виттенберг Г. Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4. С. 38–45.
- Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юристъ, 2002. 284 с. ISBN: 5-7975-0520-7.
- Гордиенко Т. Г. Принципы права – основа права и правовых систем // Личность и государство на рубеже веков : сб. науч. ст. / под ред. В. В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. 268 с.
- Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. 124 с.
- Дворкин Р. О правах всерьез. М. : РОССПЭН, 2004. 392 с. ISBN: 5-8243-0569-2.
- Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5–10.
- Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : моногр. М. : РГУП, 2018. 628 с. ISBN: 978-5-93916-631-7.
- Ершов В. В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5–16. DOI: 10/17238/issn2072-909X.2019.2.5-16.
- Ершов В. В. Эволюция и эманация права: сравнительный анализ // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 5. С. 65–74. DOI: 10.12737/jrp.2023.052.
- Загородников Н. И. Принципы советского социалистического уголовного права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 65–74.
- Зазаева Н. Б. Соотношение права и нравственности в свете интегративного подхода // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 21–25.

Земскова П. Е. Понятие «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика, управление, право. 2010. № 14 (57). С. 200–205.

Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль XVI в.: Максим Грек о праве, справедливости, законности и правосудии : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 680 с. ISBN: 978-5-4396-1586-5.

Иванов Р. А. О понятии принципов права // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 2. С. 115–118.

Канищев В. П., Палеха Р. Р. Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления // Вестник Воронежского института МВД России. Юридические науки. 2018. № 2. С. 165–170. DOI: 149554631.

Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. 173 с. ISBN: 5-02-012802-3.

Кешикова Н. В. Принципы права в свете постнеклассической юридической рациональности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 109–115.

Клементьев А. А. К определению природы принципов права в парадигме интегративного правопонимания // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2018. Т. 18, № 3. С. 75–80. DOI:10.14529/law180312.

Ковачев Д. А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 71–77.

Коган В. М. Принципы советского уголовного права // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка / отв. ред. С. В. Бородин, И. И. Карпец. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. С. 91–95.

Коновалов А. В. Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex russica. 2018. № 10. С. 9–11. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.009-017.

Корнев В. Н. Легальные и доктринальные основания понятия «действующее право» // Российское правосудие. 2012. № 11. С. 5–14.

Кригер Г. А. Принципы советского уголовного права // Демократия и право развитого социалистического общества : материалы Всесоюз. науч. конф. / под ред. А. И. Денисова, Г. В. Иванова, Г. А. Кригера. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 354–358.

Кудрявцев В. Н. Международное уголовное право. М. : Норма, 2016. 97 с. ISBN: 5-02-008292-9.

Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 185–192.

Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 16–20. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.016-020.

Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29.

- Малиновский А. А. Принципы уголовного права (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 4. С. 27–30.
- Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград : Изд-во Волгоград. акад. МВД России, 2001. 264 с. ISBN: 5-7899-0187-5.
- Международное уголовное право / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. 5-е изд. М. : Юрайт, 2023. 517 с. ISBN: 978-5-534-17010-8.
- Морейн И. Б. Перевод на другую работу. М. : Юрид. лит. 1965. 207 с.
- Общая теория государства и права / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юрист, 2001. 520 с. ISBN: 5-7357-0123-1.
- Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд. М. : Норма, 2007. 804 с. ISBN: 978-5-91768-411-6.
- Палеха Р. Р. Интегративное отечественное правопонимание: современные концептуальные подходы : моногр. М. : РАП, 2011. 164 с. ISBN: 978-5-93916-313-2.
- Петров А. В., Зырянов А. В. Интегративный подход в современных юридических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Вып. 17, № 3. С. 90–95. DOI: 10.14529/law170316.
- Попов А. Н. Принцип справедливости в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. 167 с.
- Принципы публичного права : моногр. / под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Подшивалова. М. : Проспект, 2019. 288 с. ISBN: 978-5-392-30966-5.
- Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 295 с. ISBN: 5-94201-170-2.
- Розенцвайг А. И. Международное уголовное право. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2020. 160 с. ISBN: 978-5-7883-1472-3.
- Сабитов Т. Р. Традиционная концепция системы уголовно-правовых принципов // Вестник НГУ. Сер.: Право. 2012. Т. 8, вып. 2. С. 125–130.
- Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.
- Семенова И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
- Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Государство и право в России: история и современность. Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2009. № 4. С. 1–8.
- Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М. : Статут, 2010. 891 с. ISBN: 978-5-534-13090-4.

- Скуратов А. Ю., Синякин И. Н. Международное уголовное право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. 560 с. ISBN: 978-5-392-32760-7.
- Скурко Е. В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 55–61.
- Сумачев А. В. О принципах уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 8–15.
- Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск : Изд-во ВШ МВД, 1970. 144 с.
- Фефелов П. А. Принципы советского уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. 38 с.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 104 с. ISBN: 5-02-026810-0.
- Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15. DOI: 10.12737/21518.
- Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.
- Чернобель Г. Т. Техника формирования и закрепления правовых принципов // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. М. : Юстицинформ, 2011. С. 106–131. ISBN: 978-5-7205-1135-7.
- Чернова О. А., Степенко В. Е., Музыченко П. Б. Международное уголовное право. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2012. 103 с. ISBN: 978-5-7389-1087-6.
- Шаповалова Я. В. Некоторые проблемы методологии построения концепции интегративного правопонимания и ее развитие в современной теории права // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 18–24.
- Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24–34. DOI: 10.12737/article_59522f97cdd437.98640469.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М. : Спарк, 1995. 556 с. ISBN: 5-87143-032-5.
- Шпилевой-Шатский П. А. Понятие, признаки и правовая природа общепризнанных принципов права (теоретико-правовой аспект) // Проблемы в российском законодательстве. 2012а. № 4. С. 34–39.
- Шпилевой-Шатский П. А. Принципы права в системе права: национальный и международный аспект: проблемы и подходы // Проблемы в российском законодательстве. 2012б. № 1. С. 44–47.
- Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. N. Y. : Oxford University Press, 2010. 462 p. ISBN: 978-0-19-825821-6.
- Kelsen H. Allgemeine Theorie der Normen. Wien : Manz, 1979. 362 s. ISBN: 3214068822; 9783214068820.

References

- Alexi, R., 2010. *Theory of constitutional rights*. New York: Oxford University Press. 462 p. ISBN: 978-0-19-825821-6.
- Arapov, N. A., 2016. [On the issue of the concept of “principle” in constitutional law: its definition and functions]. *Peterburgskij yurist* = [St. Petersburg Lawyer], 1, pp. 102–113. (In Russ.)
- Bacon, F., 1937. *O printsipakh i nachalakh* = [About principles and principles]. Moscow: Sotsekgiz. 79 p. (In Russ.)
- Boyko, A. I., 2005. [Theory of principles of criminal law]. *Ugolovnoe pravo* = [Criminal Law], 4, pp. 121–124. (In Russ.)
- Cherdantsev, A. F., 2016. Integrative misunderstanding law. *Journal of Russian Law*, 10, pp. 5–15. (In Russ.) DOI: 10.12737/21518.
- Chernobel, G. T., 2010. Legal principles as an ideological paradigm. *Journal of Russian Law*, 1, pp. 84–94. (In Russ.)
- Chernobel, G. T., 2011. Technique of formation and consolidation of legal principles. In: N. A. Vlasenko, ed. *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika* = [Normative legal technique]. Moscow: Justitsinform. Pp. 106–131. (In Russ.) ISBN: 978-5-7205-1135-7.
- Chernova, O. A., Stepenko, V. E., Muzychenko, P. B., 2012. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* = [International criminal law]. Khabarovsk: Publishing House of Pacific National University. 103 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7389-1087-6.
- Dagel, P. S., 1982. *Problemy sovetskoy ugolovnoy politiki* = [Problems of Soviet criminal policy]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University. 124 p. (In Russ.)
- Demichev, A. A., 2005. [Positivist classification of principles of civil procedural law]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess* = [Arbitration and Civil Procedure], 7, pp. 5–10. (In Russ.)
- Dworkin, R., 2004. *O pravakh vser'ez* = [About rights in earnest]. Moscow: ROSSPEN. 392 p. (In Russ.) ISBN: 5-8243-0569-2.
- Ershov, V. V., 2018. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij* = [Legal and individual regulation of public relations]. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice. 628 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-631-7.
- Ershov, V. V., 2019. Principles of law: essence and functions. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], 2, pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10/17238/issn2072-909X.2019.2.5-16.
- Ershov, V. V., 2023. Evolution and emanation of law: a comparative analysis. *Journal of Russian Law*, 27(5), pp. 65–74. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrp.2023.052.
- Fefelov, P. A., 1970. *Ponyatie i sistema printsipov sovetskogo ugolovnogo prava* = [The concept and system of principles of Soviet criminal law]. Sverdlovsk: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs. 144 p. (In Russ.)

- Fefelov, P. A., 1978. *Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava* = [Principles of Soviet criminal law]. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 38 p. (In Russ.)
- Gadzhiev, G. A., 2002. *Konstitutsionnye printsipy rynochnoj ekonomiki (razvitiye osnov grazhdanskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossijskoj Federatsii)* = [Constitutional principles of a market economy (development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Moscow: Yurist. 284 p. (In Russ.) ISBN: 5-7975-0520-7.
- Gordienko, T. G., 2000. [Principles of law – the basis of law and legal systems]. In: Nevinsky, V. V., ed. *Lichnost' i gosudarstvo na rubezhe vekov* = [Personality and the state at the turn of the century]. Collection of scientific articles. Barnaul: Publishing House of the Altai University. 268 p. (In Russ.)
- Habermas, J., 2000. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* = [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka. 104 p. (In Russ.) ISBN: 5-02-026810-0.
- Ivanov, R. L., 1996. [On the concept of principles of law]. *Vestnik Omskogo universiteta* = [Bulletin of Omsk University], 2, pp. 115–118. (In Russ.)
- Kanishchev, V. P., Palekha, R. R., 2018. [Integrative approach to understanding law as a progressive type of legal thinking]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. Juridicheskie nauki* = [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Legal Sciences], 2, pp. 165–170. (In Russ.) DOI: 149554631.
- Kelina, S. G., Kudryavtsev, V. N., 1988. *Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava* = [Principles of Soviet criminal law]. Moscow: Nauka. 173 p. (In Russ.) ISBN: 5-02-012802-3.
- Kelsen, H., 1979. *Allgemeine Theorie der Normen*. Wien: Manz, 362 s. ISBN: 3214068822; 9783214068820.
- Keshikova, N. V., 2012. Principles of law in the context of post-non-classical legal rationality. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii* = [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 5, pp. 109–115. (In Russ.)
- Klementyev, A. A., 2018. On the definition of the nature of the principles of law in the paradigm of integrative legal understanding. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”*, 18(3), pp. 75–80. (In Russ.) DOI: 10.14529/law180312.
- Kogan, V. M., 1987. [Principles of Soviet criminal law]. In: S. V. Borodin, I. I. Karpets, eds. *XXVII s"ezd KPSS i ukreplenie pravoporyadka* = [XXVII Congress of the CPSU and strengthening of law and order]. Moscow: Publishing House of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences. Pp. 91–95. (In Russ.)
- Konovalov, A. V., 2018. The state of the principles of power and its role in regulating legal relations. *Lex Russica*, 10, pp. 9–11. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.009-017.

- Kornev, V. N., 2012. Legal and doctrinal foundation of “Current law” concept. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], 11, pp. 5–14. (In Russ.)
- Kovachev, D. A., 1997. Constitutional principle: its idea, reality and fictitiousness. *Journal of Russian Law*, 2, pp. 71–77. (In Russ.)
- Krieger, G. A., 1975. [Principles of Soviet criminal law]. In: A. I. Denisov, G. V. Ivanov, G. A. Krieger, eds. *Demokratiya i pravo razvitoogo sootsialisticheskogo obshchestva* = [Democracy and the law of a developed socialist society]. Materials of the All-Union Scientific Conference. Moscow: Publishing House of Moscow State University. Pp. 354–358. (In Russ.)
- Kudryavtsev, V. N., 2016. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* = [International criminal law]. Moscow: Norma. 97 p. (In Russ.) ISBN: 5-02-008292-9.
- Kulakov, V. V., 2013. Basic principles of civil law as a specific form of law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 4, pp. 185–192. (In Russ.)
- Kulakov, V. V., 2017. Principles of family law. *Actual Problems of Russian Law*, 5, pp. 16–20. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.016-020.
- Lazarev, V. V., ed., 2001. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* = [General theory of state and law]. Moscow: Yurist. 520 p. (In Russ.) ISBN: 5-7357-0123-1.
- Lukasheva, E. A., 1970. [Principles of socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [The Soviet State and Law], 6, pp. 21–29. (In Russ.)
- Malinovsky, A. A., 2008. [Principles of criminal law (comparative legal analysis)]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* = [International Criminal Law and International Justice], 4, pp. 27–30. (In Russ.)
- Maltsev, V. V., 2001. *Printsipy ugolovnogo prava* = [Principles of criminal law]. Volgograd: Publishing House of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 264 p. (In Russ.) ISBN: 5-7899-0187-5.
- Marchenko, M. N., ed., 2007. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs* = [General theory of state and law: an academic course]. In 3 vols. Vol. 2. 3rd ed. Moscow: Norma. 804 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-411-6.
- Morein, I. B., 1965. *Perevod na druguyu rabotu* = [Transfer to another job]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 207 p. (In Russ.)
- Naumov, A. V., Kibalnik, A. G., eds., 2023. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* = [International criminal law]. 5th ed. Moscow: Yurajt. 517 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-534-17010-8.
- Palekha, R. R., 2011. *Integrativnoe otechestvennoe pravoponimanie: sovremennye konceptual'nye podkhody* = [Integrative domestic legal understanding: modern conceptual approaches]. Monograph. Moscow: Russian Academy of Justice. 164 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-313-2.

- Petrov, A. V., Zyryanov, A. V., 2017. Integrated approach in the modern legal studies. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 17(3), pp. 90–95. (In Russ.) DOI: 10.14529/law170316.
- Popov, A. N., 1993. *Printsip spravedlivosti v ugolovnom prave* = [The principle of justice in criminal law]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg. 167 p. (In Russ.)
- Pudovochkin, Yu. E., Pirvagidov, S. S., 2003. *Ponyatie, printsipy i istochniki ugolovnogo prava: srovnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh gosudarstv* = [The concept, principles and sources of criminal law: a comparative legal analysis of the legislation of Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States]. St. Petersburg: Juridicheskij tsentr Press. 295 p. (In Russ.) ISBN: 5-94201-170-2.
- Rosentsvaig, A. I., 2020. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* = [International criminal law]. Samara: Publishing House of Samara University. 160 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7883-1472-3.
- Sabitov, T. R., 2012. Traditional conception of the system of criminal law principles. *Vestnik NGU. Ser.: Pravo* = [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: "Law"], 8(2), pp. 125–130. (In Russ.)
- Sabitov, T. R., 2019. *Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema i vidy* = [Criminal law principles: concept, system and types]. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg. 54 p. (In Russ.)
- Semenova, I. S., 2004. *Printsip ravenstva pered zakonom v ugolovnom prave Rossijskoj Federatsii* = [The principle of equality before the law in the criminal law of the Russian Federation]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 26 p. (In Russ.)
- Shafirov, V. M., 2017. Integrative legal understanding and rigid positivism. *Journal of Russian Law*, 7, pp. 24–34. (In Russ.) DOI: 10.12737/article 59522f97cdd437.98640469.
- Shapovalova, Ya. V., 2012. Some problems of methodology for constructing the concept of integrative legal understanding and its development in modern theory of law. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], 4, pp. 18–24. (In Russ.)
- Shershenevich, G. F., 1995. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* = [Textbook of Russian civil law]. As published in 1907. Moscow: Spark. 556 p. (In Russ.) ISBN: 5-87143-032-5.
- Shpilevoy-Shatsky, P. A., 2012a. The concept, attributes, and the legal nature of the generally recognized principles of law (theoretical and legal aspects). *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* = [Gaps in Russian Legislation], 4, pp. 34–39. (In Russ.)
- Shpilevoy-Shatsky, P. A., 2012b. The principles of law in the system of law: national and international dimension: problems and approaches. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* = [Gaps in Russian Legislation], 1, pp. 44–47. (In Russ.)

- Sidorkin, A. S., 2009. Principles of law: the concept and their role in legal regulation. *RUDN Journal of Law*, 4, pp. 1–8. (In Russ.)
- Sklovsky, K. I., 2010. *Sobstvennost' v grazhdanskem prave* = [Property in civil law]. Moscow: Statut. 891 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-534-13090-4.
- Skuratov, A. Yu., Sinyakin, I. N., 2021. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe parvo* = [International criminal law]. Textbook. Moscow: Prospekt. 560 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-32760-7.
- Skurko, E. V., 2006. [Legal principles in the legal system, the system of law and the system of legislation: theory and practice]. *Pravovedenie* = [Jurisprudence], 2, pp. 55–61. (In Russ.)
- Sumachev, A. V., 2017. [On the principles of criminal law]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* = [Legal Science and Law Enforcement Practice], 4, pp. 8–15. (In Russ.)
- Titova, E. V., Podshivalova, T. P., eds., 2019. *Printsipy publichnogo prava* = [Principles of public law]. Monograph. Moscow: Prospekt. 288 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-30966-5.
- Vittenberg, G. B., 1962. [The development of the basic principles of Soviet criminal law in the new Criminal Code of the RSFSR]. *Pravovedenie* = [Jurisprudence], 4, pp. 38–45. (In Russ.)
- Zagorodnikov, N. I., 1966. Principles of public administration. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [The Soviet State and Law], 5, pp. 65–74. (In Russ.)
- Zazaeva, N. B., 2008. The correlation of law and morality in the light of an integrative approach. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, pp. 21–25. (In Russ.)
- Zemskova, P. E., 2010. [The concept of “general principles of law recognized by civilized nations”]. *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, 14, pp. 200–205. (In Russ.)
- Zolotukhina, N. M., 2018. *Politiko-pravovaya mysль XVI v.: Maksim Grek o prave, spravedlivosti, zakonnosti i pravosudii* = [Political and legal thought of the XVI century: Maxim the Greek on law, equity, legality and justice]. Monograph. Moscow: Yurlitinform. 680 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-1586-5.

Информация об авторе / Information about the author

Арямов Андрей Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российской государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), почетный работник сферы образования Российской Федерации, LLD, LitD.

Andrey A. Aryamov, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation, LLD, LitD.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования;
09.03.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 09.03.2024;
accepted for publication 06.06.2024.

Научная статья

УДК 340.12

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58

Власть и управление в условиях глобализации

Мария Вячеславовна Кича

*Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
kichamv@mail.ru*

Аннотация

Введение. Вопросы власти и управления в условиях глобализации являются одной из наиболее животрепещущих тем западных общественных наук, затрагиваая широкий спектр отраслей научного знания – от социологии, политологии, социальной и политической философии до экономики и юриспруденции. Декларируемые глобалистами перспективы исчезновения государства как суверенного субъекта правоотношений либо кардинальной трансформации данного устоявшегося политico-правового явления, стремительное развитие неправительственных и некоммерческих организаций, цифровая революция, повышение уровня информатизации общества и многие другие факторы реальности, не имевшие места в предыдущие столетия, порождают закономерные вопросы об осуществлении власти и управления в новых сложившихся условиях. Изучение данной проблематики имеет новизну для отечественной юридической науки, поскольку указанная тема еще не рассматривалась российскими учеными-юристами.

Методы. В настоящем исследовании применены диалектический, социологический, исторический и герменевтический методы. Названные методы использованы во взаимодействии с целью получения синергетического эффекта.

Результаты исследования. В результате комплексного анализа выявлены главные аспекты авторской концепции власти и управления в условиях глобализации применительно к современности, а также сделаны прогнозы относительно описанной ситуации в ближайшем будущем.

Обсуждение и заключение. Данная статья, в отличие от иных исследований, родственных по тематике и целевому назначению, предлагает комплексный анализ власти и управления в условиях глобализации в их современном и актуальном виде. Автор учитывает тесную взаимосвязь глобализации, власти и властеотношений с историческим наследием, региональными особенностями и объективными факторами правовой реальности.

Ключевые слова: власть, управление, глобализация, глобализм, государство, право, властеотношение, частный сектор, третий сектор, правительство, неправительственная организация, некоммерческая организация

Для цитирования: Кича М. В. Власть и управление в условиях глобализации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 43–58. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58.

Original article

Power and Governance in the Context of Globalization

Maria V. Kicha

Rostov Branch, Russian State University of Justice, Rostov-on-Don,

Russian Federation

kichamv@mail.ru

Abstract

Introduction. Issues of power and management in the context of globalization are one of the most pressing topics in Western social sciences, affecting a wide range of branches of scientific knowledge – from sociology, political science, social and political philosophy to economics and jurisprudence. The prospect of the disappearance of the state as a sovereign subject of legal relations, declared by globalists, or a radical transformation of this established political and legal phenomenon, the rapid development of non-governmental and non-profit organizations, the digital revolution, an increase in the level of informatization of society and many other factors of reality that did not take place in previous centuries, raise natural questions about the exercise of power and control in the new prevailing conditions. The study of this issue is new for domestic legal science, since this topic has not yet been considered by Russian legal scholars.

Methods. In this study, dialectical, sociological and hermeneutical methods are applied. The above methods are used in conjunction to obtain a synergistic effect.

Results. As a result of a comprehensive analysis of power and management in the context of globalization, the main aspects of this concept in relation to modern times have been identified, and forecasts have been made regarding the described situation in the near future.

Discussion and Conclusion. This article, unlike other articles related in topic and purpose, offers a comprehensive analysis of power and management in the context of globalization in their modern and relevant form. The author takes into account the close relationship of globalization, power and power relations with the historical heritage, regional characteristics and objective factors of legal reality.

Keywords: power, management, globalization, globalism, state, law, power relations, private sector, third sector, government, non-governmental organization, non-profit organization

For citation: Kicha, M. V., 2024. Power and governance in the context of globalization. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 43–58. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58.

Введение

Актуальность выбранной темы в наши дни не вызывает сомнений. Проблематика власти и управления в условиях глобализации приобретает особую специфику с учетом современных реалий, когда социально-политические, юридические, экономические и военные события, явления и процессы столь тесно переплетены друг с другом, что определяют ситуацию в разных концах земного шара.

Теоретической базой для развития исследуемой темы стали основные и новейшие публикации ряда зарубежных ученых. Однако никто из них не рассматривает проблему комплексно, каждый автор изучает определенный (иногда довольно узкий) аспект указанной тематики. Среди основных подобных исследовательских «срезов» выделяются следующие: власть в условиях глобализации как шанс создать эффективный надгосударственный механизм защиты прав человека (С. Бессон), влияние глобализации на миграцию (Е. Форнале) и статус отдельных категорий лиц (Ф. Мегрэ), экзистенциальный конфликт власти и государственной системы с правами человека (С. Смет). Некоторые авторы изучают особенности правозащитных механизмов в условиях глобализации либо правозащитную практику отдельных международных организаций, отдавая себе отчет в том, что как нарушение, так и защита прав человека неизбежно сопряжены с разнообразными аспектами власти и управления (Дж. Беккер, В. Милано).

Введение в научный оборот основных положений публикаций указанных авторов может содействовать интеграции зарубежного правового опыта и теоретических разработок в отечественную юридическую науку. В целом их проблематика охватывает основы теории власти и властеотношений, а также ее практическую реализацию с учетом международной и зарубежной правовой (в частности, судебной) практики, актуальные статистические данные и особенности методологии, характерной для западной общественной науки. При этом в процессе исследования автор столкнулся с определенными трудностями, как то: большой объем исследуемого материала, его многоаспектность и необходимость увязать воедино не только сугубо юридические, но также исторические, социальные и иные факторы объективной реальности. Некоторые вопросы продолжают оставаться нерешенными – например, разработка методологических рекомендаций для правоохранительных организаций, должностных лиц и официальных органов, осуществляющих власть и управление на региональном и международном уровнях.

Методы

Объект исследования представлен общественными отношениями, складывающимися в области власти и управления в условиях глобализации.

Методология исследования обусловлена сложностью и многогранностью его объекта. *Диалектический метод исследования* позволил выявить противоречия и разнотечения в формулировке и сущности отдельных аспектов глобализации, власти и управления. *Социологический метод* предоставляет возможность отследить, какое влияние на власть и управление оказывают нормы неправовые (нормы обычая, традиций, религиозные и др.). Различия в подходах к пониманию различных явлений и процессов обусловливают необходимость применения герменевтического метода исследования.

Результаты исследования

Термин «глобализация» получил распространение в 1990-е гг. и обозначает реальные фундаментальные изменения, которые имеют глубокие последствия для политики, экономики, военной деятельности и окружающей среды. Глобализация влияет на власть иправленческие процессы и одновре-

менно зависит от них. Экономические кризисы (как, например, в 1997–1999 гг.), социальные потрясения и прочие катализмы дают понять, что, если не удастся эффективно управлять некоторыми аспектами глобализации, она может оказаться не только неустойчивой, но и губительной.

Глобализм – это состояние мира, включающее сети взаимозависимости на многоконтинентальных расстояниях [Mittelman, J. H., 2017, p. 322–325]. Эти сети могут быть связаны посредством потоков и влияний капитала и товаров, информации и идей, людей и сил, а также экологически и биологически значимых веществ (таких, как кислота, дождь или патогены). Глобализация и деглобализация характеризуют рост или упадок глобализма.

Глобализм имеет два особых качества.

1. Глобализм относится к сетям связей (множественным отношениям), а не просто к отдельным связям. Мы можем говорить об экономической или военной взаимозависимости между Соединенными Штатами и Японией, но не о глобализме между Соединенными Штатами и Японией. Взаимозависимость США и Японии является частью современного глобализма, но сама по себе глобализмом не является [Fornalé, E., 2011, p. 601].

2. Чтобы сеть взаимоотношений считалась «глобальной», она должна включать в себя многоконтинентальные расстояния, а не просто региональные сети [McGoldrick, D., 2005, p. 30–32]. Расстояние является непрерывной переменной, варьирующейся от границы с соседним государством (например, между США и Канадой) до противоположного конца земного шара (например, от Великобритании до Австралии). Таким образом, любое резкое разграничение «дальней» и «региональной» взаимозависимостей является произвольным, и нет смысла подводить под эту категорию отношения конкретных государств – скажем, Японии и Индии или Египта и ЮАР. Однако было бы неправильно использовать термин «глобализм» для обозначения непосредственных региональных отношений. Глобализация означает сокращение расстояний, но в больших масштабах. Ее можно противопоставить локализации, национализации или регионализации [Merry, S. E., Davis, K. N., Kingsbury, B., 2017, p. 198–199].

Яркий пример глобализации – это распространение ислама из Аравии в Азию на территорию нынешней Индонезии; но распространение индуизма по Индийскому субконтиненту таковой не является [Shah, N. A., 2011, p. 202]. Связи между странами Азиатско-Тихоокеанского форума экономического сотрудничества (АТЭС) квалифицируются как многоконтинентальная взаимозависимость, поскольку в число этих стран входят государства Северной и Южной Америки, Азии и Австралия; но Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) является региональной.

Глобализм не предполагает универсальности. На рубеже тысячелетий четверть населения Америки пользовалась интернетом по сравнению с 0,01% населения Южной Азии. Сегодня у большинства людей в мире нет телефонов; сотни миллионов крестьян живут в отдаленных деревнях и имеют крайне слабую связь с мировыми рынками или глобальным потоком идей [Berry, S. E., 2011, p. 438]. Действительно, глобализация сопровождается увеличением разрыва между богатыми и бедными. Она не подразумевает гомогенизации или равенства.

Согласно теории глобализации интегрированный мировой рынок будет обеспечивать свободное движение товаров, людей и капитала, а также конвергенцию процентных ставок. Впрочем, подобные предположения далеки от реальности. Во второй половине XX в. объемы мировой торговли росли невиданными ранее темпами, а общий объем прямых иностранных инвестиций в экономики различных государств в три раза превысил мировой объем производства, но, несмотря на все это, Великобритания и Франция сегодня лишь немного более открыты для торговли, чем в 1913 г., а Япония – даже в меньшей степени [Riley, S., 2008, p. 736]. По некоторым оценкам, рынки капитала были более интегрированы на заре XX в., нежели сейчас, а рабочая сила в наши дни менее мобильна, чем в XIX в., когда 60 млн человек не только активно перемещались внутри Европы, но даже покинули ойкумену и двинулись в Новый Свет (из-за войн и преследований, по экономическим причинам и т. д.) [Obokata, T., 2012, p. 607]. К тому же религиозные убеждения и другие глубоко укоренившиеся ценности часто приводили к конфликтам.

Диаметрально противоположным взглядом на подобные конфликты выступает дуалистическое и весьма символичное представление о США: восприятие Соединенных Штатов как «Великого Сатаны», которого придерживается режим исламского фундаментализма в Иране, и возведение протестующими студентами на площади Тяньаньмэн в Пекине (1989) копии Статуи Свободы (т. е. видение в США образца для подражания, цитадели демократии и силы, способной дать освобождение от диктатуры либо вдохновить на него). Очевидно, что как в социальном, так и в экономическом плане из глобализации не обязательно следует гомогенизация.

Взаимозависимость и глобализм представляют собой многомерные явления, но слишком часто определяются в сугубо экономических терминах. Следует помнить, что не менее важны и другие формы глобализма. Миграция – давнее глобальное явление. Человеческий вид начал покидать место своего происхождения, Африку, около 1,25 млн лет назад и добрался до Америки где-то между 30 000 и 13 000 лет назад. Одной из важнейших форм глобализации является биологическая. Первая эпидемия оспы зафиксирована в Египте в 1350 г. до н. э. Она достигла Китая в 49 г., Европы – после 700 г.; Америки – в 1520 г. и Австралии – в 1789 г. Чума («черная смерть») зародилась в Азии, но, распространившись, убила от четверти до трети населения Европы в период с 1346 по 1352 г. Когда европейцы путешествовали в Новый Свет в XV–XVI вв., они несли с собой патогены, уничтожившие тысячи представителей коренного американского населения. Впрочем, не все последствия экологического глобализма оказались неблагоприятными: например, питание и кухня Старого Света выиграли от импорта таких культур Нового Света, как картофель, кукуруза и помидоры. Военная глобализация берет свое начало по крайней мере с эпохи Александра Македонского 2300 лет назад, – в результате его походов возникла империя, простиравшаяся от Афин до Инда. Действительно, завоевания Александра сыграли колossalную роль для внедрения западной мысли и эллинистического общества в восточный мир.

Мы можем выделить несколько форм глобализма, помня, что каждая из них неразрывно связана с властью и управлением:

- экономический глобализм включает в себя циркуляцию потоков товаров, услуг и капитала на больших расстояниях, а также информацию и представления, которые сопровождают рыночный обмен. Кроме того, экономический глобализм предполагает организацию процессов, связанных с этими потоками: например, организацию низкоизработных производств в Азии для рынков США и Европы. Действительно, некоторые экономисты определяют глобализацию в узкоэкономических терминах как «перенос технологий и капитала из стран с высокой заработной платой в страну с низкой заработной платой» и, как следствие, «рост трудоемкого экспорта из стран третьего мира» [Londono, P., 2009, p. 659];

- военный глобализм относится к сетям взаимозависимости на больших расстояниях, в которых применяются сила, а также угроза или обещание ее применить. Наглядным примером военного глобализма является «баланс террора» между Соединенными Штатами и Советским Союзом во время «холодной войны». Стратегическая взаимозависимость обоих государств была острой и общепризнанной. «Холодная война» привела к созданию международных альянсов, а каждая из противоборствующих сторон могла уничтожить другую с помощью межконтинентальных ракет в течение тридцати минут. Данная ситуация была особенной – но не потому, что была кардинально новой, а потому, что масштаб и скорость развития потенциального конфликта, способного возникнуть из-за взаимозависимости, были огромны;

- экологический глобализм означает перенос на большие расстояния в атмосфере или океане материалов либо биологических веществ – таких, как патогены или генетические материалы, – которые влияют на здоровье и благополучие человека и иных живых существ. Среди примеров – разрушение стратосферного озонового слоя в результате воздействия озоноразрушающих химикатов; антропогенное глобальное потепление (если оно имеет место); распространение СПИДа из Центральной Африки по всему миру, начавшееся на закате 1970-х гг. Как и в других формах глобализма, важна передача информации как напрямую, так и посредством движения генетического материала, а также косвенно – в результате выводов, сделанных на основе материальных потоков. В целом экологический глобализм может быть вполне естественным: Земля переживала периоды потепления и похолода еще до того, как воздействие человека стало значительным, но большая часть недавних изменений вызвана деятельностью человека;

- социальный и культурный глобализм предполагает движение идей, информации и образов, а также людей, которые несут с собой идеи и информацию. Примеры включают движение религий или распространение научных знаний. Важным аспектом социального глобализма является имитация практики и институтов одного общества другими: то, что некоторые социологи называют «изоморфизмом» [Deinla, I., 2019, p. 201]. Однако часто социальный глобализм следует за военным и экономическим глобализмом.

Можно представить себе и другие измерения. Например, политический глобализм может ассоциироваться с той частью социального глобализма, которая относится к идеям и информации о власти и управлении. Его мож-

но измерить эффектом имитации (например, конституционных механизмов или количества демократических государств) либо распространением государственной политики или политических режимов того или иного вида [Dobratz, B., Waldner, L., 2019, p. 224–238].

Правовой глобализм может относиться к распространению юридической практики и институтов по различным вопросам, включая мировую торговлю и криминализацию военных преступлений главами государств [Harrison, B. C., 2022, p. 173–178].

Глобализация происходит и в других измерениях – например, в науке, развлечениях, моде и языке. Одна очевидная проблема с рассмотрением всех этих аспектов глобализма как измерений, аналогичных тем, которые мы перечислили, заключается в том, что, когда категории множатся, они перестают быть полезными. Поэтому, чтобы избежать такого расширения, мы рассматриваем эти разновидности глобализма как подвиды социального и культурного глобализма.

Политический глобализм представляется не отдельной формой, а аспектом любого из вышеуказанных четырех видов. Почти все формы глобализации имеют политические последствия. Например, Всемирная торговая организация (ВТО), Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Монреальская конвенция и специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) являются ответом на экономическую, военную, экологическую и социальную глобализацию. После событий в Косово и Восточном Тиморе идеи о правах человека и гуманитарных интервенциях в противовес классическим формулировкам государственного суверенитета стали центральной темой Генеральной Ассамблеи ООН 1999 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан утверждал, что в глобальную эпоху «коллективный интерес является национальным интересом»¹, а президент Южной Африки Табо Мбеки заявил, что «процесс глобализации обязательно переопределяет концепцию и практику национального суверенитета» [Nour, A., 2020, p. 7]. Президент Алжира Абдельазиз Бутефлика, глава Организации африканского единства, ответил, что он не отрицает право северного общественного мнения осуждать нарушения прав человека, но «суверенитет – это наша последняя защита от правил неравноправного мира», и «мы (Африка. – М. К.) не участвуем в процессе принятия решений»². Это были дебаты о политических последствиях социальной и военной глобализации, а не о политической глобализации в отличие от ее социальных и военных аспектов.

Рассуждая о глобализации, власти и управлении, необходимо помнить, что под *властью* мы подразумеваем способность оказывать воздействия на поведение других лиц, а под *управлением* – процессы и институты, как

¹ Kofi Annan. Secretary-General presents his Annual Report to the General Assembly. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/1999-09-20/secretary-general-presents-his-annual-report-general-assembly> (дата обращения: 31.08.2023).

² R2P After 9/11 and The World Summit. URL: <https://wilj.law.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/1270/2012/02/weiss.pdf> (дата обращения: 31.08.2023).

формальные, так и неформальные, которые направляют и ограничивают коллективную деятельность той или иной социальной группы. Правительство – это подмножество, которое действует в соответствии с определенными полномочиями и создает формальные обязательства. Власть и управление не обязательно должны осуществляться исключительно правительствами и международными организациями, которым они делегируют полномочия. Частные фирмы, ассоциации фирм, неправительственные организации (НПО) и ассоциации НПО – все участвуют в процессе управления, осуществления власти и властеотношениях, часто в сотрудничестве с государственными органами, но иногда и без полномочий правительства [Amos, M., 2015, р. 552–554].

Вопреки радикальным глобалистским взглядам, национальное государство не исчезнет и не будет ничем заменено в качестве основного инструмента внутренней и глобальной власти. Существует обширная литература о влиянии глобализма на власть и управление, которая, на наш взгляд, позволяет сделать более тонкие выводы. В частности, о том, что национальное государство дополняется другими игроками (частным и так называемым «третьим сектором», т. е. некоммерческими организациями) в более сложной социально-политической географии. Национальное государство является наиболее важным действующим лицом на арене глобальной политики, но оно не является единственным важным действующим лицом. Если рассматривать социальное и политическое пространство как матрицу, то большая часть властной и управляемой деятельности будет проходить за пределами рамок, представленных национальными столицами национальных государств [Dastoor, N. F. 2020, р. 44–53].

Более сложными выглядят не только география власти и управления, но и их формы на всех трех уровнях. Власть может осуществляться посредством законов, иных социальных норм и иных инструментов (экономических, технических и т. д.). Например, можно замедлить движение транспорта в районе, введя ограничение скорости, вывесив дорожные знаки (допустим, «Дети»), взимая плату за въезд в район или установив на проезжей части «лежачих полицейских». В то же время частные фирмы – как и представители «третьего сектора» – оказывают давление на правительства с целью создания благоприятных правовых режимов внутри страны и на международном уровне. Результатом является не устаревание национального государства, а его трансформация и создание и осуществление политики в новых формах и на новых оспариваемых пространствах [Milano, V., 2017, р. 708].

Многие авторы, говоря об управлении глобализмом, используют так называемую «внутреннюю аналогию» [Greag, A., 2007, р. 524–527]. Люди часто думают о глобальном управлении и власти как о глобальном правительстве, потому что им хорошо знакома внутренняя аналогия в виде государственного аппарата. В соответствии с указанным образом мышления если национализация американской экономики в XIX в. привела к национализации американского правительства, то глобализация мировой экономики должна привести к созданию мирового правительства [Bekker, G., 2013, р. 509–514]. Но структура федерализма уже существовала в Соединенных

Штатах, и она опиравались на общий язык и политическую культуру (хотя даже это не предотвратило кровавую гражданскую войну в 1861–1865 гг.).

Литература о влиянии глобализма на власть и управление обширна. По нашему мнению, наиболее убедительные работы сходятся в формулировании ряда общих выводов, гласящих, что национальные государства будут продолжать играть важную роль во власти и управлении, а внутренние структуры государств будут иметь решающее значение для их способности адаптироваться к глобализации и ее последствиям.

Во-первых, важно не переоценивать масштабы перемен в ближайшем будущем. Глобальной экономической интеграции предстоит пройти долгий путь. Со строго экономической точки зрения это можно считать «неэффективностью», но с точки зрения политico-экономической ситуации ее можно назвать «полезной неэффективностью», которая обеспечивает буфер для внутриполитических разногласий, одновременно обеспечивая открытость для глобальной экономики. Со временем – и с развитием рыночной интеграции – данная «полезная неэффективность» сойдет на нет. Национальные политические системы вызывают глубокие последствия, которые не легко стереть с помощью технологий. Например, исследования канадского экономиста Джона Хелливелла показывают, что даже в Северной Америке национальные границы оказывают мощное влияние на экономическую активность. Торонто торгует с Ванкувером в десять раз активнее, чем с Сиэтлом. Электронная коммерция бурно развивается, но все еще составляет небольшую часть от общего объема торговли даже в Соединенных Штатах [Helliwell, J. F., 2002, р. 16–17].

Особо отмечается, что, несмотря на разговоры об исчезновении политической автономии, «глобализация не спровоцировала повсеместную политическую гонку к неолиберальному дну среди стран ОЭСР, а правительства, которые упорно придерживались интервенционистской политики, не были неизменно сбиты с толку и не понесли ущерб из-за бегства капитала» [Chakravarty, A., 2017, р. 590].

Во-вторых, хотя глобализация и может оказывать мощное воздействие на социально-экономическое неравенство и политику распределения материальных благ, сегодня ее влияние все равно не так очевидно, как в XIX в. Универсальные предположения о росте неравенства и о том, что «бедные становятся беднее», слишком просты. Прежде всего необходимо различать внутреннее и международное неравенство. В целом, исходя из теоремы Хекшера – Олина, мы должны ожидать увеличения неравенства в богатых странах (по причине наличия там капитала и высококвалифицированной рабочей силы, которые «уходят в плюс» за счет неквалифицированной рабочей силы), однако в развивающихся странах «линия неравенства» должна выровняться. Это теоретический расклад, но реальность может быть куда сложней, чем теория, следовательно, характер политической системы и ее институциональная слабость могут иметь решающее значение в развивающихся странах [Besson, S., 2006, р. 327].

С экономической точки зрения дешевая рабочая сила в бедных странах выигрывает от торговли и миграции; страдает дешевый труд в более богатых странах. Данное утверждение, безусловно, было верно в конце XIX в.,

учитывая масштабы миграции («силы конвергенции конца XIX в. включали конвергенцию цен на сырьевые товары и расширение торговли, технологическое отставание и накопление человеческого капитала, но главной силой явно была массовая миграция» [Hodžić, E., 2020, р. 528]).

Современная глобализация в гораздо меньшей степени обусловлена трудовой миграцией, чем в XIX в., поэтому нынешние выводы и аргументы неоднозначны. Глобализация в форме торговли между богатыми и бедными странами, вероятно, приведет к увеличению неравенства доходов в богатых странах, как и предсказывали Хекшер и Олин, но при этом бедными странами зачастую являются страны с низкой заработной платой и неразработанными природными ресурсами. Вместе с тем Соединенные Штаты сейчас импортируют природные ресурсы, параллельно являясь страной с высокими заработными платами. Таким образом, на международной основе эта форма глобализации может привести к расхождению, а не к конвергенции. Миграция, которая порождает конвергенцию, сейчас значительна, но далеко не так важна, как в XIX в. [Eekelaar, J., 2002, р. 183].

В богатых странах существуют и другие потенциальные причины роста неравенства, в частности технологии и меняющийся состав рабочей силы. По общим оценкам, на торговлю может приходиться от 5% до 33% увеличения разницы в заработной плате. Не будем отходить от основной темы исследования, однако стоит отметить, что подобные оценки в аналитической экономической литературе не мешают «глобализации» в целом нести политическую вину за усиление неравенства доходов. Даже если технологические изменения, ориентированные на повышение квалификации, являются основной причиной увеличения неравенства доходов в богатых странах за последние три десятилетия, глобализация будет политически спорной [Smet, S., 2017, р. 500–501].

В-третьих, влияние глобализации на государство существенно различается в зависимости от политico-экономической системы. Один из способов рассмотрения данной проблемы – это так называемые «производственные системы». В рыночных системах глобализация приводит к неравенству доходов, поскольку рыночные цены на квалифицированную рабочую силу растут, а разделение труда расширяется. В социал-демократических государствах «всеобщего благосостояния» трансферные выплаты ограничивают неравенство доходов, но результатом этого является безработица. В системах японского типа глобализация оказывает давление на систему пожизненного найма и другие аспекты, обеспечивающие благосостояние через корпорации, а не государство. Общий смысл заключается в том, что глобализация взаимодействует с внутренней политикой и внутригосударственной властью; неверно ни то, что глобализация повсюду приводит к одним и тем же последствиям (а тем более – разрушает государство всеобщего благосостояния либо государственную власть), ни то, что глобализация вообще не важна, ни на что не влияет и не имеет никакого значения. Чтобы справиться с последствиями глобализации, можно выбрать множество возможных путей в зависимости от истории, структур и господствующих в обществе взглядов, ибо идея единой «золотой смирильной рубашки» нежизнеспособна [Helliwell, J. F., 2009, р. 7–17].

Очередной актуальный вопрос власти и управления в условиях глобализации заключается в том, приведет ли грядущая эра глобализации к фундаментальным трансформациям государственно-правовых явлений. Известно утверждение, что государство как внешне суверенный субъект «уйдет в прошлое», однако пока нет объективных причин соглашаться с данным тезисом. Согласно знаменитому афоризму, «чем больше вещи меняются, тем больше они остаются прежними». Испокон веков проблемы внутри страны и за рубежом проверяют характер государств. Некоторые государства терпят неудачу, а другие успешно проходят испытания, и их в наше время достаточное количество; кроме того, они формируют и поддерживают международную систему именно как систему государств и межгосударственных отношений.

Делая ставку на выживание государства как политico-правового феномена, нельзя не учитывать появление других важных игроков и ограничения, которые они могут наложить на государственный суверенитет. Вместе с тем не следует упускать из виду тот факт, что современные государства устойчивы и изобретательны. Конечно, их границы становятся более проницаемыми, а меры контроля – более проблематичными для реализации, но перспективы внутренней власти и управления отнюдь нельзя назвать простыми. Ярчайшим образом это видно на примере интернета. Первоначально интернет был структурирован хакерами с либертарианской антиправительственной культурой, но коммерция быстро изменила «глобальную паутину». Коммерческие процедуры аутентификации учетных данных создали основу, которая делает возможным частное регулирование в сети, а присутствие крупных коммерческих структур создает цели для осуществления государственного регулирования [Kanoue, Y., 2015, р. 647–652]. Хотя сообщения глобальной электронной коммерции свободно пересекают границы, процессы, посредством которых они производятся, часто предполагают реконфигурацию физического пространства. Саския Сассен говорит о «переносе политики» из национальных столиц в глобальные города, образующие «новую экономическую географию центральности, которая пересекает национальные границы и старое разделение между Севером и Югом»³.

Итак, на данный момент есть все основания полагать, что власть и управление по-прежнему будут сосредоточены в национальном государстве. Государственная власть останется критически важной, как и распределение власти между государствами. Однако сам образ государства уже претерпевает значительные изменения, поскольку теперь государственные органы тесно связаны с субъектами частного и третьего секторов. Роль трансправительственных сетей и транснациональных отношений всех видов будет увеличиваться. Параллельно возникнут смешанные коалиции, поскольку, как показывает практика, правительства и НПО/НКО могут эффективно взаимодействовать друг с другом и с транснациональными корпорациями.

³ Sassen S. Embedded Borderings: Making New Geographies of Centrality. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/21622671.2017.1290546> (дата обращения: 02.09.2023).

Обсуждение и заключение

Глобализация, безусловно, оказывает сильное влияние на власть и управление в государствах, однако оно далеко от того, чтобы привести к ликвидации национального государства. Существование «полезной неэффективности», сохранение национальной политической культуры и традиций означает, что государство по-прежнему является ключевым институтом власти и управления. Вместе с тем внутренняя политика государства будет находиться под воздействием эрозии экономической неэффективности, напряженности вокруг перераспределения материальных благ и экономического неравенства, которые сопровождают глобализацию, а также возрастающей роли транснациональных игроков и субъектов третьего сектора.

Нормотворчество и интерпретация правил стали плюралистичными. Частные фирмы, НПО, НКО, а также транснациональные и трансправительственные сети играют в этом свою роль, причем зачастую вместе с центральными государственными органами и межправительственными организациями. В результате любая формирующаяся модель управления должна быть сетевой, а не иерархической, и должна иметь минимальные, достижимые, не слишком амбициозные цели.

Нельзя списывать со счетов сценарий, при котором политическая база межправительственных организаций либо ведущих государств окажется слишком слабой, чтобы поддерживать высокий уровень власти, властеотношений и управления в условиях глобализации. Это может привести к тупику и разочарованию, но результаты такого тупика не ясны. Теоретически они могут обусловить ограничение глобализационных процессов, отход от новых властных институтов и возвращение к концепции национального государства, как это случилось после 1914 г. Однако подобного в настоящее время вряд ли стоит ожидать всерьез.

Возможна проработка других направлений – например, развитие квазисудебных процессов на международном уровне, «мягкое законодательство» и эффективное управление конкретными проблемными областями путем использования транснациональных и трансправительственных сетей. Маловероятно простое повторение прошлого или возврат к миру изолированных национальных государств. Сейчас совершенно очевидно, что глобализм уже не исчезнет, вопрос в том, каким образом он будет регулироваться.

Список источников

Amos M. The Second Division in Human Rights Adjudication: Social Rights Claims under the Human Rights Act 1998 // Human Rights Law Review. 2015. Vol. 15, issue 3. P. 549–568. DOI: 10.1093/hrlr/ngv015.

Bekker G. The African Commission on Human and Peoples' Rights and Remedies for Human Rights Violations // Human Rights Law Review. 2013. Vol. 13, issue 3. P. 499–528. DOI: 10.1093/hrlr/ngt019.

Berry S. E. Bringing Muslim Minorities within the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination – Square

- Peg in a Round Hole? // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 3. P. 423–450. DOI: 10.1093/hrlr/ngr014.
- Besson S. The European Union and Human Rights: Towards A Post-National Human Rights Institution? // *Human Rights Law Review*. 2006. Vol. 6, issue 2. P. 323–360. DOI: 10.1093/hrlr/ngl001.
- Chakravarty A. Truth Commissions: Memory, Power and Legitimacy // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 3. P. 589–591. DOI: 10.1093/hrlr/ngx021.
- Dastoor N. F. The Responsibility to Refine: The Need for a Security Council Committee on the Responsibility to Protect // *Harvard Human Rights Journal*. 2020. Vol. 22. P. 25–62.
- Deinla I. Legal Hybridity, Trust, and the Legitimacy of the Shari'ah in the Bangsamoro // *Law and Policy*. 2019. Vol. 41, issue 2. P. 198–219. DOI: 10.1111/lapo.12123.
- Dobratz B., Waldner, L. Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology. London : Routledge, 2019. 875 p. ISBN-10: 1351392963.
- Eekelaar J. Personal Rights and Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2002. Vol. 2, issue 2. P. 181–197. DOI: 10.1093/hrlr/2.2.181.
- Fornalé E. Making People Illegal: What Globalization Means for Migration and Law // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 3. P. 600–603. DOI: 10.1093/hrlr/ngr018.
- Grear A. Challenging Corporate 'Humanity': Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2007. Vol. 7, issue 3. P. 511–543. DOI: 10.1093/hrlr/ngm013.
- Harrison B. C. Power and Society: An Introduction to the Social Sciences. Oxford : Oxford University Press, 2022. 434 p. ISBN: 0495096717.
- Helliwell J. F. Globalization and Well-Being. Vancouver : UBC Press, 2002. 107 p. ISBN: 0774809922.
- Helliwell J. F. Well-Being and Public Policy. Vancouver : UBC Press, 2009. 212 p. ISBN: 0195334078.
- Hodžić E. Testing the Limits of Consociational Imagination: The Non-discrimination Norm in Divided Societies // *Human Rights Law Review*. 2020. Vol. 20, issue 3. P. 526–554. DOI: 10.1093/hrlr/ngaa029.
- Kanosue Y. When Land is Taken Away: States Obligations under International Human Rights Law Concerning Large-Scale Projects Impacting Local Communities // *Human Rights Law Review*. 2015. Vol. 15, issue 4. P. 643–667. DOI: 10.1093/hrlr/ngv026.
- Kuhn P. Y. Reforming the Approach to Racial and Religious Hate Speech Under Article 10 of the European Convention on Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2019. Vol. 19, issue 1. P. 119–147. DOI: 10.1093/hrlr/ngz001.
- Maitra I., McGowan M. K. On Racist Hate Speech and the Scope of a Free Speech Principle // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. 2010. Vol. 23, issue 2. P. 343–372.

- Merry S. E., Davis K. N., Kingsbury B. The Quiet Power of Indicators: Measuring Governance, Corruption, and Rule of Law // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 1. P. 196–202. DOI: 10.1007/9781139871532.
- Milano V. The European Court of Human Rights' Case Law on Human Trafficking in Light of L.E. v Greece: A Disturbing Setback? // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 4. P. 701–727. DOI: 10.1093/hrlr/ngx031.
- Mittelman J. H. Reimagining Globalization: Plausible Futures // *Globalization: Past, Present, Future*. 2017. Vol. 4, December. P. 320–332. DOI: 10.1525/luminos.172.u.
- McGoldrick D. Multiculturalism and its Discontents // *Human Rights Law Review*. 2005. Vol. 5, issue 1. P. 27–56. DOI: 10.1093/hrlrev/ngi002.
- McGoldrick D. The Development and Status of Sexual Orientation Discrimination under International Human Rights Law // *Human Rights Law Review*. 2016. Vol. 16, issue 4. P. 613–668. DOI: 10.1093/hrlr/ngw030.
- Nour A. National Sovereignty and Globalization // *European Journal of Economics, Law and Politics*. 2020. Vol. 7, no. 3. P. 2–13.
- Obokata T. Anne Gallagher, the International Law of Human Trafficking // *Human Rights Law Review*. 2012. Vol. 12, issue 3. P. 606–608. DOI: 10.1093/hrlr/ngs006.
- Riley S. Conundrums of Humanity: The Quest for Global Justice // *Human Rights Law Review*. 2008. Vol. 8, issue 4. P. 733–737. DOI: 10.1093/hrlr/ngn028.
- Shah N. A. Abdulaziz Sachedina, Islam and the Challenge of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 1. P. 200–203. DOI: 10.1093/hrlr/ngq048.
- Smet S. On the Existence and Nature of Conflicts Between Human Rights at the European Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 3. P. 499–521. DOI: 10.1093/hrlr/ngx016.

References

- Amos, M., 2015. The Second Division in Human Rights Adjudication: Social Rights Claims under the Human Rights Act 1998. *Human Rights Law Review*, 15(3), pp. 549–568. DOI: 10.1093/hrlr/ngv015.
- Bekker, G., 2013. The African Commission on Human and Peoples' Rights and Remedies for Human Rights Violations. *Human Rights Law Review*, 13(3), pp. 499–528. DOI: 10.1093/hrlr/ngt019.
- Berry, S. E., 2011. Bringing Muslim Minorities within the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination – Square Peg in a Round Hole? *Human Rights Law Review*, 11(3), pp. 423–450. DOI: 10.1093/hrlr/ngr014.
- Besson, S., 2006. The European Union and Human Rights: Towards A Post-National Human Rights Institution? *Human Rights Law Review*, 6(2), pp. 323–360. DOI: 10.1093/hrlr/ngl001.

- Chakravarty, A., 2017. Truth Commissions: Memory, Power and Legitimacy. *Human Rights Law Review*, 17(3), pp. 589–591. DOI: 10.1093/hrlr/ngx021.
- Dastoor, N. F., 2020. The Responsibility to Refine: The Need for a Security Council Committee on the Responsibility to Protect. *Harvard Human Rights Journal*, 22, pp. 25–62.
- Deinla, I., 2019. Legal Hybridity, Trust, and the Legitimacy of the Shari'ah in the Bangsamoro. *Law and Policy*, 41(2), pp. 198–219. DOI: 10.1111/lapo.12123.
- Dobratz, B., Waldner, L., 2019. *Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology*. London: Routledge. 875 p. ISBN-10: 1351392963.
- Eekelaar, J., 2002. Personal Rights and Human Rights. *Human Rights Law Review*, 2(2), pp. 181–197. DOI: 10.1093/hrlr/2.2.181.
- Fornalé, E., 2011. Making People Illegal: What Globalization Means for Migration and Law. *Human Rights Law Review*, 11(3), pp. 600–603. DOI: 10.1093/hrlr/ngr018.
- Grear, A., 2007. Challenging Corporate 'Humanity': Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights. *Human Rights Law Review*, 7(3), pp. 511–543. DOI: 10.1093/hrlr/ngm013.
- Harrison, B. C., 2022. *Power and Society: An Introduction to the Social Sciences*. Oxford: Oxford University Press. 434 p. ISBN: 0495096717.
- Helliwell, J. F., 2002. *Globalization and Well-Being*. Vancouver: UBC Press. 107 p. ISBN: 0774809922.
- Helliwell, J. F., 2009. *Well-Being and Public Policy*. Vancouver: UBC Press. 212 p. ISBN: 0195334078.
- Hodžić, E., 2020. Testing the Limits of Consociational Imagination: The Non-discrimination Norm in Divided Societies. *Human Rights Law Review*, 20(3), pp. 526–554. DOI: 10.1093/hrlr/ngaa029.
- Kanosue, Y., 2015. When Land is Taken Away: States Obligations under International Human Rights Law Concerning Large-Scale Projects Impacting Local Communities. *Human Rights Law Review*, 15(4), pp. 643–667. DOI: 10.1093/hrlr/ngv026.
- Kuhn, P. Y., 2019. Reforming the Approach to Racial and Religious Hate Speech Under Article 10 of the European Convention on Human Rights. *Human Rights Law Review*, 19(1), pp. 119–147. DOI: 10.1093/hrlr/ngz001.
- Maitra, I., McGowan, M. K., 2010. On Racist Hate Speech and the Scope of a Free Speech Principle. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, 23(2), pp. 343–372.
- Merry, S. E., Davis, K. N., Kingsbury, B., 2017. The Quiet Power of Indicators: Measuring Governance, Corruption, and Rule of Law. *Human Rights Law Review*, 17(1), pp. 196–202. DOI: 10.1007/9781139871532.
- Milano, V., 2017. The European Court of Human Rights' Case Law on Human Trafficking in Light of L. E. v Greece: A Disturbing Setback?

- Human Rights Law Review*, 17(4), pp. 701–727. DOI: 10.1093/hrlr/ngx031.
- Mittelman, J. H., 2017. Reimagining Globalization: Plausible Futures. *Globalization: Past, Present, Future*, 4, December, pp. 320–332. DOI: 10.1525 /luminos.172.u.
- McGoldrick, D., 2005. Multiculturalism and its Discontents. *Human Rights Law Review*, 5(1), pp. 27–56. DOI: 10.1093/hrlrev/ngi002.
- McGoldrick, D., 2016. The Development and Status of Sexual Orientation Discrimination under International Human Rights Law. *Human Rights Law Review*, 16(4), pp. 613–668. DOI: 10.1093/hrlr/ngw030.
- Nour, A., 2020. National Sovereignty and Globalization. *European Journal of Economics, Law and Politics*, 7(3), pp. 2–13.
- Obokata, T., 2012. Anne Gallagher, The International Law of Human Trafficking. *Human Rights Law Review*, 12(3), pp. 606–608. DOI: 10.1093/hrlr/ngs006.
- Riley, S., 2008. Conundrums of Humanity: The Quest for Global Justice. *Human Rights Law Review*, 8(4), pp. 733–737. DOI: 10.1093/hrlr/ngn028.
- Shah, N. A., 2011. Abdulaziz Sachedina, Islam and the Challenge of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 11(1), pp. 200–203. DOI: 10.1093/hrlr/ngq048.
- Smet, S., 2017. On the Existence and Nature of Conflicts between Human Rights at the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 17(3), pp. 499–521. DOI: 10.1093/hrlr/ngx016.

Информация об авторе / Information about the author

Кича Мария Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66).

Maria V. Kicha, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch, Russian State University of Justice (66 Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства

Олег Юрьевич Рыбаков

Московский государственный юридический университет имени
О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация
ryb.oleg13@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4805-3083>

Аннотация

Введение. Техносоциальные трансформации, явившиеся следствием промышленно-цифровой революции Индустрия 4.0, инициируют множественные изменения в организации социальной жизни, культуре, праве, способах мышления, деятельности, ценностях, мировоззрении. Есть основания полагать, что идет процесс становления нового вида культуры, который не является подвидом или частью информационной либо правовой культуры.

Теоретические основы. Методы. Информационные, технологические, цифровые преобразования стали общесоциальными факторами, не локализующимися на уровне инструментов, вспомогательных средств организации деятельности и мышления человека. Культура претерпевает изменение как социальный феномен. Этап развития доцифровой правовой культуры завершен. Понятийный ряд: культура, право, информация, информационная культура, правовая культура дополняется новым понятием: правовая информационная культура. Методологический инструментарий междисциплинарности лишь частично отвечает потребностям исследования изменяющихся статусов культуры, права. Понятийное, аналоговое, сравнительное мышление входит в противоречие с так называемым «цифровым мышлением», которое не связано ни с новой методологией, ни с ее поиском.

Результаты исследования. Технологические новшества, данные человеку в результате промышленно-цифровой революции, не сопровождаются формированием адекватной культуры и способны трансформировать онтологический статус человека как существа разумного, самостоятельно мыслящего, целеполагающего, принимающего решения и способного нести ответственность за свои действия. Право как социально-ценностный институт испытывает риски своего сохранения на прежних аксиологических, нравственных основаниях. Одним из рисков является его замена совокупностью алгоритмических функций регулирования отношений. Человек, владеющий правовой информационной культу-

рой, способен содействовать сохранению права, ориентированного на юридическое равенство, свободу, справедливость, реализуемые при условии целеполагающей, творческой, осознанной деятельности человека.

Обсуждение и заключение. Утверждается необходимость формирования правовой информационной культуры как совокупности принципов, ценностей, знаний, компетенций, обеспечивающих участникам информационных отношений достижение модели правомерного/неправомерного поведения, основанного на осознании ценности права и приоритетной ценности человека.

Ключевые слова: культура, информационная культура, правовая культура, правовая информационная культура, право, алгоритм, сознание, человек, промышленно-цифровая революция, трансформация общества и государства

Благодарности: статья выполнена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКР: 124012000079-6.

Для цитирования: Рыбаков О. Ю. Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 59–74. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.59-74.

Original article

Legal Information Culture in the Context of Digital Transformation of Society and the State

Oleg Yu. Rybakov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

ryb.oleg13@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4805-3083>

Abstract

Introduction. Technosocial transformations resulting from the industrial and digital revolution Industry 4.0 initiate multiple changes in the organization of social life, culture, law, ways of thinking, activities, values, and worldview. There is reason to believe that there is a process of formation of a new kind of culture, which is not a subspecies or part of information or legal culture.

Theoretical Basis. Methods. Information, technological, and digital transformations have become general social factors that are not localized at the level of tools, auxiliary means of organizing human activities and thinking. Culture is undergoing a change as a social phenomenon. The stage of development of the pre-digital legal culture has been completed. The conceptual range: culture, law, information, information culture, legal culture is complemented by a new concept: legal information culture. The methodological tools of interdisciplinarity only partially meet the needs of studying the changing statuses of culture and law. Conceptual, analog, and comparative thinking is in conflict with the so-called “digital thinking”, which is not related either to the new methodology or to its search.

Results. Technological innovations given to man as a result of the industrial and digital revolution are not accompanied by the formation of an adequate culture and are

capable of transforming the ontological status of man as a rational being, thinking independently, setting goals, making decisions and being able to bear responsibility for his actions. Law as a socio- valuable institution is experiencing the risks of its preservation on the same axiological and moral grounds. One of the risks is its replacement with a set of algorithmic functions for regulating relations. A person who owns a legal information culture is able to contribute to the preservation of rights focused on legal equality, freedom, justice, implemented under the condition of goal-setting, creative, conscious human activity.

Discussion and Conclusion. The necessity of forming a legal information culture as a set of principles, values, knowledge, and competencies that ensure participants in information relations to achieve a model of lawful/ unlawful behavior based on awareness of the value of law and the priority value of a person is argued.

Keywords: culture, information culture, legal culture, legal information culture, law, algorithm, consciousness, man, industrial and digital revolution, transformation of society and the state

Acknowledgments: the article was completed within the framework of the state assignment "The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)". Registration number EGISU R&D: 124012000079-6.

For citation: Rybakov, O. Yu., 2024. Legal information culture in the context of digital transformation of society and the state. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 59–74. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.59-74.

Введение

Обращение к осмыслиению роли правовой и информационной культуры имеет значение в условиях трансформационных процессов в коммуникативном пространстве человека, общества, государства под влиянием Индустрии 4.0 (промышленно-цифровой революции). Правовая и информационная культура в научной литературе понимаются как различающиеся феномены, что являлось вполне обоснованным вплоть до начала эпохи цифровизации, функционирования больших данных, роста динамичного влияния искусственного интеллекта на все стороны жизни человека, общества, государства.

В научных публикациях используется термин «информационно-правовая культура». Полагаю, что подобное нововведение не вполне оправданно, так как оно стирает отличительные признаки двух понятий: «информационная культура» и «правовая культура». Совсем иное значение имеет термин «правовая информационная культура»: он позволяет констатировать наличие множественных изменений в среде жизнедеятельности человека и его профессиональной сфере. Это главное, что отличает существо данного терминологического оборота от всех остальных.

Теоретические основы. Методы

Введение термина «правовая информационная культура» в разряд понятия предполагает выстраивание категориального ряда и определение соотношения его смыслообразующих элементов: культура – право – информация – информационная культура – правовая информационная культура.

Культура остается базовым, многоуровневым, при этом неодинаково интерпретируемым понятием в философских и научных работах различных периодов изучения этого явления. В публикациях отмечаются существующие философские подходы к трактовке понятия «культура»: аксиологический подход; деятельностный подход; семиотический; структуралистический; социологический подход; гуманитарный подход [Лорсанова, З. М., 2019, с. 53].

Соответственно, определение термина «информационная культура» зависит от понимания культуры как понятия. В публикациях отмечаются основные компоненты информационной культуры, среди которых существует информационно-правовая культура [Ускова, К. В., 2014, с. 200], понимаемая как часть информационной. Имеется и другое, противоположное мнение, состоящее в том, что информационная культура становится частью правовой культуры, вместе с тем она шире по содержанию и выходит за рамки правовой культуры [Милушева, Т. В., 2021, с. 105; Рыбакова, О. С., 2023, с. 114].

Очевидно, что культура – среда развертывания социоприродных свойств человека, испытывающего постоянное непрекращающееся воздействие этой среды. Культура имеет строение, определяемое ее основной функцией, связанной с созданием, хранением, воспроизведением опыта человечества в духовной сфере. В качестве субъекта культуры понимается индивид (личность), социальная группа или общество в целом. Культурная деятельность сознательна и ценностно ориентирована. Культурная предметность – все то, в чем воплощаются знания, умения, нормы, ценности общества. Культурная коммуникация обеспечивает деятельность по трансляции, восприятию, осмыслинию предметности.

Информационная составляющая понятия «культура» и правовая составляющая данного понятия образуют новый вариант этого феномена. Правовая культура как устойчивое понятие, изучению которого посвящены сотни научных исследований, выражало оценку деятельности человека как культурной деятельности на основе права и в сфере права на протяжении длительного времени в «доцифровую эпоху» (в данном исследовании не приводятся публикации, посвященные специально изучению правовой культуры; как феномен доцифровой эпохи она глубоко и всесторонне изучена, выяснение ее новых сторон не представляется необходимым). Отметим лишь важный методологический посыл, сформулированный в конце прошлого века и состоящий в том, что «правовая система и правовая культура – это сложно-структурные, многоуровневые образования, состоящие из совокупности элементов и подсистем (субъекта права, правового сознания, правовой деятельности и правовых текстов – нормативно-правовой системы, а для правовой культуры – уровней их развития), имеющие свою историю, социально-экономические, политические, национальные и культурные основания и предпосылки развития. Главным компонентом (подсистемой) и одновременно центром, ядром персоноцентристской правовой системы (правовой культуры) является субъект права или, шире, субъект правовой системы (правовой культуры). Прежде всего – это человек в его юридическом качестве носителя субъективных юридических прав и обязанностей и участника правовых отношений, то есть субъект, обладающий

способностью иметь права и обязанности, реально имеющий и своими собственными действиями осуществляющий эти права и обязанности» [Семитко, А. П., 1996, с. 281].

Однако человек в очередной раз в социальной истории оказался под глобальным влиянием факторов технологического революционирования. Значение правовой культуры в современных условиях дополняется фактами технологий, цифровизации, значительной ролью информации.

Как отмечается в публикациях, сам термин «информационная культура» впервые появился в 70-х гг. XX в. и означал культуру рациональной и эффективной организации интеллектуальной деятельности людей в новых условиях. Содержание, характер, а следовательно, и понимание информационной культуры меняются на разных этапах жизни общества и зависят от условий и результатов трансформации информационной среды жизнедеятельности [Ежова, Т. В., 2020, с. 28]. В таком контексте определение понятия «информационная культура» возможно лишь конкретно-исторически, с учетом смысла, который вложен в базовое понятие – культура.

Значение информационной культуры как одной из важнейших задач развития цивилизации в XXI в. отмечалось в публикациях уже полтора десятка лет назад. Подчеркивалось, что существует задача формирования новой информационной культуры общества, которая была бы адекватной достижениям научно-технического прогресса в области средств информатики и информационных технологий. Только те изобретения и открытия человечества, которые были восприняты культурой общества и стали ее неотъемлемой частью, находили свое практическое применение и дальнейшее развитие. Информационной культуре отведена роль детерминирующего условия социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности любого государства [Колин, К. К., 2006; Колин, К. К., 2005].

Действительно, выступая одним из видов общей культуры индивида, отдельных социальных групп, всего общества, информационная культура представляется важнейшим элементом обеспечения безопасного взаимодействия субъектов информационного пространства современного общества [Рыбаков, О. Ю., ред., 2023, с. 291]. На необходимость формирования культуры безопасного поведения и взаимодействия субъектов в информационном пространстве указывает Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 4088-р¹.

Результаты исследования

Правовая информационная культура не соотносится как часть и целое ни с правовой культурой, ни с информационной культурой. Это самостоятельное понятие, ставшее возможным благодаря действительности информационно-технологического общества и являющееся одним из новых результатов промышленно-цифровой революции.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 23.12.2022.

Информационная правовая культура – совокупность принципов, ценностей, знаний, компетенций, обеспечивающих участникам информационных отношений достижение модели правомерного/неправомерного поведения, основанного на осознании ценности права и приоритетной ценности человека.

Появление новых технологий в жизни современного человека сравнимо с явлениями природы, т. е. событиями, которые нужно воспринимать и учить как данность на обыденном уровне и в профессиональной деятельности. Так было ранее, так произошло и сейчас, на этапе Индустрии 4.0. На чаще весов истории оказались многочисленные преимущества цифровизации, искусственного интеллекта, с одной стороны, и новое положение человека в системе общественных отношений и по отношению к государству, с другой стороны. Каждый этап преобразования общественных отношений, институтов общества происходит под влиянием факторов, которые создаются обособленной частью человеческого сообщества – теми, кто управляет техно- и естественно-научными технологиями и имеет прямое влияние на политику и экономику. Развитие науки и технологий воспринимается чаще всего как естественные процессы, касающиеся специалистов в этих областях, и затем распространяющиеся на все общество. Впервые в мировой истории скачки технологического развития по масштабности их внедрения в профессиональную деятельность и обыденность человека способствовали превращению фактора технологий в общесоциальные факторы.

Цифровизация, создание и динамичное совершенствование искусственного интеллекта, тотальное изменение роли информации в обществе инициированы не романтиками новых технологических открытий, совершающими их ради познавательного интереса, но людьми, обладающими точным видением результатов глобальной технологической трансформации, бизнес-элитами, ИТ-элитами, политическими элитами [Полякова, Т. А., Минбаев, А. Б., Наумов, В. Б., ред., 2023, с. 43–44].

Действительно, промышленные революции есть спутники развития человечества, не изменившие в прошлые периоды истории принципиально значения культуры и роли права в жизни общества и человека. Возможно, и сегодня нет оснований для беспокойства о сохранении традиций культуры, правовой культуры, гуманистической иерархии ценностей человека, его самоценности в связи с промышленной революцией и возрастающей самодостаточной ролью информации в жизни общества. Однако, по мнению идеолога современной промышленной революции К. Шваба, «в отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами. Это является порождением многогранного, глубоко взаимозависимого мира, в котором мы живем, а также того факта, что новая технология сама синтезирует все более передовые и эффективные технологии. Она основана на цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обусловливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме, в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, “что” и “как” мы делаем, но и то, “кем” мы являемся. Как и во времена предыдущих промышленных революций, законодательное регулирование будет играть ре-

шающую роль в принятии и распространении новых технологий. И все же правительства будут вынуждены изменить свой подход, когда дело дойдет до создания, пересмотра и исполнения нормативно-правовых актов. Если правительства и организации на государственной основе не будут своевременно действовать в нормативно-правовом пространстве, то инициативу могут взять на себя частные предприятия и негосударственные организации [Шваб, К., 2016, с. 9, 36, 71–72].

Беспрецедентные изменения, по мысли одного из авторов промышленно-цифровой революции, характеризуются тотальным воздействием не только на все стороны жизни общества и человека, но и на самого человека. Революция, исходя из смысла вышеприведенного текста, трансформирует онтологический статус человека, изменит то, «кем мы являемся». Сознание человека, таким образом, на уровне его разумно-рассудочной деятельности сформирует новый облик самого себя – «Человека технического» (*Homo technicus*) или «Человека цифрового» (*Homo-Digitalus*), цифрового существа. Соединим ли известная нам культура со средой техносоциальной деятельности? Вряд ли это возможно в силу различных ценностных порядков оснований традиционной культуры и «культуры цифрового общества», или так называемой «цифровой культуры» (нет оснований констатировать наличие такой культуры; то, что иногда понимается под цифровой культурой, представляет собой набор корректных алгоритмов, правил цифрового взаимодействия). Действительно, в данном случае более обоснованно вести речь об алгоритмических механизмах и знаковой системе информационно-технологического общества, но не о его культуре. Однако шанс сохранения своей культурной идентичности у человека, живущего в современном информационно-технологическом обществе, существует.

Таким образом, актуализируется способность общества адаптировать исторически сформировавшуюся культуру как ценностный феномен к новым техносоциальным реалиям. Культура – это не только среда самоосуществления человека, но и атрибут его целеполагающей деятельности, условие самореализации. Существующие призывы к человеку обрести статус инновационного субъекта, заняв тем самым будто бы авангардные позиции, представляют собой часть идеологии нового информационного общества. Качество инновационности не является определяющим для выяснения онтологического статуса человека, но в этом качестве заключен вместе с тем глубокий рациональный смысл. Совокупность инновационных качеств человека выступает своеобразным мостиком перехода человека от реального к потенциальному бытию, известному как понятие еще со времен Аристотеля. Потенциальное бытие оказывается реальным после его освоения, в котором обязательное участие должна принимать культура, а не только технологии. «Окультурирование» техносоциальных систем и процессов обеспечивает переход человека как существа родового к новому положению в мире, к его новому месту в нем («кем мы являемся», по К. Швабу).

По мысли К. Шваба, законодательное регулирование сохранит свою ключевую роль, однако возникает неизбежность изменения подхода в моменты создания, пересмотра и исполнения нормативных правовых актов.

Здесь мы также наблюдаем ближайший футурологический прогноз: право не остается тем же и юридическая история дополняется новой парадигмой регулирования отношений, выходящей за пределы привычного правопонимания. Позволю себе предположить, что фундаментальные разработки в области права могут оказаться невостребованными в обществе, целью которого предстает сам процесс технологического развития. Практико-ориентированное знание окажется доминирующим. В традиционном понимании прикладная деятельность человека, безусловно, являясь важнейшей, результирующей частью, не может быть эффективной вне фундаментальной науки, теории. В противном случае современное общество оказывается в новой фазе первобытного состояния в силу отсутствия фундаментальной науки. Именно правовая информационная культура основывается на фундаментальных знаниях. Право в своем основании, структуре всегда имело методологические, теоретические, фундаментальные концепты в качестве феномена, основанного на культуре, в то же время сохраняющего свою практико-ориентированную направленность. Культура и право непосредственно связаны на онтологическом и аксиологическом уровнях, так как оба феномена являются условием и результатом осуществления ценностно выраженной, осознанной рационально осуществляющей, целеполагающей деятельности. В качестве одного из источников как право, так и культура имеют нравственность, что показывает непреходящее значение духовно-нравственных ценностей, традиционно встроенных в матрицу общества.

Как отмечал Йозеф Колер, право создается на основе культуры и, как всякий элемент культуры, исходя из предшествующей культуры, способствует подготовлению почвы для культуры грядущей, вытекая из разумных стремлений известного периода, оно служит прогрессу культуры и вместе с тем работает над созданием новой культуры, а в то же время над разрушением своей собственной [Колер, Й., 1913, с. 10].

Прогноз К. Шваба относительно перехода инициативы по действию в нормативном правовом пространстве от государства частным предприятиям и негосударственным организациям предстает предостережением для будущего права, не совпадающего с его нынешними характеристиками. Право может оказаться задействованным в технологических проектах лишь как один из элементов, винтиков в общем алгоритме инновационных решений и их реализации. И это лишь один из аспектов негосударственного, частного применения права.

Мы являемся современниками событий, демонстрирующих воздействие на право и культуру факторов цифровизации и технологий, которые в современных условиях соперничают с факторами политического, экономического уровня.

Этап развития доцифровой правовой культуры завершен. На смену приходит правовая информационная культура, но и она выражает своеобразный аксиологический переход к новым рубежам деятельности человека, в том числе в сфере права. Мир человека становится все более алгоритмичным. Это очень опасная тенденция в силу того, что алгоритмичность не предполагает целеполагающей, творческой, аксиологически обоснованной

деятельности, где определяющим смыслом должен быть человек. Понятийное, аналоговое, сравнительное мышление человека все в большей степени вытесняется «цифровым мышлением», т. е. заранее созданными готовыми вариантами принятия решений со стороны искусственного интеллекта. Перефразируя известное марксистское высказывание, констатируем: прошел час целеполагающей деятельности человека – эта деятельность определяется создателями совершенных технологий искусственного интеллекта и им самим.

Но возможна ли замена права технологическими решениями?

Содержание социальных процессов и цели субъектов техносоциальной деятельности определяют будущность права. Динамичное цифровое, технологическое обновление современных обществ инициирует обращение к необходимости регулирования, которое вполне может оказаться осуществляемым не на привычной основе права как системно выраженного института, базирующегося на принципах и ценностях. Техносоциальные преобразования могут осуществляться на основе как гуманистических целей, имеющих общую значимость, так и лжецелей, симулякров, имитации должного и необходимого.

Право в идеале всегда выполняет универсальную общеполезную миссию. Оно, насколько это было возможно, в различные периоды развития человечества выравнивало социальные диспропорции, нормативно способствовало решению конфликтов или созданию новой, более приемлемой правовой ситуации в обществе. Вместе с тем право в отдельные периоды истории и в некоторых общественных системах использовалось в тоталитарных целях как инструмент господства над обществом со стороны носителей власти. В качестве необходимого универсального способа организации социальной жизни людей право как общесоциальный институт обладало своей несомненной ценностью. Оно исторически возникает как ответ на вызов, исходящий от самой действительности, сложно устроенной системы человеческих коммуникаций, многоуровневых потребностей. Право есть ответ на вызов тотальных неравенств, и ему непросто справиться с задачами достижения юридического равенства, социальной справедливости, реализации свободы. Право никогда не было волшебной палочкой, с помощью которой мгновенно решались актуальные социальные задачи, реализовывались индивидуальные интересы. Право выражает возможность, вырастающую из действительности, формируемой при активном участии человека.

Первоначальные основания права состоят в реагировании на необходимость устранения неопределенности, внесения ясности, создания четких правил, которые формируются на условиях данного социума. Цифровая эра нацелена на максимальную точность и устранение неопределенности. Назначение права как института, способного минимизировать неопределенность, таким образом, не противоречит целям цифрового развития. В таком контексте оно продолжает представлять самостоятельную социальную ценность независимо от субъективных оценок и потенциальных надежд, возлагаемых на него.

Замена права технологическими решениями возможна при условии полной ценностной и духовно-нравственной дезориентации того общества,

которое вступит на этот путь. Право не может сохраниться в прежнем виде, так как находится в центре социальных и технологических трансформаций. Но оно не может и не должно потерять свой облик единственного средства всеобщей обязательной связанности людей. Сохранение существенных оснований права и его переход в новое состояние, адекватное потребностям технологического развития, может быть возложено на новую модель правовой и информационной культуры: правовую информационную культуру. Почему становится актуальным новый вид культуры и какова его миссия? Ответ на подобные вопросы оказывается возможным в двух основных аспектах.

Первый аспект – мировоззренческий, философский, теоретико-методологический.

Результаты Индустрии 4.0 не сформировали пока новой методологии, кроме той, которая учитывала результаты и процесс осуществления предыдущих промышленных революций. Междисциплинарность, обретающаяся сегодня архиактуальное место в теории познания, есть соединение известных методологических подходов в единое исследовательское русло, в результате которого не рождается новая методологическая парадигма. Теория познания на сегодняшний день не обогатилась новыми методологическими подходами. Вряд ли можно принимать совокупность алгоритмических решений искусственного интеллекта в качестве новой методологии, которая всегда находилась в сфере философского осмысления.

К. Поппер отмечал, что задача философов состоит в том, чтобы обогащать картину мира, создавая теории, отличающиеся силой воображения, но в то же время аргументированные (argumentative) и критические, по возможности представляющие методологический интерес [Поппер, К. Р., 2002, с. 153]. Новое понимание культуры как правовой информационной должно иметь в основании и новые парадигмы, вне которых невозможно понять роль технологий и информации. Такая картина формируется на основе изучения способов жизнедеятельности человека в условиях интенсивных информационных электронных коммуникаций. Необходимо учитывать принципы и способы принятия решений человеком в цифровую эпоху, которые он создает сам, а не искусственный интеллект выполняет вместо него.

Реальность повседневности изменяет понимание присутствия человека в мире информации, виртуальном воображаемом пространстве, в результате чего индивидуальное бытие невозможно вне интенсивного информационного влияния. Виртуальность становится частью реальности, а промышленно-цифровая революция в своем основании имеет научную революцию. Достижения прикладной науки, реализуемые в формате цифровых технологий, становятся главным элементом культуры, которая, безусловно, по своему назначению гораздо объемнее, многограннее, включает в себя совокупность субстанциональных и функциональных элементов, нравственность, этику, язык, искусство и т. д.

Т. Кун подчеркивал, что каждая научная революция меняет историческую перспективу для сообщества, которое переживает эту революцию, и такое изменение должно влиять на структуру учебников и исследовательских публикаций после этой научной революции. Одно такое следствие – а

именно изменение в цитировании специальной литературы в научно-исследовательских публикациях – необходимо рассматривать как возможный симптом научных революций. Революция, происшедшая в рамках одной из традиций, вовсе не обязательно охватывает в равной мере и другие. В научных революциях есть потери, так же как и приобретения; а ученые склонны не замечать первых [Кун, Т., 2003, с. 18, 81, 216].

В данном случае звучит предупреждение Т. Куна – автора теории научных революций, состоящее применительно к праву в следующем. Во-первых, существуют корректировки в структуре научных и мировоззренческих подходов к изучаемым отношениям, институтам, процессам, выражающие изменения исторической перспективы в силу факторов влияния промышленно-цифровой революции. Именно данное обстоятельство оказывается решающим для становления информационной правовой культуры, в основании которой находится мировоззрение нового места и статуса человека в техносоциальных системах. Как справедливо подчеркивается в философских публикациях, уровень и качество «технизации» общества определяются не только «планетарным» или «региональным» научно-техническим прогрессом, но и особенностями его мировоззрения (результатирующей взаимодействия миллионов мировоззрений), веками формирующими принципами, мерой ясности и концептуальности миропонимания, разработанностью и степенью освоения методологий. Разумеется, не менее важно и обратное воздействие – влияние уровня технической оснащенности на мировоззрение, на трансформацию принципов, традиций и иные компоненты идентичности, общественной идеологии и психологии [Антушин, С. С., 2024, с. 15].

Во-вторых, следует акцентировать внимание на плюсах и возможных минусах цифровизации, искусственного интеллекта и, соответственно, во-первых, учитывать новую роль культуры как общесоциального условия взаимодействия права, информации, культуры; во-вторых, осознавать негативность процесса замены традиционной гуманистически ориентированной культуры алгоритмами технологических функций.

Т. Кун позиционирует научную революцию как экстраординарное событие, не вмещающееся в рамки привычной науки. К. Поппер квалифицирует научное развитие как непрекращающийся процесс. Современная промышленно-цифровая революция воспринимается как событие, выходящее за рамки ординарности, что подтверждается глобальным и тотальным внедрением научно-технологических новшеств в различные сферы деятельности человека. Правовая информационная культура выступает одним из средств реализации результатов развития технологий и науки, от которых, в свою очередь, зависит функциональное назначение права.

Учитывая первую (К. Поппер) либо вторую методологическую позицию (Т. Кун), есть основания признать зависимость права, теоретической и практической юриспруденции от этапов и фаз развития современной науки и технологий, обеспечиваемых правовой информационной культурой. Хотя сами изменения находятся вне сферы права, право не может не реагировать на них. В таком контексте право оказывается включенным в научно-технологические преобразования, причем последние оказываются

решающим фактором современных обществ и перспектив преобразования самого права. Системы права и правовые системы подвергаются воздействию новых, ранее неизвестных юриспруденции объемов информации, что предполагает ее переработку, осмысление. Технологические преобразования затрагивают самое главное для индивида – сознание и мышление. Индивидуальная деятельность человека и его профессиональная правовая деятельность трансформируются под влиянием технологического универсума. До Индустрии 4.0 можно было уверенно утверждать, что мыслительная активность человека основывалась на его способности к аналоговому, понятийному, сравнительному мышлению. Эпоха цифровизации предлагает выйти за привычные рамки организации мыслительного процесса и обратиться к «цифровому» мышлению. Новый тип мышления пока в полной мере не изучен, и от результатов его исследования во многом будет зависеть оценка содержания правовой информационной культуры.

Второй аспект – влияние цифровых технологических трансформаций на развитие современных обществ, культуру.

Современный этап общественного развития с учетом роли доминирования технологий не вписывается в парадигмы формационности (К. Маркс), постиндустриализма (Д. Белл), первенства цивилизаций (А. Тойнби), а концепции «структурного функционализма» (Т. Парсонс), «социокультурной динамики» (П. Сорокин), «общества риска» (У. Бек), «информационного капитализма» (М. Кастельс), «постмодерного капитализма» (М. Вакалулис), «позднего капитализма» (Ф. Джеймисон) не раскрывают многоаспектную природу современных обществ. Вопрос заключается не только в техно-информационных, цифровизационных критериях. Основной вопрос классификации современных обществ состоит в наличии, воспроизводстве и охране ценностных оснований этих обществ. Именно нравственные, духовные ценности остаются определяющими в фундаменте общества. Они представляют своего рода защитный пояс от беспредельного воздействия новшеств технологической инновационности, не препятствуя вместе с тем развитию технологий в позитивном русле. Как правильно отмечается в научных публикациях, «можно с уверенностью сказать, что Россия встала на курс формирования национальной идеологии, базирующейся на духовно-нравственных традиционных ценностях нашего общества, передаваемых от поколения к поколению в своем историческом развитии. Система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа – это аксиологический ориентир для дальнейшего совершенствования системы права России» [Корнев, В. Н., 2023, с. 13]. По существу, национальная идеология вырастает из потребностей общественного развития и сопряжена с культурой информационного общества, его правовой системой и системой права. Национальная идеология актуальна как мировоззренческое выражение сути происходящих событий в каждом конкретном обществе и, безусловно, значима как одно из условий формирования многополярного мира. Многочисленные факторы технологизации, цифровизации и алгоритмизации окажутся очевидно приемлемыми в случае их адаптации к основополагающим нравственным ориентирам общества и человека.

Актуальность информационной правовой культуры состоит в наличии в ней нравственно-духовных ориентиров, критериев, показывающих приемлемое и неприемлемое в техносоциальных конструкциях будущего, рождающихся уже сегодня.

Обсуждение и заключение

Правовая информационная культура может получить признание как категория юридической науки, культурологии, социальной философии.

В современных условиях актуализируются мировоззренческие основания осмыслиения технологических преобразований, ставших, по сути, социальным фактором, непосредственно влияющим на имидж, конкурентность современных обществ и государств. Овладение правовой информационной культурой становится фактором конкурентоспособности государств, корпораций, личностей. Возрастает роль индивидуальной и социальной психологии, объясняющей возможности осознания человеком новых перспектив его взаимодействия с институтами общества.

Носитель правовой информационной культуры, действующий в сфере права и являющийся юристом по образованию или владеющий основами юридических знаний по призванию или роду деятельности, обязан знать философские, мировоззренческие, нравственные, ценностные основы взаимодействия культуры и права, иметь понимание права как системы, влияющей на развитие культуры, осознавать назначение правовой культуры как универсальной ценности. Кроме того, владение правовой информационной культурой предполагает умение: аргументировать понимание права как феномена культуры, объяснить значение правовой культуры как мировоззренческого феномена, результата духовного, нравственного прогресса человека и общества, показать и обосновать взаимосвязь гуманистических идеалов, общечеловеческих ценностей и правовой культуры.

Для формирования знаний, умений, компетенций предлагается внедрение в образовательный процесс вузов новых учебных курсов, посвященных изучению правовой информационной культуры. Она может быть введена в качестве отдельных тем в учебные дисциплины «философия», «философия права», «социология», «социология права», «теория государства и права», «информационное право».

К числу востребованных компетенций выпускников вузов следует отнести их способность самостоятельного принятия решений в сфере права и на основе права, обеспечивающих участникам информационных отношений достижение модели правомерного поведения, основанного на осознании ценности права и приоритетной ценности человека.

Список источников

Антушин С. С. Сознание как противоречивый атрибут человечности // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 1. С. 8–33. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.1.8-33.

Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения : моногр./ под ред. О. Ю. Рыбакова. М. : Проспект, 2023. 424 с. ISBN: 978-5-392-39877-5.

Ежова Т. В. Информационная культура: новый тип мышления и общения для адаптации человека к социальным реалиям XXI века // Провинциальные научные записки. 2020. № 2 (12). С. 28–32.

Колер Й. Философия права и универсальная история права. Киев, 1913. 152 с.

Колин К. К. Информационная культура в информационном обществе // Открытое образование. 2006. № 6. С. 50–57.

Колин К. К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 104–111.

Корнев В. Н Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 8–15. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.8-15.

Кун Т. Структура научных революций : пер. с англ. / сост. В. Ю. Кузнецов. М. : ACT, 2003. 605 с. ISBN: 5-17-010707-2.

Лорсанова З. М. Подходы к определению понятия «информационная культура» // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51-1. С. 52–55. DOI: 10.18411/1j-06-2019-12.

Милушева Т. В. Информационная и правовая культура: вопросы соотношения // Правовая культура. 2021. № 3 (46). С. 104–105.

Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с. ISBN: 5-8360-0327-0.

Рыбакова О. С. Конституционный вектор формирования информационной культуры обучающихся в условиях образовательной организации // Государство и право России в современном мире : сб. докл. XII Моск. юрид. недели. XXII Междунар. науч.-практ. конф.; XXIII Международ. науч.-практ. конф. Юрид. фак-та Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : в 5 ч. Ч. 2. М. : Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 113–116. ISBN: 978-5-907670-08-2.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА : Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. 312 с. ISBN: 5-7845-0003-1.

Трансформация информационного права : моногр. / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбaleев, В. Б. Наумов. М. : Ин-т государства и права РАН, 2023. 256 с. ISBN: 978-5-8339-0243-1.

Ускова К. В. Информационная культура как социальная категория // Наука и мир. 2014. № 2-2 (6). С. 200–201.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с. ISBN: 978-5-699-90556-0.

References

- Antyushin, S. S., 2024. Consciousness as a contradictory attribute of humanity. *Pravosudie/Justice*, 6(1), pp. 8–33. (In Russ.). DOI: 10.37399/2686-9241.2024.1.8-33.
- Ezhova, T. V., 2020. [Information culture: a new type of thinking and communication for human adaptation to the social realities of the XXI century]. *Provintsial'nye nauchnye zapiski* = [Provincial Scientific Notes], 2, pp. 28–32. (In Russ.)
- Koler, J., 1913. *Filosofiya prava i universal'naya istoriya prava* = [The philosophy of law and the universal history of law]. Kiev. 152 p. (In Russ.)
- Kolin, K. K., 2005. [Neo-globalism and culture: new threats to national security]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* = [Knowledge. Understanding. Skill], 2, pp. 104–111. (In Russ.)
- Kolin, K. K., 2006. [Information culture in the information society]. *Otkrytoe obrazovanie* = [Open Education], 6, pp. 50–57.
- Kornev, V. N., 2023. Traditional constitutional values as a spiritual and moral basis for the unity of Russian society and states. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 8–15. (In Russ.). DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.8-15.
- Kun, T., 2003. *Struktura nauchnykh revolyutsij* = [The structure of scientific revolutions]. Transl. from Engl. Comp. V. Yu. Kuznetsov. Moscow: AST. 605 p. (In Russ.) ISBN: 5-17-010707-2.
- Lorsanova, Z. M., 2019. [Approaches to the definition of the concept of “information culture”]. *Tendentii razvitiya nauki i obrazovaniya* = [Trends in the Development of Science and Education], 51-1, pp. 52–55. (In Russ.) DOI: 10.18411/1j-06-2019-12.
- Milusheva, T. V., 2021. [Information and legal culture: issues of correlation]. *Pravovaya kul'tura* = [Legal Culture], 3, pp. 104–105. (In Russ.)
- Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V., Naumov, V. B., eds., 2023. *Transformatsiya informatsionnogo prava* = [Transformation of information law]. Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 256 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8339-0243-1.
- Popper, K. R., 2002. *Ob"ektivnoe znanie. Evolyutsionnyj podkhod* = [Objective knowledge. The evolutionary approach]. Transl. from Engl. by D. G. Lakhuti. Ed. V. N. Sadovsky. Moscow: Editorial URSS. 384 p. (In Russ.) ISBN: 5-8360-0327-0.
- Rybakov, O. Yu., ed., 2023. *Bezopasnost' detstva: sotsial'nye problemy i pravovye sposoby ikh resheniya* = [Childhood safety: social problems and legal ways to solve them]. Monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 424 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-39877-5.
- Rybakova, O. S., 2023. [The constitutional vector of the formation of information culture of students in the conditions of an educational organization]. *Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremennom mire* = [The

state and law of Russia in the modern world]. Collection of reports of the XII Moscow Legal Week. XXII International Scientific and Practical Conference; XXIII International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University. In 5 parts. Pt. 2. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Pp. 113–116. (In Russ.) ISBN: 978-5-907670-08-2.

Schwab, K., 2016. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* = [The Fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo. 138 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-699-90556-0.

Semitko, A. P., 1996. *Razvitiye pravovoj kul'tury kak pravovoj progress* = [Development of legal culture as legal progress]. Ekaterinburg: Publishing House of Ural State Law Academy; Publishing House of Humanitarian University. 312 p. ISBN: 5-7845-0003-1.

Uskova, K. V., 2014. [Information culture as a social category]. *Nauka i mir* = [Science and the World], 2-2, pp. 200–201. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Рыбаков Олег Юрьевич, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1).

Oleg Yu. Rybakov, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (9, build. 1, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.

Научная статья

УДК 342.565

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.75-89

Судебная система Российской Федерации в условиях современных вызовов

**Екатерина Юрьевна Догадайло¹,
Сергей Иванович Носов², Олег Иванович Чепунов³**

^{1, 2, 3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российской Федерации

¹ dogadaylo-e@ranepa.ru; ² nosov-si@ranepa.ru;

³ chepunov-oi@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Тенденции, являющиеся определяющими для современного этапа развития правовой системы Российской Федерации (виртуализация правовых взаимодействий, размывание признаков форм права, нарастание нормативного массива, возрастание регулятивной роли правовых ценностей и принципов, зависимость от активной цифровизации как государственного управления, так и форм взаимодействия государства и человека), обостряют разнообразные проблемы, что сказывается на эффективности, оперативности, доступности правосудия, открытости судебной власти.

Теоретические основы. Методы. Авторами были осмыслены подходы к обозначенной проблеме, сложившиеся и развивающиеся в современной теоретико-правовой и публично-правовой науках, а также позиции и мнение судейского сообщества. Для получения научного результата использовались диалектический метод, общие логические приемы, структурно-функциональный метод исследования.

Результаты исследования. В статье критически анализируются наиболее яркие вызовы, стоящие перед судебной властью Российской Федерации: соответствие структурных элементов статуса судей характеру цифрового общества, проблемы судейского индемнитета, повышение роли дисциплинарной ответственности, обоснование расширения института профессионального представительства, проблемы судебной практики.

Обсуждение и заключение. Предложены подходы к решению проблем совершенствования правового статуса судей (таких, как индемнитет мировых судей, особенности использования информационно-коммуникационных технологий и соблюдения границ допустимого в социальных сетях). Аргументирован вывод о нецелесообразности закрепления на законодательном уровне судебной практики как формы права, поскольку действующее правовое регулирование позволяет высшим судебным органам осуществлять толкование по широкому кругу вопросов, связанных с применением норм материального и процессуального права, а при необходимости использовать право законодательной инициативы по внесению изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: реформирование судебной системы, открытость судебной власти, доступность правосудия, оптимизация деятельности судов, авторитет суда, судебная этика, судебные акты

Для цитирования: Догадайло Е. Ю., Носов С. И., Чепунов О. И. Судебная система Российской Федерации в условиях современных вызовов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 75–89. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.75-89.

Original article

The Judicial System of the Russian Federation the Context of Modern Challenges

**Ekaterina Yu. Dogadailo¹, Sergey I. Nosov²,
Oleg I. Chepunov³**

^{1, 2, 3} Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ *dogadaylo-e@ranepa.ru*; ² *nosov-si@ranepa.ru*;

³ *chepunov-oi@ranepa.ru*

Abstract

Introduction. The trends that are decisive for the current stage of development of the legal system of the Russian Federation (virtualization of legal interactions, blurring of signs of forms of law, the growth of the normative array, the increasing regulatory role of legal values and principles, dependence on active digitalization of both public administration and forms of interaction between the state and man) exacerbate its various problems, which affects the effectiveness, efficiency, accessibility of justice, openness of the judiciary.

Theoretical Basis. Methods. The authors have considered the approaches to the identified problem that have been established and are developing in modern theoretical legal and public legal sciences, as well as the positions and opinions of the judicial community. To obtain a scientific result, dialectical method, general logical techniques, structural-functional research method were used.

Results. The article critically analyzes the most striking challenges facing the judicial power of the Russian Federation – the correspondence of the structural elements of the status of judges to the nature of the digital society, the problems of judicial immunity, increasing the role of disciplinary responsibility, the rationale for expanding the institution of professional representation, problems of judicial practice.

Discussion and Conclusion. Approaches to solving the problems of improving the legal status of judges (such as the immunity of magistrates, the specifics of using information and communication technologies and observing the boundaries of what is permissible in social networks) are proposed. The conclusion is reasoned that it is inappropriate to consolidate judicial practice at the legislative level as a form of law, since the current legal regulation allows the highest judicial authorities to interpret on a wide range of issues related to the application of substantive and procedural law, and, if necessary, use the right of legislative initiative to amend the current legislation.

Keywords: reform of the judicial system, openness of the judiciary, accessibility of justice, optimization of the activities of the courts, authority of the court, judicial ethics, judicial acts

For citation: Dogadailo, E. Yu., Nosov, S. I., Chepunov, O. I., 2024. The judicial system of the Russian Federation the context of modern challenges. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 75–89. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.75-89.

Введение

Современный период развития российского государства и общества, связанный с преодолением вызовов, стоящих перед экономической системой и социальными отношениями в условиях геосанкционного давления, вновь обострил проблемы судебной защиты прав и законных интересов человека и гражданина. «Наша страна проходит очень сложный путь своего развития, очень сложный. И укрепление судебной системы, и вообще судебная система, правовая система страны, безусловно, является базой не только развития, для существования российской государственности»¹, – подчеркнул Президент Российской Федерации.

Тенденции развития правовой системы (усложнение нормативного массива; широкое распространение комплексных и ситуационных институтов/отраслей законодательства, экспериментальных правовых режимов; возрастание регуляторной роли общеправовых и отраслевых норм-принципов и правовых ценностей; внедрение цифровых форм правового, в том числе публично-властного, взаимодействия при бурном развитии инструментальных и организационно-цифровых управленческих форм всех уровней публичной власти в Российской Федерации) формируют потребность последовательного обеспечения таких важнейших качеств российской судебной власти, как эффективность судебной системы, качество и доступность правосудия, независимость судей и укрепление кадрового состава. Несомненно, меры по укреплению судебной власти Российской Федерации как действенный комплекс организационно-законодательных инструментов, использованных за последние десятилетия, дали определенные положительные результаты. Однако воплощение концептуальных идей, реализация новых инструментов в деятельности институтов судебной системы как ответ на вызовы современности требуют не столько совершенствования действующих норм и процедур, сколько обеспечения их системной правовой совместимости.

Теоретические основы. Методы

Авторами были осмыслены подходы к обозначенной проблеме, сложившиеся и развивающиеся в современной теоретико-правовой и публично-правовой науках, а также позиции и мнение судебского сообщества.

Для получения научного результата в исследовании использовались диалектический метод, общие логические приемы, структурно-функциональный метод исследования.

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 г. URL: kremlin.ru/events/president/news/69949 (дата обращения: 29.02.2024).

Результаты исследования

Отметим, что современный общественный запрос на мотивированное, эффективное правосудие, законные и справедливые судебные решения, оперативное рассмотрение судебных дел создает и новые (зачастую воспринимаемые как повышенные) требования к профессиональным и личным качествам судей, к работе аппарата судов. Это является особенно актуальным в настящее время, когда многие организации и хозяйствующие субъекты в той или иной форме испытывают на себе неблагоприятное воздействие, оказываемое беспрецедентными санкциями со стороны недружественных стран как на граждан, отдельные предприятия, так и на экономику нашей страны в целом.

На современном этапе развития российской государственности новый импульс получили и процессы реформирования судебной системы. При этом существенно обновилось законодательство, закрепившее результаты реформирования самой судебной системы, развиваются нормы материального и процессуального права в направлении дальнейших организационных гарантий статуса судей, а также формируется правовое обеспечение использования новых информационных технологий в судебном процессе. Так, в гражданском и арбитражном процессе был закреплен институт профессионального представительства как мера, обеспечивающая реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации. Проведена существенная реформа судов общей юрисдикции (образованы пять апелляционных, девять кассационных судов общей юрисдикции и по одному кассационному и апелляционному военному суду²), целью которой было закрепление принципа экстерриториальности правосудия, обеспечение беспристрастности, независимости судей при рассмотрении жалоб и представлений на судебные акты нижестоящих инстанций; в российских судах впервые была введена сплошная кассация. Период, прошедший с момента начала деятельности таких судов, показал, что их создание оправдано как с точки зрения повышения гарантий прав граждан и юридических лиц в судебном процессе, так и с точки зрения наиболее эффективного выявления и устранения судебных ошибок в условиях, когда в течение ряда лет фиксируется высокая судебная нагрузка. Так, в 2023 г. судами только первой инстанции во всех видах судопроизводства рассмотрено более 39 млн дел³ (статистика показывает существенный рост количества рассматриваемых гражданских дел по первой инстанции. Если в 2018 г. рассмотрено 17 238 555 гражданских дел, то в 2023 г. – 28 247 477 гражданских дел⁴).

² Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.11.2018.

³ Лебедев: Верховный Суд рассмотрел в 2023 году 39 миллионов дел. URL: <https://otr-online.ru/news/lebedev-verhovnyy-sud-rassmotrel-v-2023-godu-39-millionov-del-229656.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева на X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 г. URL: <https://vsrf.ru/>

Существенно обновилось законодательство о статусе и организационном обеспечении деятельности мировых судей. Речь идет прежде всего о дальнейшей законодательной унификации правового статуса судей федеральных судов и мировых судей, в том числе путем закрепления принципа несменяемости мирового судьи⁵. Этим же Федеральным законом закреплены нормы, предусматривающие взаимодействие региональных советов судей и органов публичной власти субъектов Российской Федерации при разработке бюджетов субъектов Российской Федерации в части расходов на обеспечение деятельности мировых судей. Данное положение имеет важное значение для обеспечения гарантий самостоятельности мировых судей путем использования инструментов организационного обеспечения их деятельности. Однако представителями судейского сообщества высказывается мнение о том, что имеющиеся законодательные меры не решают проблем должного финансирования деятельности мировых судей. Отмечается, что зависимость от правосудия мировыми судьями от экономики конкретного субъекта Российской Федерации «противоречит статусу судебной власти и может негативно сказываться на реализации гражданами права на судебную защиту своих интересов»⁶. В качестве пути решения предлагается закрепление на федеральном уровне стандартов штатного расписания и заработной платы работников аппарата мировых судей, материально-технического обеспечения мировых судей. Сама идея должного финансирования деятельности мировых судей заслуживает поддержки. Вместе с тем предложение о закреплении на федеральном уровне стандартов штатного расписания и заработной платы вызывает вопросы. В соответствии с Федеральным законом от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ст. 1, 9, 10) мировые суды в Российской Федерации являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, а структура и штатное расписание аппарата мирового судьи устанавливаются в порядке, предусмотренном законом субъекта Российской Федерации. При закреплении на федеральном уровне стандартов штатного расписания аппарата мирового судьи возникает закономерный вопрос о том, будет ли соответствующий уровень стандартов обеспечиваться за счет средств федерального бюджета или средств бюджета субъекта Российской Федерации. Исходя из положений указанного Федерального закона такое обеспечение

files/31800/ ; Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 5 декабря 2023 года. URL: <https://www.vsrf.ru/files/31800/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и Федеральный закон “О мировых судьях в Российской Федерации” в части уточнения срока полномочий мирового судьи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 15 (ч. I). Ст. 2430.

⁶ Отчетный доклад председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 г. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/31790/ (дата обращения: 10.03.2024).

будет возложено на бюджеты субъектов Российской Федерации. Данный вопрос потребует серьезной проработки и согласования с органами власти субъектов Российской Федерации, и добиться в этом вопросе консенсуса, учитывая существенные различия в уровнях социально-экономического развития разных регионов России, будет непросто.

Проблемы, связанные с обеспечением оперативности, доступности, открытости судебной власти в условиях бурного развития информационного общества и цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации, являются предметом активного обсуждения в юридической науке, а также специалистами-практиками.

Принцип открытости государственных органов актуализирует проблематику статуса судьи как носителя судебной власти, поскольку личность судьи постоянно находится в зоне повышенного внимания как отдельных людей, так и общественных институтов (например, общественных организаций, чья целевая деятельность осуществляется в сфере законности, правопорядка, противодействия коррупции). В средствах массовой информации содержится немало материалов о действиях судей, подрывающих доверие к судебной системе. Внимательное отношение к тому, чтобы никакие действия судей не умаляли авторитет судебной власти (будь то предоставление неточных сведений о доходах и имуществе, использование в личных целях служебного положения, управление автомобилем в нетрезвом состоянии, размещение личных фотографий, постов и переписки в социальных сетях сети «Интернет» и многое другое), не просто является требованием современности, а становится центром инструментальных обеспечительных проблем.

Очевидно, что поведение судьи в социальных сетях должно подчиняться требованиям судейской этики. Эта проблема стала предметом рассмотрения на X Всероссийском съезде судей, на котором была принята поправка к Кодексу судейской этики, в соответствии с которой представители данной профессии должны соблюдать требования судейской этики при использовании информационно-коммуникационных технологий. Суть проблемы четко высказала председатель Арбитражного суда Уральского округа И. Решетникова: интернет-пространство остается для судей зоной риска, поскольку связано с тем, что «судьи не очень понимают, что творится с той информацией, которая попадает в социальные сети: как она тиражируется, как распространяется, как долго сохраняется»⁷. И даже самые незначительные действия – поставить «лайк» или присоединиться в качестве друзей – могут оказаться не столь «невинными» и иметь совершенно другие последствия, чем предполагалось, поэтому важны знания о границах допустимого поведения в соцсетях [Корня, А., 2022, с. 3]. Представляется, что проблемам, связанным с использованием судьями информационно-коммуникационных технологий, следует уделять отдельное обеспечительно-регуляторное внимание, так как размещение даже на первый взгляд безобидной личной информации, неосторожных высказываний в социальных сетях может негативно отражаться на авторитете судьи и судебной власти в целом.

⁷ X Всероссийский съезд судей: итоги первого дня. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/31790/ (дата обращения: 10.03.2024).

Очевидно, что высокие нравственные стандарты поведения судьи являются основой качественного правосудия и авторитета судебной власти [Куликов, В., 2002, с. 3]. В связи с этим представляются недостаточными общие регуляторные указания на соблюдение «требований судебской этики», «этических стандартов поведения в социальных сетях». Необходимы своевременная разработка (с использованием методов визуализации информации) и распространение конкретных практических рекомендаций по поведению судьи в каждой отдельной социальной сети (с учетом алгоритмов выдачи информации каждой, инструментов коммуникации и возможностей взаимодействия различных групп, требований к хранимой информации, особых обязательств к соблюдению внутренних правил и норм и т. д.), использование опробованных механизмов противодействия электронной виктимизации (взлому аккаунтов и созданию поддельных аккаунтов, различным формам преследования и запугиванию в цифровой среде, манипулятивным программным технологиям).

Безусловно, эффективность и качество работы судебной системы во многом зависят от лиц, отправляющих правосудие, от того, насколько законными, скорыми и справедливыми являются выносимые ими судебные решения. В связи с этим в юридической литературе и представителями судебского сообщества активно обсуждается вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования института дисциплинарной ответственности судей.

Прежде всего актуализируются споры по поводу того, что следует понимать под дисциплинарным проступком, так как его легальная дефиниция в настоящее время отсутствует. При этом по вопросу о том, какое конкретно действие или бездействие может быть отнесено к дисциплинарному проступку, в юридической литературе нет единства мнений. Высказывается следующая позиция: критериями дисциплинарного проступка являются неблагоприятные последствия, наступившие в результате действия или бездействия, которые повлекли умаление авторитета судебной власти и причинили ущерб репутации судьи. Притом следует отметить, что сами предлагаемые критерии дисциплинарного проступка чаще всего являются оценочными категориями.

Кроме того, применительно к дисциплинарной ответственности судей существует еще один аспект: статус судьи предполагает, что судья всегда «остается в мантии», вне зависимости от того, находится он при исполнении служебных обязанностей или нет. Если дисциплинарная ответственность применительно к государственным гражданским служащим возникает за нарушение правил и норм при исполнении служебных обязанностей, то применительно к судье она может наступить за действия и бездействие, совершенные вне рамок служебного времени. Получается, что судья как бы всегда остается «при исполнении служебных обязанностей». Поэтому судебскому сообществу практическим выходом представляется индивидуальное локальное регулирование, когда отдельно в каждом конкретном случае решается вопрос, является ли то или иное действие или бездействие судьи дисциплинарным проступком с максимальным учетом обстоятельств, не имеющих правовой оценки, когда каждый факт/случай требует тщательного анализа и обоснования [Туманова, Л. В., 2022, с. 10].

Представителями судебского сообщества также предлагается установить в законе четкие отличия дисциплинарного проступка от судебной ошибки. При этом возникает вопрос: возможно ли вообще и насколько целесообразно определять в законе четкие исчерпывающие критерии, отличающие судебную ошибку от дисциплинарного проступка, с учетом того, что решение данных вопросов на практике относится к компетенции органов судебского сообщества, а именно – квалификационных коллегий судей. Как отмечается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 19-П, согласно п. 7 ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» решение вопроса о наличии либо отсутствии в действиях судьи, допустившего судебную ошибку, признаков дисциплинарного проступка возложено на квалификационную коллегию судей, к компетенции которой относится рассмотрение вопроса о прекращении полномочий этого судьи на момент принятия решения. Наложение дисциплинарных взысканий на судей относится согласно подп. 8 п. 2 ст. 19 Федерального закона «Об органах судебского сообщества в Российской Федерации» к полномочиям квалификационных коллегий судей⁸.

В связи с этим представляются не вполне обоснованными предложения о жестком формальном регулировании, а именно закреплений в законе четких отличий судебной ошибки от дисциплинарного проступка, поскольку они и на практике не всегда очевидны, требуют специальной проверки и анализа всех материалов и обстоятельств со стороны членов квалификационных коллегий судей. Будут ли такие критерии такими уж четкими и исчерпывающими, способными охватить абсолютно все возможные случаи разграничения судебной ошибки и дисциплинарного проступка – сложно ответить.

Кроме того, предлагается проработать вопрос о закреплении в федеральном законе закрытого перечня оснований, препятствующих назначению на должность судьи. Идея не нова, и такие проблемы действительно возникают на практике. Однако возможно ли нормой федерального закона закрепить такой закрытый перечень, а значит, охватить все возможные случаи для такого отказа? Принимать закон для того, чтобы через некоторый промежуток времени сетовать на его несовершенство? Вряд ли в данном случае закон может стать неким спасительным средством. Закон как вид формы права дает значительный регулятивный эффект при упорядочении массовых отношений. Вместе с тем при попытках урегулирования конкретных случаев (правоотношений), которые такого регулирования (в виде закона) не требуют, он может быть малоэффективен.

В условиях усложнения и нестабильности законодательства снова звучат предложения о расширении института профессионального представительства для ведения дел в суде первой инстанции. Так, Верховным Судом Рос-

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судебского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4809.

сийской Федерации в ноябре 2022 г. в Государственную Думу внесен проект федерального закона № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об унификации норм гражданского процессуального законодательства)⁹. Указанным проектом, среди прочего, предлагается внести изменения в часть вторую ст. 49 ГПК РФ в целях исключить возможность выступать представителями в суде при рассмотрении дел мировыми судьями и районными судами для лиц, не имеющих высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности. Согласно предложениям представителями в суде смогут выступать лишь «адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности». Данное изменение в пояснительной записке к проекту обосновывается тем, что оно направлено на обеспечение конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем предлагаемая законодательная инициатива, как и обоснование необходимости ее реализации, вызывает серьезные вопросы. Внесение проектом в ГПК РФ изменения, как представляется, приведет к возложению на граждан, обращающихся к мировым судьям и в районные суды, рассматривающие подавляющее большинство гражданских дел, дополнительного финансового бремени, связанного с оплатой услуг профессионального представителя¹⁰. Для граждан это существенно ограничит возможности представлять свои интересы в суде или самостоятельно выбирать способ представительства, что в конечном счете может затруднить реализацию конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции России).

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, признавая право законодателя устанавливать критерии квалифицированной юридической помощи, неоднократно указывал на необходимость обеспечения баланса публичных интересов и законных интересов лица при выборе представителя, не допуская несоразмерного ограничения как права на судебную защиту, так и права на юридическую помощь¹¹.

⁹ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/235526-8> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁰ Статистика рассмотрения судебных дел по первой инстанции показывает значительное превышение количества гражданских дел по сравнению с другими категориями дел: **2022 г.**: гражданские дела – 25 693 919; административные дела – 5 304 607; дела об административных правонарушениях – 7 259 094; дела по экономическим спорам – 1 696 179; уголовные дела – 765 739; **2023 г.**: гражданские дела – 28 247 477; административные дела – 2 162 152; дела об административных правонарушениях – 6 090 371; дела по экономическим спорам – 1 774 597; уголовные дела – 726 831.

¹¹ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 7. Ст. 871; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке

Тенденции развития правовой системы России (усложнение нормативного массива, углубление его противоречивости) обостряют вопрос о признании в Российской Федерации судебных актов формами права.

Исследованием проблематики судебского права занимались многие известные российские ученые: Н. С. Бондарь, Н. А. Богданова, В. Д. Зорькин, Г. А. Гаджиев, Г. В. Малыцев, М. Н. Марченко, В. В. Лазарев, Т. М. Пряхина и другие. По данной проблеме высказаны полярные мнения: от полного отрицания судебных актов как форм права до их признания таковыми. Одни авторы, опираясь на советский опыт, полагают, что суды не создают новых правовых норм, а выступают в роли своего рода «блестителя строгости правовой системы» [Богданова, Н. А., 1997, с. 65]. Другие, напротив, последовательно полагают, что деятельность судов не должна исчерпываться только правоприменением [Бондарь, Н. С., 2007, с. 75; Бондарь, Н. С., 2008, с. 15]. Главным контраргументом тезиса о правотворческом потенциале конституционного правосудия является выраженная еще Г. Кельзеном позиция, согласно которой суд в системе разделения властей не предназначен для создания норм права. При этом в своем труде «Чистое учение о праве» [Кельзен, Г., 2015, с. 315] он отмечал, что выросшая на почве англо-американского общего права теория о том, что суды создают право, является столь же односторонней, как и выросшая на континентально-европейской почве теория о том, что суды вообще не создают право, но лишь применяют уже созданное право. Автор указывал, что есть не только общие, но и индивидуальные нормы права. Суды создают, как правило, индивидуальные нормы права, но в том правопорядке, где создан законодательный орган или признается обычай, суды применяют заранее созданное законом или обычаем общее право. Суд не уполномочен действовать как законодатель, поскольку под законотворчеством понимается создание общих норм права. Суд же, по мнению Г. Кельзена, уполномочен создавать только индивидуальную норму, «действительную только для одного дела, рассматриваемого судом» [Кельзен, Г., 2015, с. 303–304]. Наделение суда правом принятия решений прецедентного характера может привести к конкуренции с установленным конституцией законодательным органом, что означало бы децентрализацию законодательной функции.

В современной российской научной литературе сторонниками континентального права нередко высказывается мнение о том, что акты судебной практики, в том числе и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не могут являться источниками права [Курбатов, А. Я., 2011, с. 103; Фомин, А. В., Губайдуллина, Э. Х., 2021, с. 185]. В споре различных позиций следует признать, что при очевидной принадлежности Российской Федерации к континентальной правовой семье невозможно отрицать наличие регуляторной роли решений высших судебных органов (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации). Однако догматизация содержания решений вер-

ке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3282.

ховных судов в форме «правовых позиций» вызывает обоснованные контрааргументы, ибо «с позиции классического разделения властей любой суд по своей природе не обладает правотворческими функциями, является правоприменительным органом и вправе заниматься не правовым, а лишь индивидуальным судебным регулированием правоотношений, вырабатывая только «позиции» суда, являющиеся разновидностью неправа. При таком теоретическом подходе понятие «правовые позиции» суда представляется теоретически спорным, а практически контрпродуктивным, «размывающим» право, приводящим к дискуссионному синтезу права и неправа. А главное – к неопределенной, противоречивой и нестабильной судебной практике, бесконечным отменам судебных актов, в том числе вступивших в законную силу, нарушениям прав и правовых интересов субъектов правоотношений» [Ершов, В. В., 2020, с. 373].

Наряду с этим все чаще высказывается мнение не только представителями судебского сообщества [Зорькин, В. Д., 2004, с. 5], но и теоретиками права [Марченко, М. Н., 2007, с. 45] о том, что судебная практика уже стала полноценной формой российского права, и сторонников этой позиции в нашей стране становится все больше. При этом отмечается, что судебная практика играет незаменимую роль в развитии законодательства, вследствие чего для разрешения всех споров следует определить на законодательном уровне «ее иерархическое положение» в системе форм российского права и установить иерархию между постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обзорами судебной практики, утверждаемыми Президиумом Верховного Суда Российской Федерации [Момотов, В. В., 2022, с. 16].

Однако возникают серьезные сомнения по поводу того, насколько приводимые аргументы свидетельствуют о необходимости такого законодательного закрепления. То, что судебная практика играет важную роль в развитии отдельных отраслей законодательства, является неоспоримым фактом. В этом заложен, как представляется, глубинный смысл положений ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой право законодательной инициативы по вопросам их ведения принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации. Формулировка «по вопросам их ведения» означает, что материалы анализа и обобщения судебной практики, проблемных вопросов, возникающих при рассмотрении определенных категорий дел, позволяют в целях совершенствования действующего законодательства подготовить соответствующие законодательные инициативы, содержащие нормы материального и процессуального права, для их последующего внесения и принятия Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Законодатель использует предлагаемые Верховным Судом Российской Федерации формулировки и правовые позиции, которые в случае их принятия становятся формами права.

Безусловно, осуществляемое Верховным Судом Российской Федерации систематическое обобщение судебной практики позволяет ему системно и своевременно в порядке законодательной инициативы предлагать изменения в действующее законодательство. Так, за период 2016–2023 гг. Верховным Судом Российской Федерации было внесено в Государственную

Думу свыше 50 законопроектов, касающихся изменений в законодательстве о судоустройстве, статусе судей, совершенствования процессуального законодательства¹². Приведенные данные свидетельствуют о том, что Верховный Суд Российской Федерации является активным субъектом законодательной инициативы.

Вместе с тем необходимость закрепления на законодательном уровне судебной практики как формы права вызывает возражения по следующим основаниям. Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ст. 5, 7) к полномочиям Пленума Верховного Суда Российской Федерации отнесены анализ и обобщение судебной практики, дача судам разъяснений по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства, а к полномочиям Президиума Верховного Суда Российской Федерации – рассмотрение отдельных вопросов судебной практики. Кроме того, в процессуальном законодательстве также закрепляется общеобязательное значение для судов толкований Верховного Суда Российской Федерации, осуществляемых путем принятия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Невыполнение судом рекомендаций, содержащихся в толкованиях, является основанием для отмены судебных постановлений (ст. 391.9 ГПК РФ, 308.8 АПК РФ, 341 КАС РФ). Таким образом, действующее законодательное регулирование наделяет Верховный Суд Российской Федерации как высший судебный орган правом осуществлять толкование по вопросам судебной практики по широкому кругу вопросов материального и процессуального права и правом законодательной инициативы по внесению изменений в федеральные конституционные и федеральные законы.

Обсуждение и заключение

Таким образом, приданье «на законодательном уровне» постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обзорам Президиума Верховного Суда Российской Федерации регуляторной роли представляется не имеющим под собой ни должных теоретических, ни практических обоснований.

Проблемных вопросов, связанных с оптимизацией функционирования судебной власти в Российской Федерации, возникает множество. Их активное обсуждение и поиск путей решения возникающих проблем, несомненно, будут способствовать повышению эффективности судебной защиты и развитию судебной системы в целом.

Список источников

Богданова Н. А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 1997. № 3. С. 64–65.

¹² По данным Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 29.02.2024).

Бондарь Н. С. Акты конституционного правосудия как источник права: их нормативно-доктринальная природа // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы : в 2 т. Т. 1 : Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза : сб. науч. тр. Минск, 2008. С. 14–26.

Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда как источник права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 74–85.

Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : РГУП, 2020. 564 с.

Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4–7.

Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антоновой, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.

Корня А. Судейскую этику подключили к интернету. Служителям Фемиды предписано вести себя одинаково в реальном и виртуальном пространстве // Коммерсант. 2022. 1 дек. С. 3.

Куликов В. Судьям напомнили о праве пользоваться соцсетями // Российская газета. 2022. 2 дек. С. 3.

Курбатов А. Я. Прецедентное право России: пренебрежение к законам и усугубление проблем правоприменения // Закон. 2011. № 4. С. 103–110.

Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право : моногр. М. : Проспект, 2007. 512 с.

Момотов В. В. Судебное правоприменение и правотворчество в современном российском правопорядке // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 11–16.

Туманова Л. В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2022. № 6 (86). С. 9–11.

Фомин А. В., Губайдуллина Э. Х. Роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4 (55). С. 185–188. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-4-185-188.

References

Bogdanova, N. A., 1997. The Constitutional Court of the Russian Federation in the system of constitutional law. *Vestnik Vysshei kvalifikatsionnoj kollegii sudej Rossijskoj Federatsii* = [Bulletin of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation], 3, pp. 64–65. (In Russ.)

- Bondar, N. S., 2007. The normative-doctrinal nature of the decisions of the Constitutional Court as a source of law. *Journal of Russian Law*, 4, pp. 74–85. (In Russ.)
- Bondar, N. S., 2008. [Acts of constitutional justice as a source of law: their normative and doctrinal nature. *Natsional'naya gosudarstvennost' i evropejskie integratsionnye protsessy* = [National statehood and European integration processes]. In 2 vols. Vol. 1: National legislation and its harmonization with the law of the European Union. Collection of scientific works. Minsk. Pp. 14–26. (In Russ.)
- Ershov, V. V., 2020. *Regulirovanie pravootnoshenij* = [Regulation of legal relations]. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice. 564 p. (In Russ.)
- Fomin, A. V., Gubaidullina, E. Kh., 2021. The role of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russia. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 4(4), pp. 185–188. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-4-185-188. (In Russ.)
- Kelsen, H., 2015. *Chistoe uchenie o prave* = [The Pure doctrine of Law]. Transl. from Germ. by M. V. Antonova, S. V. Lezov. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House. 542 p. (In Russ.)
- Kornya, A., 2022. [Judicial ethics has been connected to the Internet. The servants of Themis are instructed to behave the same way in real and virtual space]. *Kommersant*. 1 December, p. 3. (In Russ.)
- Kulikov, V., 2022. [Judges were reminded of the right to use social networks]. *Rossijskaya gazeta* = [Russian Newspaper], 2 December, p. 3. (In Russ.)
- Kurbatov, A. Ya., 2011. [Case law of Russia: disregard for laws and aggravation of law enforcement problems]. *Zakon* = [Law], 4, pp. 103–110. (In Russ.)
- Marchenko, M. N., 2007. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo* = [Judicial law-making and judicial law]. Monograph. Moscow: Prospekt. 512 p. (In Russ.)
- Momotov, V. V. 2022. Judicial law enforcement and law-making in the modern Russian legal order. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 12, pp. 11–16. (In Russ.)
- Tumanova, L. V., 2022. Ensuring the authority of the judiciary and protecting the rights and legitimate interests of judges as a two-pronged task of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation. *Vestnik Vysshej kvalifikatsionnoj kollegii sudej Rossijskoy Federatsii* = [Bulletin of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation], 6, pp. 9–11. (In Russ.)
- Zorkin, V. D., 2004. The precedent nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 12, pp. 4–7. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Догадайло Екатерина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4).

Ekaterina Yu. Dogadailo, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department of the M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russian Federation, 119571, Moscow, Vernadsky Ave., 82, build. 4).

Носов Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4), заслуженный юрист Российской Федерации.

Sergey I. Nosov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Constitutional Law Department of the M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russian Federation, 119571, Moscow, Vernadsky Ave., 82, build. 4), Honored Lawyer of the Russian Federation.

Чепунов Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4).

Oleg I. Chepunov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department of the M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russian Federation, 119571, Moscow, Vernadsky Ave., 82, build. 4).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 06.06.2024.
The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Научная статья

УДК 342.156

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.90-103

Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации

Александр Николаевич Писарев

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
a.n.pisarev@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования вызвана тремя основными факторами. Во-первых, необходимостью дальнейшего глубокого научного и правового анализа поправок 2020 г. к Конституции, в которых содержится ряд принципиально новых для отечественного конституционного законодательства положений, закрепляющих правовые основы обеспечения защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Во-вторых, несомненной важностью в современных условиях проблематики развития в целом гражданского общества в России и отдельных его институтов, оказывающих непосредственное влияние на деятельность государства в данной области, а также пониманием того, что только при поддержке и активном участии гражданского общества в реализуемой государством политике в области защиты государственного суверенитета возможно решение поставленных целей и задач. В-третьих, сложной геополитической ситуацией, в которой находится последнее десять лет Российской Федерации, стремящаяся в условиях беспрецедентного давления коллективного Запада сохранить государственный суверенитет и доказать свою принадлежность к числу ведущих стран мира.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящего исследования составляют научные труды ученых в области теории государства и права, конституционного права, административного права. В работе использованы общенакальные методы (системного анализа, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования. Во-первых, исходя из верховенства народного суверенитета обоснована необходимость укрепления государственного суверенитета посредством развития институтов (элементов) гражданского общества, осу-

ществляющих в данной области предусмотренные в законодательстве отдельные виды соответствующей публичной (общественно полезной) деятельности. Во-вторых, выделены требования, предъявляемые к институтам гражданского общества, призванным, особенно в период проведения специальной военной операции, осуществлять деятельность, направленную на укрепление государственного суверенитета Российской Федерации.

В-третьих, определены особенности правового положения отдельных видов некоммерческих организаций, взаимодействующих с государством в области обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. В условиях дальнейшего возрастания угроз государственному суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации возникает необходимость закрепления в действующем законодательстве гражданского общества в качестве источника народовластия и основы конституционного строя, его статуса как публично-правового института, призванного быть естественной опорой государства, выполнять соответствующие функции в области патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан Российской Федерации, а также стабилизирующие функции, позволяющие консолидировать интересы государства и общества, задействовать весь его потенциал для защиты общенациональных интересов.

Ключевые слова: государственный суверенитет, территориальная целостность, гражданское общество, народный суверенитет, институты гражданского общества, поправки 2020 г. к Конституции, институты гражданского общества, некоммерческие организации, государственно-общественные и общественно-государственные объединения

Для цитирования: Писарев А. Н. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 90–103. DOI: DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.90-103

Original article

Constitutional and Legal Foundations of Interaction Between the State and Civil Society in Ensuring the Protection of State Sovereignty and Territorial Integrity of the Russian Federation

Alexander N. Pisarev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
a.n.pisarev@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is caused by three main factors. First, there is the need for further in-depth scientific and legal analysis of the amendments 2020 to the Constitution, which contain a number of fundamentally new provisions for domestic constitutional legislation that consolidate the legal foundations for ensuring the protection of state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation.

Secondly, the undoubted interest of the Russian state in modern conditions in the development of civil society in Russia as a whole, and in particular its individual institutions that have a direct impact on the activities of the state in this area, as well as the understanding that in modern conditions only with the support and active participation of civil society in the policy implemented by the state in the field of protection of state sovereignty, it is possible to achieve the set goals and objectives. Thirdly, the difficult geopolitical situation that the Russian Federation has been in for the past ten years, striving to preserve state sovereignty and prove its belonging to one of the leading countries of the world under unprecedented pressure from the collective West.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this study is made up of scientific works of scientists in the field of the theory of state and law, constitutional law, administrative law. The work uses general scientific methods (system analysis, dialectical, formal-logical) and special research methods (system-legal, comparative-legal, historical-legal, formal-legal).

Results. Firstly, based on the supremacy of national sovereignty over state sovereignty, the need to strengthen the latter through the development of institutions (elements) of civil society, which carry out certain types of relevant public (socially useful) activities provided for in legislation in this area, is justified. Secondly, the requirements imposed on the institutions of civil society, called upon, especially during the period of a special military operation, to carry out activities aimed at strengthening the state sovereignty of the Russian Federation, are highlighted. Thirdly, a scientifically based conclusion has been made that the term "civil society" to a greater extent than the legal category "people" emphasizes the presence of common interests among citizens of the Russian Federation, awareness of their constitutional rights and freedoms and opportunities and desire to carry out, especially during the period of a special military operation, public (socially useful) activities, including those aimed at ensuring state sovereignty.

Discussion and Conclusion. In the context of further increasing threats to the state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation, there is a need to consolidate civil society in the current legislation as a source of democracy and the basis of the constitutional system, its formation as a public law institution designed to be the natural support of the state, to perform appropriate functions in the field of patriotic, including military-patriotic education of citizens of the Russian Federation Federations, as well as stabilizing functions that allow consolidating the interests of the state and society, using its full potential to protect national interests.

Keywords: state sovereignty, territorial integrity, civil society, people's sovereignty, institutions of civil society, amendments 2020 to the Constitution, institutions of civil society, non-commercial organizations

For citation: Pisarev, A. N., 2024. Constitutional and legal foundations of interaction between the state and civil society in ensuring the protection of state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 90–103. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.90-103.

Введение

Дополнение Законом от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ¹ ст. 67 Конституции положениями, запрещающими не только действия, направленные на от-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.03.2020.

чуждение части территории Российской Федерации, но и призывы к совершению таких действий, представляется стратегически дальновидным политико-правовым решением. Приведенные правовые нормы ч. 2.1 ст. 67 Конституции составляют основу для правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с вхождением в состав Российской Федерации новых субъектов Федерации², поскольку их границы, сопряженные с территорией иностранного государства, являются теперь государственной границей России, определяющей территориальные пределы распространения ее государственного суверенитета.

А. Л. Бредихин и Е. Д. Проценко важность указанных конституционных новаций связывают с особым порядком внесения поправок и изменений в Конституцию, что является «дополнительной гарантией сохранения территориальной целостности России в долгой перспективе вне зависимости от того, какие политические силы придут к власти» [Бредихин, А. Л., Проценко, Е. Д., 2020, с. 22].

Вместе с тем есть ученые, которые критически относятся к положениям ч. 2.1 ст. 67 Конституции, поскольку, по их мнению, они исключают общественный диалог относительно «юридической корректности принятых решений о присоединения Крыма к России и тем самым ограничивают конституционную свободу слова» [Кондрашев, А. А., 2021, с. 19].

С указанными выше конституционными новациями в части определения правовых основ обеспечения защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации самым непосредственным образом связаны появившиеся в ходе конституционной реформы 2020 г. положения ч. 2 ст. 67.1 Конституции, в которых нашла свое отражение такая конституционная ценность, как «признание исторически сложившегося государственного единства», которая, несомненно, применительно в проблематике участия в указанных процессах соответствующих институтов гражданского общества требует детализации и конкретизации в соответствующих положениях федерального и регионального законодательства.

Исходя из негативного исторического опыта 90-х гг. прошлого века, когда в Российской Федерации руководством страны был официально объявлен парад суверенитетов, следует подчеркнуть, что в соответствии с конституционной ценностью, закрепленной в ч. 2 ст. 67.1 Конституции, государственным суверенитетом может обладать только Российская Федерация в целом, а ее субъекты обладают другими видами суверенитета, например региональным, национальным и др.

Актуальность исследования проблематики конституционно-правового регулирования деятельности по обеспечению защиты государственного суверенитета Российской Федерации также объясняется существенными изменениями государственной политики в части соотношения государственного и народного суверенитета.

² Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область.

Следует признать, что начиная с советских времен в нашем Отечестве традиционно в качестве элементов конституционно-правового статуса государства назывались лишь признаки государственного суверенитета, а признаки народного суверенитета игнорировались.

Исходя из изложенного, автором поставлена цель на основе системно-правового анализа современных подходов к проблематике соотношения указанных видов суверенитета определить особенности правового положения институтов гражданского общества, осуществляющих взаимодействие с государством в исследуемой области, особенно в период проведения специальной военной операции.

Актуальность настоящего исследования определяется также сложной геополитической ситуацией, в которой находится последние десять лет Российская Федерация, стремящаяся в условиях беспрецедентного давления коллективного Запада сохранить государственный суверенитет и доказать свою принадлежность к числу ведущих стран мира.

По точному замечанию В. В. Путина, в условиях возникновения «...угроз такого масштаба, о которых никто раньше даже и не задумывался, необходимо создать систему прочную, надежную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно гарантирующую России независимость и суверенитет»³.

О сложности указанной геополитической ситуации, непосредственно влияющей на необходимость защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, свидетельствует уже тот факт, что протяженность ее северо-западной государственной границы с «вероятным противником» – странами, входящими в состав НАТО (а значит, и связанные с этим угрозы ее нерушимости), выросла более чем в 15 раз – с 195,7 до 3 тыс. км. Самым протяженным на северо-западной государственной границе Российской Федерации является ее участок между Россией и Финляндией – 1271 км.

Вступление Финляндии в НАТО и превращение ее в «вероятного противника» Российской Федерации ставят под сомнение стабильность многолетнего добрососедского сосуществования двух государств с различным общественно-политическим и государственным строем и поддержания уставившихся приоритетов обеспечения пограничной безопасности между Востоком и Западом.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляют научные труды ученых в области теории государства и права, конституционного права, административного права, предметом которых являются:

- правовые основы гражданского общества и влияние, которое оно оказывает на деятельность государства, в том числе в области обеспечения защиты государственного суверенитета (С. А. Авакян, Т. Гоббс, А. Г. Головин,

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.

В. С. Грачев, В. В. Гребенников, В. В. Гриб, Л. Ю. Грудцына, М. Н. Марченко, Е. В. Киричек, Е. А. Кравцова, Г. Е. Крохичева, О. Ю. Кокурина и др.);

- отдельные публично-правовые аспекты взаимодействия государства и институтов гражданского общества в области обеспечения государственного суверенитета (А. Л. Бредихин, Е. Д. Проценко, О. А. Клименко, А. Исаев, А. А. Клишас, А. А. Кондрашев, В. А. Кочев и др.);

- особенности правового положения отдельных видов некоммерческих организаций, взаимодействующих с государством в области обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации (А. М. Воронов, В. И. Кузнецов, В. В. Лысенко, Е. Е. Никитина и др.).

Методологической основой исследования является системно-правовой анализ, который предполагает изучение тех или иных публично-правовых явлений сквозь призму объекта, субъекта, сущности и содержания анализируемых правоотношений. В данной научной статье такой метод используется при исследовании единой публично-правовой системы обеспечения защиты государственного суверенитета, в которую входят в том числе институты гражданского общества, осуществляющие соответствующую публичную (общественно полезную) деятельность.

Избранная автором методология научного исследования позволяет выявить внутрисистемные связи, формы взаимодействия государства и гражданского общества, определить закономерности и тенденции развития всей публично-правовой системы обеспечения защиты государственного суверенитета, глубже понять механизмы воздействия права на общественные отношения, возникающие в данной области, охватить все объективно необходимые и внутрисистемные связи.

В отечественной науке, особенно в последнее время, наблюдается несомненный интерес к проблематике конституционно-правовой регламентации гражданского общества в качестве одного из элементов публичной власти. В этой связи до настоящего времени представляется актуальной, к сожалению, не учтенная при принятии Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»⁴ точка зрения С. А. Авакьяна о том, что в структуру публичной власти следует включить не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и институты гражданского общества [Авакьян, С. А., 2019, с. 6].

В силу уже отмечавшегося конвенционального характера государственного суверенитета многие публично-правовые исследования в исследуемой области направлены прежде всего на осмысление обязанности демократического, правового государства при осуществлении деятельности по обеспечению его защиты действовать с учетом мнения и в интересах народа.

По мнению Т. Гоббса, абсолютным суверенитетом могло обладать только государство-чудовище Левиафан, которое при этом лишало народ всяких прав на власть [Гоббс, Т., 2023, с. 332]. Российская Федерация как демократическое и правовое государство не может обладать таким суверените-

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

том в силу положений ст. 3 Конституции о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», которые тем самым закрепляют приоритет народного суверенитета над государственным суверенитетом.

О. А. Клименко обоснованно полагает, что «суверенитет народа является исходным, фундаментальным источником государственного суверенитета. И в этом смысле народный суверенитет первичен по отношению к государственному суверенитету. Вместе с тем государственный суверенитет выступает в качестве гаранта и хранителя, материальной силы, обеспечивающей реальность и прочность народного суверенитета, его незыблемость» [Клименко, О. А., Мирзоев, А. К., Третьяков, И. Л., 2017, с. 123].

Верховенство народного суверенитета над государственным суверенитетом В. А. Кочев объясняет публично-правовой природой последнего, которая выражается в том, что «государственно-правовые нормы в основе выражают единую и полную волю суверена (народа), ее независимость и самостоятельность как абсолютного носителя и источника государственного авторитета» [Кочев, В. А., 2022, с. 120].

Важно отметить, что в исследуемой области несомненный научный и практический интерес представляет *проблема соотношения юридических терминов (категорий) «гражданское общество» и «народ»*, исходя из того, что именно народ закрепляется в Конституции в качестве основного источника и субъекта осуществления власти в Российской Федерации.

Автор солидаризируется с точкой зрения В. В. Гребенникова, согласно которой первый юридический термин в большей мере, чем второй, соответствует конституционным основам и ценностям демократического, правового государства, поскольку «...народ страны, еще не осознавший возможности саморегулировать свои социально-экономические потребности и не выработавший пригодные для этого социальные регуляторы, можно считать начальной ступенью на пути развития от народа к гражданскому обществу» [Гребенников, В. В., 2015, с. 108].

В настоящее время Российская Федерация находится на «начальной ступени развития от народа к гражданскому обществу». С учетом российской специфики этот процесс «инициируется и создается «сверху», а не «снизу», как это... принято... в развитых европейских странах» [Гребенников, В. В., Грудцына, Л. Ю., 2015, с. 101].

М. Н. Марченко критически относился к такого рода процессу, полагая, что «...опыт искусственного («сверху») формирования политических партий и некоторых других элементов гражданского общества не приведет к перспективному и стратегически важному для будущего российского государства и общества результату, поскольку политический, социальный или любой иной искусственно созданный институт, а проще говоря суррогат, никогда еще не мог заменить собой реальный, выросший из глубин самого общества и связанный корнями с этим обществом, жизнеспособный институт» [Марченко, М. Н., 2008, с. 54].

Несмотря на уже отмечавшееся отсутствие до настоящего времени в Конституции и действующем федеральном законодательстве правовой регламентации гражданского общества, исходя из отмеченной выше зави-

симости государственного суверенитета от суверенитета народа, понятен, особенно в последнее время, интерес российского государства к развитию как в целом гражданского общества в России, так и отдельных его институтов, оказывающих непосредственное влияние на формирование государственной политики, в частности в области обеспечения защиты государственного суверенитета, особенно в период проведения специальной военной операции.

В настоящее время гражданскому обществу посвящены только появившиеся в результате конституционной реформы 2020 г. положения п. «е.1» ч. 1 ст. 114 Конституции, где речь идет о полномочиях Правительства Российской Федерации в области взаимодействия государства и гражданского общества. Данная конституционная новация во многом была инициирована посланием главы Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г.⁵, где он, в частности, акцентировал внимание на наличии в настоящее время в России зрелых политических, партийных объединений и авторитетного гражданского общества.

А. Г. Головин отмечает такие достоинства юридического термина (категории) «гражданское общество», как то, что оно «объединяет активных, неравнодушных, креативно мыслящих людей, способных переходить на работу в органы публичной власти и тем самым обеспечить синергетический эффект для достижения целей всестороннего развития общества и государства» [Головин, А. Г., 2022, с. 75].

Важно отметить, что правовую основу взаимодействия государства и гражданского общества в области обеспечения защиты государственного суверенитета составляют положения преамбулы Конституции о многонациональном народе Российской Федерации и возрождении суверенной государственности России. Комментируя эти конституционные нормы, О. Ю. Кокурина обоснованно указывает на необходимость нахождения в таком взаимодействии баланса интересов власти, общества и личности в целях обеспечения в долгосрочном масштабе жизнестойкости государства, устойчивости государственного управления и существующей социально-политической системы [Кокурина, О. Ю., 2021, с. 7].

Необходимость правовой регламентации взаимодействия государства и гражданского общества в области обеспечения защиты государственного суверенитета следует из положений п. 25 и 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400⁶, в соответствии с которыми развитие механизмов такого рода взаимодействия отнесено к числу не только важнейших национальных интересов Российской Федерации, но и средств их обеспечения и защиты.

Согласно п. 103 Стратегии взаимодействие органов публичной власти с организациями и институтами гражданского общества осуществляется под руководством Президента и за счет комплексного применения поли-

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

тических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации.

На основе анализа приведенных выше положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации А. М. Воронов обоснованно полагает, что именно «в развитии негосударственной системы обеспечения безопасности видится тот резерв, которым располагает гражданское общество и который не в полной мере используется в обеспечении защищенности интересов личности, общества и государства в целом» [Воронов, А. М., 2016, с. 134].

А. А. Клишас также подчеркивает, что в современном мире гражданское общество оказывает все большее влияние на обеспечение суверенитета государства за счет «стремления населения самостоятельно регулировать происходящие в обществе процессы». Ограничения такого рода самостоятельности институтов гражданского общества со стороны государства возможны только в случаях, когда их деятельность находится под воздействием «...иностранного вмешательства, они лишаются способности самостоятельно определять внутриполитическую повестку и находить решения возникающих проблем, а значит, деятельность некоммерческих организаций и различных гражданских объединений подменяется иностранным влиянием» [Клишас, А. А., 2019].

Результаты исследования

При определении видов, особенностей правового положения и требований, предъявляемых к институтам гражданского общества, призванным осуществлять свою деятельность в исследуемой области, следует исходить: во-первых, из структуры гражданского общества, в которую традиционно отечественные ученые включают политические партии, негосударственные, некоммерческие фонды и организации, казачьи объединения, в том числе казачьи общества и другие общественные объединения; во-вторых, из того, что учредительные документы таких организаций предусматривают осуществление в соответствии с законодательством отдельных видов публичной (общественно полезной) деятельности, направленной на обеспечение защиты государственного суверенитета Российской Федерации, особенно в период проведения специальной военной операции.

Е. Е. Никитина и В. И. Кузнецов необходимость привлечения общественных объединений к решению возникающих проблем в области обеспечения национальной безопасности объясняют тем, что они, «...основываясь в своей деятельности на принципах добровольности, самоуправления, автономности и независимости их образования и деятельности от государства, способны реализовать такие свои преимущества, как заинтересованность и активность членов; привлечение к деятельности широких слоев населения, включая волонтеров и общественных помощников; добровольность исполнения; гибкие формы и методы деятельности; отсутствие бюрократии и т. д.» [Никитина, Е. Е., Кузнецов, В. И., 2020, с. 89].

Важно отметить, что Федеральный закон «О некоммерческих организациях» не закрепляет их право осуществлять свою деятельность в области

защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации. Вместе с тем в п. 12 ст. 31.1 указанного Закона к числу социально ориентированных, а значит, имеющих право на поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, отнесены некоммерческие организации, осуществляющие в соответствии с учредительными документами деятельность в области патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан Российской Федерации, которая, несомненно, непосредственно связана с защитой суверенитета и обеспечением территориальной целостности Российской Федерации⁷.

Важно отметить следующую особенность правового положения некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации: они, как правило, создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти Российской Федерации (указами Президента или постановлениями Правительства) в форме добровольных, самоуправляемых *общественно-государственных объединений*, а их учредителями являются соответствующие органы исполнительной власти Российской Федерации. Представляется, что указанные особенности правового положения некоммерческих организаций, образованных в форме государственно-общественных и общественно-государственных объединений и осуществляющих деятельность в том числе в области защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, должны быть отражены в отдельном федеральном законе, принятие которого предусмотрено ст. 51 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁸. Там же указано, что впредь до принятия такого закона данные объединения осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти.

Аналогичной правовой позиции придерживается и Кассационная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, которая в Определении от 29 июля 2010 г. № КАС10-35 указала, что деятельность государственно-общественных и общественно-государственных объединений подлежит правовому регулированию федеральными законами о таких объединениях, а не общими нормами ГК РФ⁹.

Обсуждение и заключение

1. Исходя из зависимости государственного суверенитета от народного суверенитета наиболее эффективным в современных условиях представляется правовое регулирование общественных отношений, возникающих в исследуемой области, за счет расширения возможностей гражданского общества в целом и отдельных его институтов в частности оказывать непо-

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 45.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁹ URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902229808> (дата обращения: 26.02.2024).

средственное влияние на формирование и реализацию государственной политики в области обеспечения защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

2. Юридическая дефиниция «гражданское общество» в большей степени, чем юридическая категория «народ», подчеркивает наличие у граждан Российской Федерации общих интересов, осознания своих конституционных прав и свобод и возможностей и желания осуществлять, особенно в период проведения специальной военной операции, публичную (общественно полезную) деятельность, в том числе направленную на обеспечение государственного суверенитета.

3. Правовое положение некоммерческих организаций, образованных в форме государственно-общественных и общественно-государственных объединений и осуществляющих деятельность в том числе в области защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, должно быть закреплено в отдельном федеральном законе, принятие которого предусмотрено ст. 51 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

4. Такого рода деятельность указанных некоммерческих организаций следует признать социально ориентированной, а значит, имеющей право на поддержку со стороны органов публичной власти в силу того, что такая деятельность непосредственно затрагивает вопросы патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан Российской Федерации.

Список источников

Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.

Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 21–23.

Воронов А. М. Институты гражданского общества в системе обеспечения национальной безопасности современной России // Научный портал МВД России. 2016. № 2 (34). С. 132–136.

Гоббс Т. Левиафан: главы 17–18 / пер. с лат. Е. Г. Столяровой // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 3. С. 320–337.

Головин А. Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica. 2022. Т. 75, № 5. С. 71–88.

Гребенников В. В. Государство, народ и гражданское общество в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2015. № 3. С. 100–112.

Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Государство, народ и гражданское общество в России // Новый юридический журнал. 2015. № 3. С. 46–55.

Клименко О. А., Мирзоев А. К., Третьяков И. А. Государственный суверенитет и его источники // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 7. С. 123–138.

Клишас А. А. Гражданское общество как одна из основ суверенной государственности // Парламентская газета. 2019. 4 февр. URL: <https://www.pnp.ru/politics/grazhdanskoe-obshhestvo-kak-odna-iz-osnov-suverennoy-gosudarstvennosti.html> (дата обращения: 18.01.24).

Кокурина О. Ю. Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 7–11.

Кондрашев А. А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 18–29.

Кочев В. А. Публично-правовая природа государственного суверенитета // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 2 (45). С. 120–125.

Лысенко В. В. Конституционно-правовые основы внутригосударственной и международной деятельности общественных объединений (в контексте опыта Российской Федерации, Республики Молдова и Приднестровья) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 413 с.

Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. 2008. № 10 (142). С. 52–64.

Никитина Е. Е., Кузнецов В. И. Модели правового регулирования взаимодействия государства и некоммерческих организаций в сфере обороны и безопасности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 88–104. DOI: 10.12737/jrl.2020.044.

References

- Avakyan, S. A., 2019. [Modernization of public-political relations and constitutional reform: problems and prospects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* = [Constitutional and Municipal Law], 9, pp. 3–6. (In Russ.)
- Bredikhin, A. L., Protsenko, E. D., 2020. [State sovereignty of the Russian Federation in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* = [Constitutional and Municipal Law], 11, pp. 21–23. (In Russ.)
- Golovin, A. G., 2022. Interrelationship between civil society and public power in the context of the concept of delegation of power by the people. *Lex Russica*, 75(5), pp. 71–88. (In Russ.)

- Grebennikov, V. V., 2015. State, people and civil society in Russia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskiye nauki* = [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 3, pp. 100–112. (In Russ.)
- Grebennikov, V. V., Grudtsyna, L. Yu., 2015. The state, the people and civil society in Russia. *Novyy yuridicheskij zhurnal* = [New Legal Journal], 3, pp. 46–55. (In Russ.)
- Hobbes, Th., 2023. [Leviathan. Chapters 17–18]. Transl. from the Latin by E. G. Stoliarova. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 7(3), pp. 320–337. (In Russ.)
- Klimenko, O. A., Mirzoev, A. K., Tretyakov, I. L., 2017. State sovereignty and its sources. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* = [Legal science: history and modernity], 7, pp. 123–138. (In Russ.)
- Klishas, A. A., 2019. [Civil society as one of the foundations of sovereign statehood]. *Parlamentskaya gazeta* = [Parliamentary Newspaper]. 4 Feb. URL: <https://www.pnp.ru/politics/grazhdanskoe-obshhestvo-kak-odna-iz-osnov-suverennoy-gosudarstvennosti.html> (Accessed: 18 January 2024). (In Russ.)
- Kochev, V. A., 2022. Public legal nature of state sovereignty. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* = [Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2, pp. 120–125. (In Russ.)
- Kokurina, O. Yu., 2021. [Personality, society, public power: mutual responsibility as an imperative for the sustainability of the state]. *Konstitutionnoe i munitsipal'noe pravo* = [Constitutional and Municipal Law], 3, pp. 7–11. (In Russ.)
- Kondrashev, A. A., 2021. Constitutional amendments – 2020: about collisions and defects that give rise to irremovable conflicts between the “eternal chapters” and chapters 3–8 of the Russian Constitution. *Konstitutionnoe i munitsipal'noe pravo* = [Constitutional and Municipal Law], 3, pp. 18–29. (In Russ.)
- Lysenko, V. V., 2016. *Konstitutsionno-pravovye osnovy vnutrigosudarstvennoj i mezhdunarodnoj deyatel'nosti obshchestvennykh ob"edinenij (v kontekste opyta Rossiyskoj Federatsii, Respubliki Moldova i Pridnestrov'ya)* = [Constitutional and legal foundations of domestic and international activities of public associations (in the context of the experience of the Russian Federation, the Republic of Moldova and Transnistria)]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 413 p. (In Russ.)
- Marchenko, M. N., 2008. The relationship between civil society and the state: theoretical issues. *Journal of Russian Law*, 10, pp. 52–64. (In Russ.)
- Nikitina, E. E., Kuznetsov, V. I., 2020. Models of legal regulation of interaction between the state and non-profit organizations in the field of defense and security in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 4, pp. 88–104. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.044.
- Voronov, A. M., 2016. [Institutions of civil society in the system of ensuring national security of modern Russia]. *Nauchnyj portal MVD Rossii* =

[Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, pp. 132–136. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Писарев Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российской государственной университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Alexander N. Pisarev, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 06.06.2024.
The article was submitted 17.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Концепция судебской откровенности (judicial candor): предпосылки, развитие и современное состояние

Александр Евгеньевич Кирпичев

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

aekirpichev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0043-5069>

Аннотация

Введение. Концепция судебской откровенности (judicial candor), требующая от судей честного и полного раскрытия мотивов принятия решений, является важным элементом обеспечения легитимности судебной власти в демократическом обществе. Однако реализация этого принципа на практике сталкивается с рядом проблем и ограничений.

Теоретические основы. Методы. Исследование опирается на методологию сравнительного правоведения, рассматривающую развитие концепции судебской откровенности в правовой мысли США и других стран. Применены общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также специальные методы юридической науки – формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Анализ работ Д. Шапиро, Р. Фэллона, М. Шварцмана и других исследователей позволил выделить основные этапы и подходы к пониманию судебской откровенности в американской доктрине, от ее обоснования как безусловного требования до разработки более гибких моделей, учитывающих различные аспекты деятельности судов. Рассмотрены аргументы как в пользу максимальной открытости судей, так и в пользу ее ограничения в интересах сохранения авторитета и независимости судебной власти. Также уделено внимание практическому применению данной концепции на примере отдельных решений.

Обсуждение и заключение. Концепция судебской откровенности прошла длительный путь развития и получила признание как важный элемент обеспечения легитимности правосудия. Вместе с тем ее практическая реализация должна быть сбалансирована с иными ценностями и принципами функционирования судебной системы. Перспективы дальнейшего исследования данной темы связаны как с изучением фактических практик обоснования судебных решений в разных странах, так и с осмысливанием новых вызовов, обусловленных развитием информационных технологий.

Ключевые слова: судебская искренность, транспарентность правосудия, легитимность судебной власти, мотивированная часть, независимость судей

Благодарности: работа выполнена с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Автор также выражает благодарность многочис-

ленным представителям судебского корпуса, с которыми удалось обсудить применимость концепции judicial candor за пределами англосаксонской правовой системы.

Для цитирования: Кирпичев А. Е. Концепция судебской откровенности (judicial candor): предпосылки, развитие и современное состояние // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 104–122. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.104-122.

Original article

The Concept of Judicial Candor: Background, Development and Current State

Alexander E. Kirpichev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
aekirpichev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0043-5069>

Abstract

Introduction. The concept of judicial candor, requiring judges to honestly and fully disclose the reasons behind their decision-making, is an essential element in ensuring the legitimacy and accountability of the judiciary in a democratic society. However, the implementation of this principle in practice faces a number of problems and limitations.

Theoretical Basis. Methods. The study relies on the methodology of comparative jurisprudence, examining the development of the concept of judicial candor in the legal thought of the USA and other countries. The general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as special methods of legal science – formal legal and comparative legal methods – are applied.

Results. The analysis of the works by D. Shapiro, R. Fallon, M. Schwartzman and other researchers made it possible to identify the main stages and approaches to understanding judicial candor in American doctrine, from its justification as an unconditional requirement to the development of more flexible models that take into account various aspects of the courts' activities. The arguments both in favor of maximum openness of judges and in favor of its limitation in the interests of preserving the authority and independence of the judiciary are considered. Special attention is paid to the practical application of this concept on the example of individual decisions.

Discussion and Conclusion. The concept of judicial candor has come a long way in its development and has been recognized as an important element in ensuring the legitimacy of justice. At the same time, its practical implementation should be balanced with other values and principles of the functioning of the judicial system. Prospects for further research on this topic are associated both with the study of actual practices of substantiating court decisions in different countries, and with understanding the new challenges posed by the development of information technologies.

Keywords: judicial candor, transparency of justice, legitimacy of the judiciary, argumentation of judicial decisions, judicial independence

Acknowledgments: the work was done using the Legal Reference System "ConsultantPlus". The author also expresses his gratitude to the numerous representatives of the judiciary with whom he was able to discuss the applicability of the concept of judicial candor outside the Anglo-Saxon legal system.

For citation: Kirpichev, A. E., 2024. The concept of judicial candor: background, development and current state. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 104–122. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.104-122.

Введение

Образ справедливого и беспристрастного судьи является фундаментальным архетипом для права и правосудия. Однако реализация этого идеала на практике сталкивается с рядом проблем, одна из которых – насколько судьи «откровенны» в изложении обоснования своих решений, т. е. насколько текст решения позволяет понять причины его принятия. Многоаспектная, комплексная деятельность судей воплощается в конечном итоге в письменной форме – в тексте судебного акта. Как отмечал Д. А. Фурсов, «подробное изложение мотивов принятого решения является лучшей гарантией от произвола» [Фурсов, Д. А., Харламова, И. В., 2009, с. 463].

Однако в России, как и в ряде других стран, за последние десятилетия появились правила, сделавшие мотивированную часть решения суда факультативной (§ 313а ГПК Германии¹, ч. 3 ст. 199 ГПК РФ, ст. 232.4 ГПК РФ, ст. 229 АПК РФ). Логика таких положений ясна в контексте политики по оптимизации правосудия, но одновременно с этим она отсылает к серьезнейшему вопросу о доверии общества, в том числе профессионального юридического сообщества, к суду, так как именно наличие такого доверия оказывается условием отсутствия мотивированной части в решении. При этом очевидно, что, воплощая субсумцию (собственно применение) норм права, обоснование мотивированной части требует наибольших интеллектуальных усилий, именно в адрес мотивированной части поэтому чаще всего направлена критика, в том числе с точки зрения юридической техники, включая модное направление *legal design*.

В настоящем исследовании читателю предлагается обзор теоретических подходов преимущественно представителей англосаксонской правовой науки, характеризующих отражение в мотивированной части судебного акта аргументации вывода суда, которые считают изготовление судебного акта не сугубо техническим, а многогранным явлением с серьезным (даже философским, аксеологическим) содержанием.

Концепция судейской откровенности (*judicial candor*) имеет долгую историю развития в западной правовой мысли, но остается малоизвестной для русскоязычной аудитории. Между тем она может быть полезным инструментом, в особенности в компаративистском аспекте, для исследования вопроса о том, как реально функционирует судебная система и как обеспечивается легитимность судебной власти в глазах общества.

Как отмечает Д. Шапиро, «в определенном смысле откровенность – это *conditio sine qua non* всех других ограничений злоупотребления судебной властью, поскольку ограничения, налагаемые конституцией, законами и прецедентами, мало что значат, если судьи считают себя свободными верить

¹ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_313a.html (дата обращения: 04.09.2024).

в одно, а говорить другое» [Shapiro, D. L., 1987, p. 738]. Иными словами, по его мнению, без честности и открытости судей в обосновании своих решений все остальные механизмы контроля за судебной властью теряют смысла.

В то же время многие исследователи настаивают на том, что абсолютная откровенность судей на практике труднодостижима и может вступать в конфликт с другими ценностями, такими как необходимость поддержания авторитета суда, коллегиальность или стремление избежать негативных последствий. Как отмечает Ричард Фэллон, «предыдущие теоретики судейской откровенности не проводили важного различия между обязанностями откровенности, нарушение которых представляет собой виновный проступок, и идеалами откровенности, которым даже очень хорошие судьи иногда не соответствуют полностью» [Fallon, R. H., 2017, p. 2265]. В данном случае слово *duty* (обязанность), как и в корпоративном и деликтном праве англосаксонской семьи, тесно увязывается не с конкретным правоотношением, а с обязанностью в значении морального долга и одновременно элемента правового статуса субъекта.

Цель данной статьи – проанализировать, как концепция судейской откровенности развивалась в западной правовой мысли, выделить основные подходы к ее пониманию и оценить возможности ее практического применения.

Таким образом, статья призвана ввести в научный оборот малоизвестную в России концепцию *judicial candor*, проанализировать ключевые подходы к ее пониманию, выявить проблемы ее практического применения и наметить перспективы дальнейшего исследования этой важной для судебной системы темы.

Теоретические основы. Методы

Данное исследование основано на методологии сравнительного правоведения, которое предполагает сопоставление не только правовых норм, но и представлений ученых о праве в разных странах. По разделяемому нами мнению Марка Ван Хука, позитивное право не существует в изоляции от науки, поэтому для понимания исследуемой правовой системы необходимо учитывать и доктринальные подходы [Van Hoecke, M., 2015, p. 6]. Методология исследования опирается в определенной степени на идеологию правового разнообразия (*legal diversity*), согласно которой каждая национальная правовая теория имеет самостоятельную ценность и заслуживает изучения в сравнительной перспективе [Smits, J. M., 2012, p. 145].

В то же время правовые системы разных стран рассматриваются как функционально однородные социальные системы в рамках общей теории систем Н. Лумана, развитой далее в трудах Г. Тойбнера. Это позволяет легче осуществлять заимствования правовых концепций между странами, чем при восприятии права как замкнутой национальной системы, лишь прямо реагирующей на запросы общества [Luhmann, N., 2008; Teubner, G., 1993].

Для сравнительного анализа концепции судейской откровенности были отобраны источники, представляющие попытки построения различных теорий судейской откровенности, определения ее содержания, а также ее эмпирического применения в разных странах, в том числе за пределами англосаксонского права, где эта концепция первоначально сформировалась.

Ключевыми источниками по теме явились статьи Д. Шапиро «In Defense of Judicial Candor» [Shapiro, D. L., 1987], С. Альтмана «Beyond Candor» [Altman, S., 1990], Р. Фэллона «A Theory of Judicial Candor» [Fallon, R. H., 2017], а также М. Шварцмана «Judicial Sincerity» [Schwartzman, M., 2008]. Эти работы представляют основные подходы к пониманию судебской откровенности и искренности в американской правовой доктрине.

Были использованы также отсылающие к концепции судебской откровенности в сравнительно-правовом ключе итальянские работы: статьи М. Кардуччи [Carducci, M., 2017] и в общеевропейском контексте статья А. Морелли и О. Полличино [Morelli, A., Pollicino, O., 2018], а также труд немецких исследователей Ф. Баумана и Ф. Фагана [Baumann, F., Fagan, F., 2021], рассматривающих с применением впечатляющего математического аппарата взаимосвязь проблем судебской откровенности и публикации судебных актов.

На основе эмпирических работ о неправовых (внепроцессуальных) факторах, влияющих на судей, исходя из описанной в настоящем разделе методологии было подробно проработано исследование китайских ученых, которые провели эксперимент с участием 100 действующих судей Китая и сформулировали важные (хотя и неутешительные) выводы о разъяснении судебного акта как способе обеспечения судебской откровенности [Liu, J. Z., Li, X., 2019].

Отдельные аспекты проблемы, такие как эмпирические проявления недостатка судебской откровенности, рассматриваются Дж. Кирчером на примере практики Верховного суда штата Висконсин [Kircher, J., 1990] и А. Ростроном на примере высказываний судьи Верховного Суда США Антонина Скалия [Rostrom, A., 2013].

В целом отобранные источники позволяют составить комплексное представление о развитии концепции судебской откровенности как в американской правовой мысли, где она получила наибольшую разработку, так и в европейском и сравнительно-правовом контекстах. Это дает возможность критически проанализировать различные подходы к пониманию и применению данной концепции и сделать выводы о перспективах ее использования для исследования правосудия.

Результаты исследования

Термином «судейская откровенность» (judicial candor) оперировали различные ученые XIX в. и в особенности середины XX в. Так, выдающийся деятель в сфере договорного права, ученый и судья Р. Браучер, комментируя работу над Second Restatement of Contracts (Вторым Сводом договорного права – неофициальной, но широко используемой кодификацией американского договорного права), указывал, что более простое изложение «правила почтового ящика» (mailbox rule, правило о заключенности договора с момента направления, а не получения акцепта как в типично континентальной формулировке п. 1 ст. 433 ГК РФ) будет способствовать судебской откровенности [Braucher, R., 1964, p. 309]. По-видимому, апелляция Р. Браучера к судебской откровенности неслучайна, коль скоро в исследовании, посвященном вкладу уже самого Браучера, говорится, что благодаря ему появилась формулировка ст. 351(3) Свода, позволяющая суду снизить раз-

мер взыскиемых непредвиденных убытков (подобно тому как по аналогии закона российскими судами применяется норма ст. 333 ГК РФ для снижения размера убытков). Использованная формулировка предназначена для того, чтобы сдержать, по замыслу Браучера, «манипулирование тестом предвидимости» и поощрить судейскую откровенность [Mehren, A. T. von, 1982, с. 637]. Иными словами, Браучер выявил, что суды снижают размер взыскиемых убытков до справедливого, искусственно меняя их квалификацию. Тем самым размывается важное для общего права деление убытков на предвидимые и непредвидимые. Чтобы сохранить системность и ясность права, было сформулировано такое правило, которое позволяет судьям без переквалификации убытков совершать ту же самую операцию, добиваясь желаемой справедливости. Таким образом, на примере частного права видно, что отсылка к судейской откровенности – это утверждение о наличии у суда подлинных мотивов принятия решения и необходимости стремления к возможности их эксплицитного выражения в тексте судебного акта.

Целостная концепция судейской откровенности начала развиваться в американской правовой мысли в конце XX в. Одним из первых эту проблему в качестве самостоятельного предмета исследования поставил Д. Шапиро (известный практик, один из пионеров медиации) в статье «In Defense of Judicial Candor» (В защиту судейской откровенности) [Shapiro, D. L., 1987]. Он утверждал, что «откровенность имеет принципиальное значение для судебного процесса, поскольку она является основой для критики и контроля судебной власти» [Shapiro, D. L., 1987, р. 737]. При этом откровенность – это *conditio sine qua non* всех других ограничений злоупотребления судебной властью [Shapiro, D. L., 1987, р. 738].

Вероятно, именно Д. Шапиро окончательно ввел категорию судейской откровенности в научный оборот. Примечательно, что, не указывая прямо на ее принадлежность какому-то из конкурирующих направлений юридической мысли США (типу правопонимания): юридическому позитивизму, правовому реализму, критическим юридическим исследованиям (critical legal studies) или естественному праву, Д. Шапиро указывает в качестве источника для вдохновений мысли представителя возрожденного (нового) естественного права и теоретика взаимодействия права и морали А. Фуллера. «Я считаю, – пишет Шапиро, – что аргументы в пользу откровенности в вынесении судебных решений и в других судебских актах черпают особую силу в самой природе судебного процесса. Я согласен с Лоном Фуллером, что обоснованный ответ на обоснованный аргумент – это существенный аспект этого процесса» [Shapiro, D. L., 1987, р. 737].

Критично либо с одобрением, а чаще – как инструмент судейская откровенность используется представителями разных типов правопонимания и разных подходов к праву. Еще продуктивнее оказывается ее применение для выявления и описания различий между ними. Так, С. Альтман, рассуждая об ограниченности категории судейской откровенности, проводит мыслительные эксперименты, вводя воображаемых судей, представляющих различные подходы к праву: не особо озабоченного соблюдением предписаний норм права судью Гудини (воплощает взгляды основателя critical legal studies Д. Кеннеди), строгого формалиста (позитивиста) судью Хаплесса («Несчаст-

ный) и последователя Р. Дворкина (т. е. интегративного подхода к праву) судью Геркулеса (Геракла), которые разным образом рефлексируют и выражают с разной степенью откровенности свои мотивы в принятии решений [Altman, S., 1990, p. 308–318]. Многосторонний эксперимент С. Альтмана не лишен недостатков, но весьма убедительно показывает практическое (через призму действий судей) значение типов правопонимания.

В связи с этим нельзя не вспомнить, что нередко вопрос о взаимодействии права и морали прагматично оценивается юристами, в том числе студентами, как максимально непрактичный, однако он оказывается фундаментом (пусть и закрытым возведенными постройками) для квалификации правосознания конкретного судьи, а следовательно, для выявления его подлинной логики вне зависимости от того, полезна такая операция для правосудия либо вредна.

Р. Фэллон в статье «Теория судейской откровенности» развил идеи Д. Шапиро до уровня самостоятельной теории, предложив различать «минимальные обязанности (duties) судейской откровенности», которые «в целом запрещают преднамеренную ложь и введение в заблуждение», и «идеал судейской откровенности», требующий «максимально полного раскрытия мотивов, включая моральные и политические взгляды судей» [Fallon, R., H., 2017, p. 2292, 2306]. При этом, по замечанию Фэллона, «даже очень хорошие судьи иногда не соответствуют полностью» этому идеалу [Fallon, R., H., 2017, p. 2265]. Иными словами, судейская откровенность в предлагаемой теоретической модели рассматривается в двух значениях: как совокупность минимальных требований к указанию мотивов принятия решений и как идеал максимально откровенной саморефлексии судей, к которому следует стремиться. При этом пусть читателя не удивляет указание на политические предпочтения судьи: ведь речь идет об американской юриспруденции, а в США для многих судей и для каждого судьи Верховного Суда публично известны политические взгляды, в основном коррелирующие с двухпартийной системой, представляющей, с известными оговорками, дилемму консерватизма и либерализма. Таким образом, про каждого судью Верховного Суда в СМИ обязательно публикуется, является ли он «либералом» или «консерватором».

Заметим, что еще ранее, чем Р. Фэллон сформулировал целостную теорию судейской откровенности, были попытки системной критической оценки концепции Д. Шапиро и построения на этой основе законченных теоретических выводов. Так, С. Идлмен в статье «Благоразумная теория судейской откровенности» подверг критике некоторые распространенные после выхода статьи Д. Шапиро аргументы в пользу безусловной судейской откровенности (подотчетность, ограничение власти, качество решений и др.). По его мнению, «конвенциональная мудрость, по-видимому, состоит в том, что откровенность – это идеал, к которому судьи должны стремиться почти всегда, и что любые исключения из этого правила немногочисленны и находятся далеко между собой» [Idleman, S. C., 1995, p. 1307]. Однако, проанализировав эти доводы, Идлмен пришел к выводу, что «ни один из доводов в пользу судейской откровенности не может оправдать ее как всеобщее и безусловное требование» [Idleman, S. C., 1995, p. 1380]. Вместо этого он предложил «теорию благоразумия» (prudential theory), которая учи-

тывает другие ценности правосудия и контекст конкретного процесса при решении вопроса об откровенности.

М. Шварцман предложил разграничивать понятия судебной откровенности (*candor*) и искренности (*sincerity*). В то время как откровенность требует от судьи «утвердительного публичного раскрытия» всей относящейся к делу информации [Schwartzman, M., 2008, р. 995], искренность предполагает лишь «соответствие между убеждением и высказыванием» [Schwartzman, M., 2008, р. 1017]. По мнению Шварцмана, «судейская искренность является обязательным требованием, в то время как судебная откровенность носит скорее рекомендательный характер» [Schwartzman, M., 2008, р. 1022]. Искренность необходима для поддержания легитимности суда, в то время как полная откровенность может вступать в конфликт с другими ценностями.

Итак, концепция судейской откровенности получила развитие прежде всего в американской правовой доктрине. Помимо упомянутых работ Шапиро, Фэллона и Шварцмана, важный вклад в ее анализ внес Р. Кротошински. В статье с отсылающим к комедии О. Уайльда названием «*On the Importance of Being Earnest*» [Krotoszynski, R. J., 2022] он показал, что использование так называемых «конституционных прилатков» или «конституционных довесков» (*constitutional makeweights*) – недостаточно обоснованных правовых позиций – подрывает легитимность судебной власти в глазах общества. По его мнению, «федеральные суды должны говорить то, что имеют в виду, и иметь в виду то, что говорят; прилатки же формально нарушают этот принцип» [Krotoszynski, R. J., 2022, р. 298–299]. В качестве примера приводится доктрина Chevron, обязывающая суд принимать толкование закона, данное соответствующим органом исполнительной власти, если соответствующие полномочия были делегированы ему Конгрессом. Эта сомнительная с точки зрения конституционализма доктрина используется вместо того, чтобы открыто обосновывать собственное судебное толкование.

Категория судейской откровенности связывается американскими исследователями и с внепроцессуальным выражением позиции. А. Рострон проанализировал проблему уклончивости в публичных выступлениях известного судьи Верховного Суда США Антонина Скалиа. Хотя Скалиа был известен своей бескомпромиссной позицией в судебных решениях, в интервью он порой прибегал к сомнительным утверждениям. По мнению Рострона, это подрывает доверие к судебной власти: «Если есть кто-то в этой стране, обладающий огромной властью и свободой говорить открыто, то это Скалиа и его коллеги по Верховному Суду» [Rostron, A., 2013, р. 16].

Подобное звучит странно, если не вспомнить про политический характер деятельности Верховного Суда США и большое количество особых мнений. При этом язык американских судебных актов своеобразен и доступен преимущественно профессионалам.

Концепция судейской откровенности перестала быть чисто американским феноменом и нашла отражение в европейской правовой мысли. Так, итальянский исследователь М. Кардуччи отметил важность судейской откровенности для понимания реального функционирования конституционных норм в Германии, Италии и Португалии [Carducci, M., 2018, р. 6]. При этом Кардуччи подчеркивает существование «серых зон» между формаль-

ными нормами и практикой их применения, и судейская откровенность, по его мнению, становится инструментом выявления этих «зон».

В современной дискуссии о судейской откровенности можно выделить ряд типичных аргументов за и против этой концепции. К доводам в пользу откровенности относятся соображения подотчетности судей обществу, ограничения судейской власти, повышения качества и легитимности судебных решений в глазах общественности [Idleman, S. C., 1995, p. 1335–1376; Krotoszynski, R. J., 2022, p. 298].

С другой стороны, критики указывают на риски подрыва независимости и авторитета судов в случае полного раскрытия «кухни» принятия решений, а также на принципиальную невозможность абсолютной транспарентности ввиду наличия у судей не только правовых, но и моральных, психологических мотивов, которые не могут быть полностью артикулированы [Krotoszynski, R. J., 2022, p. 298–299]. По замечанию Фэллона, «обязанности судейской откровенности обычно являются моральными, а также юридическими обязанностями», но, как и иные моральные обязанности, они могут иметь исключения [Fallon, R., H., 2017, p. 2308–2309].

Проблемы практического применения принципа судейской откровенности можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Дж. Кирчер в статье «*Judicial Candor: Do as We Say, Not as We Do*» (Юридическая откровенность: делайте как мы говорим, а не как мы делаем) на примере решений Верховного суда Висконсина показал, что суды не всегда следуют заявленным ими ранее правовым позициям и могут изменять подходы без должного обоснования (речь идет о том, что ранее не признававший универсальность правила определения начала течения срока исковой давности со дня обнаружения (*discovery rule*) вреда суд неожиданно высказался об универсальности этого правила). По мнению Кирчера, такая непоследовательность в отсутствие комментария, почему это не было сделано раньше, «нарушает принципы откровенности (*candor*) и последовательности (*stare decisis*) в судебных решениях» и подрывает доверие общества к суду [Kircher, J. J., 1990, p. 433–434].

Аналогичные проблемы, хотя и в разной степени, отмечаются и в других странах.

Ф. Бауман и Ф. Фаган исследовали вопрос о том, каковы эффекты публикации судебных актов (в том числе с персонализацией судьи). На теоретических моделях они показали, что полная транспарентность процесса принятия судебных решений не всегда ведет к росту информированности общества, поскольку осознание публичности может заставить судей скрывать свои истинные мотивы [Baumann, F., Fagan, F., 2021]. Таким образом, определение пределов реализации идеала судейской откровенности требует учета конкретного контекста и балансировки различных ценностей.

Принцип судейской откровенности может вступать в конфликт с принципом независимости судов в нескольких аспектах.

Во-первых, требование полного раскрытия мотивов принятия решений потенциально делает судей более уязвимыми для критики и давления со стороны общественности, политиков и СМИ. Как отмечает С. Идлмэн, «чрезмерная подотчетность может подорвать легитимность судов, заставляя их выглядеть и функционировать как политические, а не правовые

институты» [Idleman, S. C., 1995, p. 1337–1344]. Если судьи будут опасаться негативной реакции на каждое свое слово в обосновании решения, это может подтолкнуть их к выбору более «безопасной» и популярной позиции вместо следования своему пониманию права.

Во-вторых, акцент на подробное обоснование каждого решения может затруднить независимое и беспристрастное рассмотрение дел. Судьи могут начать избегать спорных или непопулярных решений, понимая, что им придется подробно объяснять свою позицию. Как указывает Р. Кротошински, «ложные причины также сигнализируют о цинизме и неуважении к народу, делая судебное разбирательство похожим на обычную политику» [Krotoszynski, R. J., 2022, p. 298–299]. Иными словами, чрезмерная открытость может политизировать правосудие. Закономерно Бауман и Фаган подчеркивают, что перспектива публикации судебного акта оттолкнет судью от принятия справедливого, но трудно мотивируемого решения [Baumann, F., Fagan, F., 2021, p. 5–6].

В-третьих, принцип судейской откровенности в своем абсолютном выражении фактически предполагает внешнюю оценку обоснованности и правильности судебских мотивов. Однако такая оценка сама по себе является вторжением в независимость судебной власти.

Наконец, независимость предполагает и коллегиальную независимость судей друг от друга, особенно при коллективном принятии решений. Однако, как замечает Д. Шапиро, требование полной откровенности может создавать здесь дополнительное напряжение: «Утверждение, что суд нечестен, иногда упускает из виду особые проблемы коллегиальности, возникающие в многочленном апелляционном суде» [Shapiro, D. L., 1987, p. 734]. Ведь при коллегиальном рассмотрении дел судья должен выразить свою позицию (*judicial opinion*) таким образом, чтобы убедить остальных судей, даже если он руководствовался иными, но потенциально спорными для коллег аргументами.

Показательно эмпирическое исследование китайских ученых. Они утверждают, что, выявив у действующих китайских судей предвзятость в отношении участника процесса в связи с его моральным обликом, они опросили судей и попробовали применить механизм разъяснения судебного акта, но ни опрос, ни разъяснение не оказались эффективным инструментом обеспечения судейской откровенности. Напротив, разъяснение судебного акта заставляет искать и «притягивать» формальные аргументы, не имевшие на самом деле решающего значения, поэтому «выводы ставят под сомнение эффективность обоснованного разъяснения как средства обеспечения судебной прозрачности» [Liu, J. Z., Li, X., 2019, p. 630].

Как было показано, требование судейской откровенности может вступать в противоречие с другими ценностями и принципами правосудия. Наиболее очевидный конфликт возникает с принципом независимости судов. Чрезмерная открытость, делающая судей уязвимыми для давления и критики, способна подорвать их самостоятельность [Idleman, S. C., 1995, p. 1337–1344; Krotoszynski, R. J., 2022, p. 298–299]. В то же время полная закрытость судебного процесса также недопустима, поскольку не позволяет контролировать судебную власть.

Другая проблема связана с принципом определенности права. Излишне подробное изложение мотивов и описание альтернативных подходов может размыть четкость правовой позиции, создать неясность для дальнейшего применения [Idleman, S. C., 1995, p. 1363]. Вместе с тем без внятного объяснения причин решения теряется предсказуемость правоприменения.

Принцип процессуальной экономии требует не перегружать судебные решения излишними деталями [Snyder, O. C., 1952, p. 213]. Однако слишком лаконичная аргументация может оказаться неубедительной, создать впечатление произвола.

Наконец, принцип уважения к проигравшей стороне предполагает осторожность в изложении мотивов, воздержание от излишне резких оценок [Leflar, R. A., 1961, p. 813]. Избыточная откровенность может нанести моральную травму тем, чья позиция отвергнута.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, на кого ориентируются судьи при изложении мотивов решения. Классическая декларация лорда Мэнсфилда гласит: «Я стремлюсь к тому, чтобы имеющий здравый рассудок человек, прочитав мои решения, воскликнул: “Ну конечно!” ... Я не удовлетворюсь, пока не объясню доводы так, чтобы поняли и простые люди» [Leflar, R. A., 1961, p. 818].

Однако на практике судебные решения адресованы прежде всего профессиональной аудитории – юристам, которые будут их толковать, анализировать и применять в дальнейшем. Магистральным направлением для сторонников требования судебской откровенности становится характеристика, данная К. Ллевеллином, согласно которой «функция судебного решения – направлять юристов, поверенных и судей в будущих схожих случаях. ... Его первостепенная задача... показать читателю-юристу, что судьи делают и будут делать» [Oakley, J. B., 1977, p. 855].

Этот фактор также необходимо учитывать при определении желательной степени судебской откровенности. Чрезмерное упрощение и лаконичность могут сделать логику решения неясной для юридического сообщества. Слишком пространные объяснения, напротив, затруднят извлечение правовой позиции. Оптимальный формат изложения мотивов предполагает ясность юридической аргументации в сочетании содержанностью в выражении личных и моральных соображений.

Важное практическое ограничение идеала судебской откровенности – нехватка у судей времени и ресурсов на подготовку решений, особенно по сложным делам. Как отмечает Р. Кротошински, «у судей есть ограничения по времени и ресурсам. Они не могут написать монографию по каждому аспекту каждого дела. Иногда просто невозможно полностью объяснить ход рассуждений» [Krotoszynski, R. J., 2022, p. 253]. Действительно, судья не является (в рамках профессиональной деятельности) ученым-юристом, который может тратить годы на подбор аргументов², но, находясь «на передовой» определения содержания права и формулирования предписания

² Так, по данным компьютера, написание этой статьи началось 2 февраля 2020 г. (читатель может сравнить эту дату с датой опубликования и понять затраты времени), а исследование в силу обзорного характера не содержит столь однознач-

конкретным субъектам, судья безусловно может «юридическим чувством» ощутить и вскользь выразить в судебном акте то, что в дальнейшем получит серьезное теоретическое обоснование.

Однако это обстоятельство заставляет судей быть более избирательными в изложении мотивов, фокусироваться на ключевых аргументах и опускать менее значимые детали. Как следствие, «судьи не всегда могут детально аргументировать каждый аспект решения, поскольку это просто невозможно» [Krotoszynski, R. J., 2022].

Отсюда следует, что требование судебной откровенности не может пониматься максималистски как обязанность подробно разобрать все доводы сторон и нюансы дела. Предполагается, что судья должен донести свою позицию с необходимой полнотой, но без излишней скрупулезности.

Неожиданно, хотя и обоснованно, проявляется столкновение принципа судебной откровенности и доказательственных фикций. Как известно, фикция означает, что право признает нечто существующим и неопровергжимым (в отличие от презумпции), даже если это не соответствует действительности. К примеру, чисто когнитивно невозможно постичь все право, но правовая система исходит из того, что *jura novit curia*. Так, противопоставляет фикции и откровенность исследователь новых фикций П. Смит, который утверждает: «Проблема откровенности возникает, только когда судья пишет или поддерживает утверждение, которое он считает не соответствующим действительности» [Smith, P. J., 2007, р. 1481].

Применительно к российскому праву можно привести в пример абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»³, согласно которому если в силу закона потерпевший от нарушения имущественных прав имеет право на компенсацию морального вреда, то такая компенсация присуждается истцу при установлении судом самого факта нарушения его имущественных прав. В таком случае даже заявление гражданина о том, что ему не были причинены физические и нравственные страдания, не исключает обязательности компенсации морального вреда. Однако определение размера компенсаций связано со степенью страданий. Поэтому, в отличие от иных случаев взыскания компенсации морального вреда, в таких делах суд вынужден оценивать страдания, которые отрицаются самим субъектом и на субъективном уровне не имели места. Размер компенсации и степень вреда при этом аргументируются в судебном акте, даже если это и может вступать в противоречие с тем, что в действительности имело место. Хотя такая фикция следует из закона и используется для защиты непрофессионалов, которые полагались на професионализм и законность действий контрагента, она наполняет судебную практику взысканием ничтожно малых сумм (500 или 1000 руб.), влияя и на иные случаи взыскания компенсации.

ной аргументации, которая требуется от судебного акта, который должен быть мотивирован за несколько дней или даже часов.

³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, хотя судейская откровенность является важной ценностью, ее абсолютизация, по мнению многих исследователей, способна подорвать независимость судебной власти, в силу чего на практике необходим баланс между этими идеалами, учитывающий специфику конкретной ситуации и правовой системы.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ показывает, что в западной правовой мысли сложились различные подходы к пониманию судейской откровенности. Ранние авторы, такие как Р. Лефлар и О. Снайдер, уже в 1950–60-е гг. отмечали важность того, чтобы судьи честно объясняли мотивы своих решений [Leflar, R. A., 1961, p. 813; Snyder, O. C., 1952, p. 213]. Однако систематическая разработка этой концепции, начавшаяся в работах Д. Шапиро, различает узкое понимание откровенности как избегания лжи и более широкий смысл, включающий признание трудностей и аргументов против решения [Shapiro, D. L., 1987]. Эти идеи развили Р. Фэллон, выделивший минимальные обязательства и идеал судейской откровенности [Fallon, R. H., 2017], и М. Шварцман, разграничивший понятия искренности (соответствия действительным мотивам) и откровенности (полного раскрытия информации) [Schwartzman, M., 2008].

С другой стороны, ряд авторов подвергли критике требование безусловной судейской откровенности. С. Идмэн показал внутренние ограничения типичных аргументов в пользу откровенности и предложил более гибкий подход, основанный на принципе благородства [Idleman, S. C., 1995]. С. Альтман указал на возможность того, что менее интроспективные (склонные к анализу собственных мотивов) судьи могут выносить лучшие решения [Altman, S., 1990]. Эти аргументы развила Г. Хериот, отметившая в специальном труде – отзыве на статью Альтмана, что сохранение правовых ограничений не должно происходить за счет отказа от моральных принципов, таких как «говори правду» [Heriot, G., 1991].

Таким образом, в дискуссии о судейской откровенности сложились два основных течения. Сторонники широкого понимания откровенности подчеркивают ее значение для легитимности, ограничения власти и развития права. Их оппоненты указывают на практические и концептуальные пределы этого требования, его потенциальный конфликт с другими ценностями. Напрашивается вывод (который, впрочем, может быть ложным), что истина лежит посередине: судейская откровенность действительно важна, но ее следует понимать не как абсолютную максиму, а как принцип, реализуемый с учетом контекста, в балансе с иными соображениями.

Проведенное исследование показывает, что концепция судейской откровенности продолжает развиваться в западной юридической мысли. Вместе с тем в теории сохраняется напряжение между идеалом максимальной открытости и более прагматичным подходом, учитывающим реалии судопроизводства.

Один из перспективных путей дальнейшей разработки этой темы – анализ эмпирических данных об уровне судейской откровенности в различных странах, юрисдикциях и видах процесса. Такие работы, как статьи Дж. Кирчера [Kircher, J. J., 1990] и А. Рострона [Rostron, A., 2013], демон-

стрируют важность изучения конкретных случаев, где недостаток откровенности приводил к неблагоприятным последствиям. Это позволит лучше определить желательную степень открытости судов. Приведенные данные китайских исследователей заставляют задуматься о тщетности попыток процессуального преодоления неоткровенной аргументации.

Другое направление – осмысление проблемы в контексте цифровизации правосудия. Развитие технологий повышает прозрачность судопроизводства, делает его более доступным для общественного контроля. Вместе с тем возникает риск, что страх публичности подтолкнет судей к еще большей закрытости и формализму. Осмысление того, как в новых условиях обеспечить баланс между откровенностью и независимостью судей, – актуальная задача и для теории, и для правоприменительной практики.

Наконец, важным направлением дальнейших исследований является сравнительно-правовой анализ. Концепция судейской откровенности возникла в рамках американской правовой традиции, но постепенно привлекла внимание и в других странах [Carducci, M., 2017]. Изучение того, как решается эта проблема в различных юрисдикциях, позволит обогатить теоретическую дискуссию и найти оптимальные практические подходы с учетом специфики национальных правовых культур.

Особую проблему представляет реализация принципа судейской откровенности в условиях действия доктрины прецедента (*stare decisis*). Как показывает пример Дж. Кирчера, суды не всегда открыто признают изменение своей позиции по сравнению с ранее принятыми прецедентами [Kircher, J. J., 1990]. Это порождает непоследовательность и непредсказуемость правоприменения.

С другой стороны, излишне прямолинейное следование прецедентам толкования также чревато ошибками и несправедливостью. Как отмечается в литературе, «судьи подвержены особенным и ужасным искушениям. Им часто хочется превратить место, где они заседают, в «неприступный замок»»⁴ [Snyder, O. C., 1952, р. 219]. Чрезмерно жесткое применение принципа *stare decisis* может быть формой такого бегства от ответственности.

При всей важности судейской откровенности из литературных источников следует, что она все же остается скорее идеалом, чем реально достижимым стандартом. С точки зрения большинства исследователей, существуют объективные концептуальные и практические ограничения всеобщего требования откровенности [Idleman, S. C., 1995]. Кроме того, отмечается, что даже лучшие судьи не всегда в состоянии полностью осознать и вербализовать все факторы, повлиявшие на их решение [Altman, S., 1990].

В этом смысле представляется логичным разделять минимальные обязательства судейской честности (не лгать, стремиться изложить ключевые мотивы) и более амбициозный идеал максимальной открытости, предполагающий рефлексию о глубинных основаниях выводов [Fallon, R. H., 2017]. Стремление к этому идеалу важно как ориентир саморазвития судей и как

⁴ В оригинале использован термин *coward's castle*, который в культуре англоязычных стран может означать место укрытия, обитель защищенных и, например, употребляется в таком значении по отношению к Парламенту Австралии.

критерий оценки качества правосудия. Однако его нереализуемость в абсолютной мере не должна служить поводом для обвинений конкретных судей в недостатке откровенности.

С практической точки зрения судейская откровенность должна ограничиваться прежде всего рамками правовой аргументации. Как отмечал еще Р. Лефлар, судьи должны проявлять «осторожность в том, что именно говорить, чтобы не обидеть проигравшую сторону» [Leflar, R. A., 1961, p. 813]. Его современник О. Снайдер также подчеркивал, что «должен быть внешний предел того, что судьи обязаны раскрывать, и разумно, что этот предел – законность» [Snyder, O. S., 1952, p. 213]. Можно утверждать, что эти критерии «естественны», так как следуют из самой «правовой материи», из сущности правосудия.

Другой важной задачей является развитие культуры профессиональной конструктивной критики судебных решений. Для американских судов Дж. Кирчер делает неутешительный вывод: «Без изменений в Кодексе судейской этики, и, возможно, даже несмотря на них, задачей академических юристов по-прежнему будет дергать судей за нос, когда мы находим их действия подозрительными» [Kircher, J. J., 1990, p. 434]. Действительно, в рамках взаимодействия судейского (и шире – юридического) сообщества возможно вести работу по уточнению аргументов, которые могли бы быть положены в основу решения, не ставя под сомнение ценность вывода.

Одной из ключевых целевых аудиторий судебных решений является профессиональное юридическое сообщество. Именно юристы выступают наиболее компетентными читателями и критиками судебных актов. Как подчеркивал Лефлар, сознательное обращение при составлении каждого решения к вопросам «Кому адресован этот фрагмент текста?» и «Какие идеи он должен донести до читателя?» во многом позволит решению эффективно выполнять свои функции [Leflar, R. A., 1961, p. 819].

С этой точки зрения принцип судейской откровенности означает, что мотивировка решения должна быть понятна прежде всего юридически квалифицированному читателю. Судья должен стремиться ясно изложить правовую позицию, продемонстрировать связь выводов с нормативными положениями и прецедентами, ответить на ключевые аргументы сторон.

Таким образом, для профессиональной аудитории судейская откровенность предполагает четкость правовой позиции, последовательность и убедительность аргументации, достаточную полноту в рассмотрении доводов сторон. Но она не требует академической исчерпанности и допускает разумную лаконичность изложения.

Итак, проведенное исследование показывает, что концепция судейской откровенности прошла длительный путь развития в западной правовой мысли – от точечных замечаний конца XIX – середины XX в. до систематических теорий в работах Д. Шапиро, Р. Фэллона, М. Шварцмана и других современных авторов. Этот путь отражает нарастающее осознание важности прозрачности и подотчетности судебной власти как условий ее легитимности в демократическом обществе.

Вместе с тем в дискуссии о судейской откровенности сохраняется напряжение между идеалом максимальной открытости и учетом практичес-

ских и институциональных ограничений. Аргументам в пользу полного раскрытия мотивов решения противостоят доводы о необходимости защиты независимости и авторитета судов, поддержания баланса с другими ценностями правосудия. Как следствие, безусловное требование откровенности уступает место более гибким моделям, призванным найти оптимальное соотношение прозрачности и конфиденциальности судебного процесса.

Рефлексия в специализированных исследованиях опыта правосудия различных стран демонстрирует неоднозначность реализации принципа судейской откровенности. Далеко не всегда судьи готовы открыто признавать изменение своей позиции, мотивы отступления от прецедентов, использование неюридических аргументов. Причины этого кроются как в стремлении сохранить престиж судебной власти, так и в психологической склонности рационализировать собственные решения, элиминируя влияние субъективных факторов. Все это заставляет рассматривать полную судейскую откровенность скорее как идеал, нежели содержательное требование к поведению. Право само по себе содержит значимые ограничения судейской откровенности – обязанность исходить из не соответствующих действительности фикций.

В начале статьи говорилось о значимой роли архетипа судьи для правовой системы. В этой же терминологии важно заметить, что не должно происходить подмены архетипа судьи архетипом носителя скрытого знания, который не обязан аргументировать свои выводы. Показателен довод Верховного Суда Канады, который в 2014 г. по одному из дел о применении категории добросовестности (*good faith*) в договорном споре указал, что развитие принципа добросовестности должно быть четким, чтобы не превратиться в форму судебного морализаторства *ad hoc* или «пальмового правосудия»⁵. Под пальмовым правосудием понимается образ мудреца в восточной пустыне, сидящего под деревом и изрекающего повеления и суждения, безапелляционно претендующие на истину.

Показательно, что в 2015 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 раскрыл конкретные критерии добросовестности (ожидаемость поведения, учет интересов другой стороны и т. д.), которые делают более прозрачной квалификацию поведения судьи в качестве добросовестного или недобросовестного. Это свидетельствует о том, что ценность судейской откровенности и потребность в защите от использования ложного архетипа судьи известны и отечественному праву и судебной системе.

Список использованной литературы

Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 2: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. М. : Статут, 2009. 599 с. ISBN: 978-5-8354-0550-3.

⁵ См.: Bhasin v. Hrynew, 2014 SCC 71, [2014] 3 S.C.R. 494.

- Altman S. Beyond candor // *Michigan Law Review*. 1990. Vol. 89, no. 2. P. 296–356. DOI: 10.2307/1289374.
- Baumann F., Fagan F. Publication rules and judicial candor. 2021. URL: https://www.jura.fu-berlin.de/en/forschung/fuels/Events/GLEA-2021/GLEA-2021-Resources/GLEA21_paper_29.pdf (дата обращения: 10 марта 2024).
- Braucher R. Offer and acceptance in the second restatement // *The Yale Law Journal*. 1964. Vol. 74, no. 2. P. 302–310. DOI: 10.2307/794782.
- Carducci M. Tra zone grigie ed antecedenti della forma di governo // *Rivista del Gruppo di Pisa*. 2017. No. 4. P. 1–10.
- Fallon, R. H. A Theory of judicial candor // *Columbia Law Review*. 2017. Vol. 117, no. 7. P. 2265–2318.
- Heriot G. Way beyond candor // *Michigan Law Review*. 1991. Vol. 89, no. 7. P. 1945–1952. DOI: 10.2307/1289393.
- Idleman S. C. A prudential theory of judicial candor // *Texas Law Review*. 1995. Vol. 73, no. 6. P. 1307–1422.
- Kircher J. J. Judicial candor: Do as We Say, Not as We Do // *Marquette Law Review*. 1990. Vol. 73, no. 3. P. 421–454.
- Krotoszynski R. J. On the importance of being tarest: contrasting the dangers of makeweights with the virtues of judicial candor in constitutional adjudication // *Alabama Law Review*. 2022. Vol. 74. P. 243–301.
- Leflar R. A. Some observations concerning judicial opinions // *Columbia Law Review*. 1961. Vol. 61, no. 5. P. 810–820. DOI: 10.2307/1120095.
- Liu J. Z., Li X. Judicial techniques for rationalizing biased judicial decisions: evidence from experiments with real judges // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2019. Vol. 16. DOI: 10.1111/jels.12229.
- Luhmann N. *Law as a social system*. Oxford University Press, 2008. ISBN: 9780199546121.
- Mehren A. T. von. Robert Braucher and the restatement (second) of contracts // *Cornell Law Review*. 1982. Vol. 67, issue 4. P. 631–639.
- Morelli A., Pollicino O. Le metafore della rete. Linguaggio figurato, judicial frame e tutela dei diritti fondamentali nel cyberspazio: modelli a confronto // *Rivista AIC*. 2018. No. 1. P. 1–24.
- Oakley J. B. Taking wright seriously: of judicial discretion, jurisprudents, and the Chief Justice // *Hastings Constitutional Law Quarterly*. 1977. Vol. 4, no. 4. P. 789–866.
- Rostron A. Justice scalia's truthiness and the virtues of judicial candor // *Indiana Law Journal Supplement*. 2013. Vol. 89. P. 12–16.
- Schwartzman M. Judicial sincerity // *Virginia Law Review*. 2008. Vol. 94. P. 987–1027.
- Shapiro D. L. In defense of judicial candor // *Harvard Law Review*. 1987. Vol. 100, no 4. P. 731–750. DOI: 10.2307/1341091.
- Smith P. J. New legal fictions // *Georgetown Law Journal*. 2007. Vol. 95. P. 1435–1495. ISBN: 9781782540380.

- Smits J. M. *The mind and method of the legal academic*. Edward Elgar Publishing, 2012.
- Snyder O. C. *Law as judgment* // *Kentucky Law Journal*. 1952. Vol. 41, no. 2. P. 191–229.
- Teubner G. *Law as an autopoietic system*. Blackwell, 1993. ISBN: 9780631179764.
- Van Hoecke M. *Methodology of comparative legal research* // *Law and Method*. 2015. P. 1–35. DOI: 10.5553/rem/.000010.

References

- Altman, S., 1990. Beyond candor. *Michigan Law Review*, 89(2), pp. 296–356. DOI: 10.2307/1289374.
- Baumann, F., Fagan, F., 2021. *Publication rules and judicial candor*. URL: https://www.jura.fu-berlin.de/en/forschung/fuels/Events/GLEA-2021/GLEA-2021-Resources/GLEA21_paper_29.pdf (Accessed: 10 March 2024).
- Braucher, R., 1964. *Offer and acceptance in the Second Restatement*. The *Yale Law Journal*, 74(2), pp. 302–310. DOI: 10.2307/794782.
- Carducci, M., 2017. Tra zone grigie ed antecedenti della forma di governo. *Rivista del Gruppo di Pisa*, (4), pp. 1–10.
- Fallon, R. H., 2017. A theory of judicial candor. *Columbia Law Review*, 117(7), pp. 2265–2318.
- Fursov, D. A., Kharlamova, I. V., 2009. *Teoriya pravosudiya v kratkom trekhтомnom izlozenii po grazhdanskim delam* = [Theory of justice in a brief three-volume statement on civil cases]. Vol. 2: Civil litigation as a form of justice administration. Moscow: Statut. 599 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0550-3.
- Heriot, G., 1991. Way beyond candor. *Michigan Law Review*, 89(7), pp. 1945–1952. DOI: 10.2307/1289393.
- Idleman, S. C., 1995. A prudential theory of judicial candor. *Texas Law Review*, 73(6), pp. 1307–1422.
- Kircher, J. J., 1990. Judicial candor: do as we say, not as we do. *Marquette Law Review*, 73(3), pp. 421–454.
- Krotoszynski, R. J., 2022. On the importance of being earnest: contrasting the dangers of makeweights with the virtues of judicial candor in constitutional adjudication. *Alabama Law Review*, 74, pp. 243–301.
- Leflar, R. A., 1961. Some observations concerning judicial opinions. *Columbia Law Review*, 61(5), pp. 810–820. DOI: 10.2307/1120095.
- Liu, J. Z., Li, X., 2019. Judicial techniques for rationalizing biased judicial decisions: Evidence from experiments with real judges. *Journal of Empirical Legal Studies*, 16. DOI: 10.1111/jels.12229.
- Luhmann, N., 2008. *Law as a social system*. Oxford University Press. ISBN: 9780199546121.

- Mehren, A. T. von, 1982. Robert Braucher and the restatement (second) of contracts. *Cornell Law Review*, 67(4), pp. 631–639.
- Morelli, A., Pollicino, O., 2018. Le metafore della rete. Linguaggio figurato, judicial frame e tutela dei diritti fondamentali nel cyberspazio: modelli a confronto. *Rivista AIC*, 1, pp. 1–24.
- Oakley, J. B., 1977. Taking wright seriously: of judicial discretion, jurisprudents, and the Chief Justice. *Hastings Constitutional Law Quarterly*, 4(4), pp. 789–866.
- Rostron, A., 2013. Justice Scalia's truthiness and the virtues of judicial candor. *Indiana Law Journal Supplement*, 89, pp. 12–16.
- Schwartzman, M., 2008. Judicial sincerity. *Virginia Law Review*, 94, pp. 987–1027.
- Shapiro, D. L., 1987. In defense of judicial candor. *Harvard Law Review*, 100(4), pp. 731–750. DOI: 10.2307/1341091.
- Smith, P. J., 2007. New legal fictions. *Georgetown Law Journal*, 95, pp. 1435–1495. ISBN: 9781782540380.
- Smits, J. M., 2012. *The mind and method of the legal academic*. Edward Elgar Publishing.
- Snyder, O. C., 1952. Law as judgment. *Kentucky Law Journal*, 41(2), pp. 191–229.
- Teubner, G., 1993. *Law as an autopoietic system*. Blackwell. ISBN: 9780631179764.
- Van Hoecke, M., 2015. Methodology of comparative legal research. *Law and Method*, pp. 1–35. DOI: 10.5553/rem/.000010.

Информация об авторе / Information about the author

Кирпичев Александр Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российской государственной университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Alexander E. Kirpichev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 02.04.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 02.04.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Взаимодействие публичной власти и бизнеса в сфере корпоративной социальной ответственности: вопросы правового регулирования

Анатолий Викторович Ефимов

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

av_efimov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8222-4432>

Аннотация

Введение. Формирование устойчивого экономического роста (развития) предполагает успешную экономическую деятельность предпринимателей и их социально ответственное поведение. При этом для эффективного правового регулирования экономической деятельности необходимо определить, что именно понимается под корпоративной социальной ответственностью и каким должно быть праворегулирующее социально значимое действие предпринимателей.

Теоретические основы. Методы. При проведении исследования были применены общенаучные методы (системный, теоретико-игровой, методологический индивидуализм, функциональный, группа формально-логических методов – дедукция, индукция, анализ, синтез и т. д.) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, экономический анализ права, метод правового моделирования).

Результаты исследования. Для оценки содержания корпоративной социальной ответственности выделены две модели. В рамках первой модели предполагается, что миссия бизнеса сводится к максимизации прибыли и уплате налогов. В рамках второй модели к социальной ответственности бизнеса, помимо уплаты налогов, добавляются и иные меры: благотворительность, экологические проекты и т. д. При этом общий вопрос заключается в том, как право должно реагировать на меры корпоративной социальной ответственности. Рассмотрение мер корпоративной социальной ответственности в общем контексте экономической деятельности позволило выработать универсальный подход к правовому регулированию.

Обсуждение и заключение. Обосновано, что поощрение мер корпоративной социальной ответственности на уровне правового регулирования должно быть обусловлено потребностями общества, отсутствием собственных стимулов у предпринимателей и затруднительностью их реализации публичной властью. При этом в нормах права можно как непосредственно предусматривать правовые последствия при реализации тех или иных мер, так и обозначать возможности заключения вертикальных (управленческих) договоров, что позволит на уровне индивидуального регулирования устанавливать режимы деятельности предпринимателей при осуществлении определенных мер корпоративной социальной ответственности.

Ключевые слова: бизнес, право, корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, ESG-факторы, компенсаторный механизм, экономическая деятельность, экономические характеристики, вертикальные (управленческие) обязательства

Благодарности: работа выполнена с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Ефимов А. В. Взаимодействие публичной власти и бизнеса в сфере корпоративной социальной ответственности: вопросы правового регулирования // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 123–140. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.123-140.

Original article

Interaction Between Public Authorities and Business in the Field of Corporate Social Responsibility: Issues of Legal Regulation

Anatolij V. Efimov

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
av_efimov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8222-4432>*

Abstract

Introduction. The formation of sustainable economic growth (development) presupposes the successful economic activity of entrepreneurs and their socially responsible behavior. At the same time, for effective legal regulation of economic activity, it is necessary to determine what exactly is meant by corporate social responsibility and what should be the attitude of law to various socially significant actions of entrepreneurs.

Theoretical Basis. Methods. The research is based on the use of general scientific methods (system method, game theory method, methodological individualism, functional method, formal logical methods (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.)) and special legal methods (formal legal, legal comparative research, law and economics, legal modeling method).

Results. To assess the content of corporate social responsibility, two models have been identified. The first model assumes that the mission of a business is to maximize profits and pay taxes. Within the second model, in addition to paying taxes, other measures (charity, environmental projects, etc.) are added to the social responsibility of business. The general question, however, is how should the law respond to corporate social responsibility measures? Consideration of corporate social responsibility measures in the general context of economic activity made it possible to develop a universal approach to legal regulation.

Discussion and Conclusion. The article substantiates that the promotion of corporate social responsibility measures at the level of legal regulation should be determined by the needs of society, the lack of entrepreneurs' own incentives and the difficulty of implementing social projects by public authorities. At the same time, legal norms can both directly provide for legal consequences when implementing certain measures and indicate the possibility of concluding vertical (managerial) agreements, allowing, at the level of individual regulation, to establish modes of activity for entrepreneurs when implementing certain measures of corporate social responsibility.

Keywords: business, law, corporate social responsibility, sustainable development, ESG factors, compensatory mechanism, economic activity, economic characteristics, vertical (managerial) obligations

Acknowledgments: the work was done using the Legal Reference System "ConsultantPlus".

For citation: Efimov, A. V., 2024. Interaction between public authorities and business in the field of corporate social responsibility: issues of legal regulation. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 123–140. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.123-140.

Введение

Проблематика корпоративной социальной ответственности (или социальной ответственности бизнеса) в силу своего междисциплинарного характера привлекает внимание экономистов, социологов, юристов, философов и представителей других областей науки. Основная идея корпоративной социальной ответственности заключается в том, чтобы стремление участников экономической деятельности (прежде всего крупных корпораций) к максимизации прибыли органически сочеталось с ответственностью перед обществом и будущими поколениями. Таким образом, в связи с внедрением идеи социально ответственного бизнеса в экономический дискурс формируется системный подход к правовому регулированию экономической деятельности, способствующий сочетанию различных ценностей и установлению баланса интересов всех участников экономической деятельности.

Стоит отметить, что в ст. 75.1 Конституции Российской Федерации провозглашается, что «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»¹. В данном контексте устойчивый экономический рост страны рассматривается как макроэкономический эффект, достижение которого, по справедливому замечанию В. Д. Мазаева, предполагается в сочетании с иными положениями Конституции Российской Федерации [Мазаев, В. Д., 2023, с. 19]. Именно сочетание различных положений Конституции России и других правовых актов, выражающих ценности и ориентиры, позволяет обеспечивать баланс интересов как определенную цель правового регулирования [Кулаков, В. В., 2016, с. 185]. При этом представляется, что смысловое содержание конституционного ориентира устойчивого роста коррелирует с целями в сфере устойчивого развития, которые закреплены в 2015 г. в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций².

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.).

² Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 14.11.2022).

Обеспечение устойчивого роста (развития) экономики страны невозможно без обеспечения устойчивого развития конкретных участников экономической деятельности, поскольку любые социальные изменения обусловлены множеством индивидуальных решений и их совокупных эффектов, а благополучие общества в целом служит благополучию его членов [Маккай, И., 2019, с. 56]. Поэтому корпоративная социальная ответственность на уровне деятельности конкретных предпринимателей рассматривается как вклад в устойчивое развитие на макроэкономическом уровне [Ершова, И. В., Енькова, Е. Е., Лаптев, В. А., 2022, с. 27]. Учитывая, что корпоративная социальная ответственность является элементом устойчивого развития, Е. П. Губин также подчеркивает, что «соблюдение КСО является обязанностью, вытекающей из принципов концепции устойчивого развития» [Губин, Е. П., 2023, с. 8].

Вместе с тем при рассмотрении корпоративной социальной ответственности остается без однозначного ответа вопрос: что именно предполагается под социально ответственным поведением предпринимателей? С юридической точки зрения также принципиально важно понимание того, как должно относиться право к тем или иным мерам корпоративной социальной ответственности, которые реализуют предприниматели. В. Д. Мазаев отмечает, что «правовое содержание конституционной категории устойчивого экономического роста не имеетной правовой определенности» [Мазаев, В. Д., 2023, с. 27], в связи с чем предлагает в правовых актах конкретизировать содержание данного конституционного ориентира. В частности, цитируемый ученый предлагает в Законе о стратегическом планировании в Российской Федерации и в федеральных законах о федеральном бюджете закрепить понятие и содержание устойчивого экономического роста, в том числе основные параметры, условия и показатели, характеризующие экономический рост [Мазаев, В. Д., 2023, с. 27]. Согласимся с тем, что при обосновании идеи об устойчивом экономическом росте и устойчивом развитии необходимо обеспечивать ее содержательное наполнение. При этом достижение определенных характеристик экономического роста (развития) должно обеспечиваться такими принципами и нормами права как своеобразными правилами игры, которые максимально стимулировали бы предпринимателей осуществлять экономическую деятельность так, чтобы стремление к улучшению своего собственного экономического положения балансировало с соблюдением ими иных ценностей, в том числе связанных с социально ответственным поведением.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу составили труды российских и зарубежных ученых. В качестве объекта исследования рассматривается экономическая деятельность, сопряженная с реализацией мер, обеспечивающих социальную ответственностью бизнеса как одного из факторов устойчивого роста (развития) экономики.

Обозначенный объект исследования предопределил использование разнообразных методов исследования. При написании статьи использованы формально-логические методы (дедукция, индукция, анализ, синтез и т. д.). Кроме того, обеспечение социально ответственного поведения при

максимизации прибыли требует системного подхода к сочетанию различных ценностей и балансированию интересов при правовом регулировании. Использование теоретико-игрового подхода позволяет формировать такие правила игры в виде принципов и норм права, которые были бы выгодны для бизнеса при осуществлении мер корпоративной социальной ответственности. Учитывая, что участники экономической деятельности различаются по масштабам деятельности и оказывают различное влияние на общество, при конструировании правил игры необходимо ориентироваться на экономические характеристики, которые могут индивидуализировать конкретных физических и юридических лиц. Данный алгоритм рассуждения основывается на методологическом индивидуализме и функциональном методе. В совокупности с теоретико-игровым подходом методологический индивидуализм требует оценивать восприятие тех или иных стимулов поведения самими участниками экономической деятельности.

В статье также использовались специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, экономический анализ права, метод правового моделирования), которые позволили оценить российский подход к правовому обеспечению корпоративной социальной ответственности, сравнить его с зарубежными подходами, а также описать модели государственной политики в сфере корпоративной социальной ответственности в зависимости от различных факторов.

Результаты исследования

Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о том, что именно понимается под социальной ответственностью бизнеса. Дж. Э. Паркинсон пишет, что социально ответственное поведение компаний можно условно разделить на относительную ответственность (*relational responsibility*) и социальную активность (*social activism*), при этом первый вид социальной ответственности характеризует деятельность компании по обеспечению благополучия ее стейкхолдеров (работники, клиенты и т. д.), на которых влияет основная деятельность компании, а второй вид социальной ответственности является предположительно выгодным не только для основных стейкхолдеров компании, сколько для общества в целом и выходит за рамки обычной экономической деятельности компаний (благотворительные пожертвования, политические пожертвования, спонсорство в сфере искусства и т. д.) [Parkinson, J. E., 1993, p. 267]. Несмотря на некоторую условность такого деления, данный подход позволяет охватить различные меры корпоративной социальной ответственности, которые реализуют предприниматели. При этом актуализируется не только проблема баланса интересов акционеров и стейкхолдеров, но и проблема баланса интересов конкретных стейкхолдеров и абстрактных реципиентов (искусство, экология, политическая система и т. д.) мер корпоративной социальной ответственности.

Социально ответственное поведение связывается также с учетом ESG-факторов (экологические, социальные факторы и факторы, связанные с корпоративным управлением) при осуществлении экономической деятельности. В частности, в контексте ESG-факторов обосновывается необходимость совершенствования государственной политики регулирования

экономики и предпринимательства с учетом стимулирования развития социально ориентированного экологического предпринимательства [Барков, А. В., Гришина, Я. С., 2022, с. 173], указывается на недопустимость рассмотрения корпораций в отрыве от их работников [Андреев, В. К., Кондратьев, В. А., 2021, с. 92], отмечается необходимость построения таких систем корпоративного управления, которые способствовали бы устойчивому развитию [Турбина, К., 2022], и т. д.

В обобщенном виде ESG-факторы раскрываются в информационном письме Банка России «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ»³.

• В числе факторов, связанных с окружающей средой и сопряженных с ними рисков, рекомендуется принимать во внимание, в том числе, но не ограничиваясь, изменения климата, выбросы парниковых газов, энергопотребление, потребление воды, образование отходов, управление водопотреблением и обращение с отходами, вопросы использования и охраны природных ресурсов (например, водных, земельных), охраны биоразнообразия, иные значимые факторы, связанные с окружающей средой.

• В числе социальных факторов и сопряженных с ними рисков рекомендуется принимать во внимание, в том числе, но не ограничиваясь, текущесть кадров, мероприятия по охране труда, данные по несчастным случаям, расходы на обучение сотрудников, нарушения трудовых прав работников, подходы к формированию человеческого капитала, вопросы взаимодействия с коренными малочисленными народами, взаимодействия с местными сообществами, управление цепочками поставок и иные значимые для общества социальные факторы и сопряженные с ними риски.

• В числе факторов корпоративного управления рекомендуется принимать во внимание, в том числе, но не ограничиваясь, структуру капитала общества, наличие контролирующего акционера общества, подконтрольных обществу лиц, историю управления обществом, его роль и место в экономике государства, историю проведения общих собраний акционеров общества (кворум, повестки, практику ведения, применение обществом прогрессивных технологий при проведении собраний), обеспечение прав владельцев ценных бумаг в ходе корпоративных действий (включая подходы к заключению крупных сделок и сделок с заинтересованностью, связанных с конфликтом интересов заинтересованных лиц и общества), практику внедрения обществом рекомендаций Кодекса корпоративного управления, эффективность системы управления в обществе, в том числе состав и результаты оценки эффективности деятельности совета директоров, подходы к осуществлению управления рисками и внутреннего контроля, внутреннего аудита, реализуемые обществом процедуры управления конфликтом интересов, подходы и практику выплаты вознаграждения

³ Информационное письмо Банка России от 12 июля 2021 г. № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // Вестник Банка России. 2021. № 48.

членам органов управления и ключевым работникам общества, подходы и применяемые обществом практики раскрытия информации в области социальной и экологической ответственности, в том числе рекомендованные Кодексом корпоративного управления.

Из приведенных положений, касающихся социально ответственного поведения, следует, что меры корпоративной социальной ответственности носят добровольный характер и реализуются предпринимателями сверх тех минимальных стандартов, которые предусмотрены правовыми актами.

Одним из ярких примеров, когда на уровне закона государство под страхом штрафа обязывает корпорацию разрабатывать и соблюдать меры корпоративной социальной ответственности, является Закон Индии о компаниях⁴. Так, в ст. 135 этого Закона закреплено, что компания, имеющая собственный капитал в размере пятисот крор рупий или более, или оборот в размере одной тысячи крор рупий или более, или чистую прибыль в размере пяти крор рупий или более, в течение двух финансовых лет образует Комитет по корпоративной социальной ответственности. Комитет по корпоративной социальной ответственности должен сформулировать и рекомендовать совету директоров политику корпоративной социальной ответственности, в которой должны быть указаны мероприятия, которые должна осуществлять компания, а также сумма расходов. При этом компания должна потратить в каждом финансовом году не менее 2% от средней чистой прибыли компании, полученной в течение трех непосредственно предшествующих финансовых лет.

В отличие от Индии в Российской Федерации нет аналогичных норм, обязывающих корпорации разрабатывать и реализовывать меры корпоративной социальной ответственности. Вместе с тем это не означает, что российское право безразлично относится к социальной ответственности бизнеса. Как подчеркивают А. С. Лиханов и Р. А. Чичакян, «в отличие в первую очередь от США, страны континентальной Европы, в том числе Россия, традиционно предоставляют защиту стейкхолдерам за пределами корпоративного права» [Лиханов, А. С., Чичакян, Р. А., 2021, с. 130]. Так, вне корпоративного права субъективные права и интересы работников обеспечиваются трудовым правом, права и интересы контрагентов защищены договорным и банкротным правом, охрана окружающей среды осуществляется в рамках экологического права. Поэтому системный взгляд на право позволяет утверждать, что факторы, которые должны быть учтены для социально ответственного осуществления экономической деятельности, изначально предусмотрены в правовых актах.

С одной стороны, соблюдение тех требований, которые закреплены в правовых актах, уже позволяет говорить о социальной ответственности бизнеса. С другой стороны, проблемным является вопрос о том, каким должно быть отношение права к тем мерам корпоративной социальной ответственности, которые реализуются предпринимателями сверх тех, что

⁴ The Companies Act, 2013 (An Act to consolidate and amend the law relating to companies). URL: <https://www.mca.gov.in/Ministry/pdf/CompaniesAct2013.pdf> (дата обращения: 25.06.2023).

закреплены в правовых актах. Логично предполагать, что такое поведение тоже будет социально ответственным. Но при этом различные акты, исходящие от публичной власти, могут не содержать правовых последствий, являясь фактически лишь рекомендациями о желательном осуществлении экономической деятельности. В то же время в отношении «добровольных» мер корпоративной социальной ответственности могут быть предусмотрены и правовые последствия. Учитывая, что «общественное давление в пользу социальной ответственности корпораций де-факто налагает налог на бизнес» [Тироль, Ж., 2017, с. 92–94], стоит задуматься о необходимости в рамках государственной экономической политики возлагать на бизнес дополнительные обременения в виде мер корпоративной социальной ответственности, выполнение которых даже добровольно будет означать дополнительную административную нагрузку на бизнес и вмешательство в свободу экономической деятельности.

В целом можно признать существование двух моделей взаимодействия публичной власти и бизнеса в сфере корпоративной социальной ответственности.

Для *первой модели* показательными являются слова М. Фридмана: «У бизнеса имеется одна и только одна социальная ответственность: использовать свои ресурсы и заниматься деятельностью, рассчитанной на увеличение своих прибылей, соблюдая при этом правила игры, то есть участвуя в открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества» [Фридман, М., 2006, с. 157]. В соответствии с позицией М. Фридмана менеджмент должен максимально удовлетворять интересы акционеров. То есть взаимодействие предпринимателей и публичной власти заключается прежде всего в уплате налогов, а публичная власть удовлетворяет публичные (социальные) нужды через институты бюджетных инвестиций, государственных закупок и т. д. При этом различные «добровольные» меры корпоративной социальной ответственности нейтральны для публичной власти и не порождают правовых последствий.

Рациональное зерно представленной позиции выражается также в том, что меры корпоративной социальной ответственности могут реализовываться предпринимателями не только для проявления «щедрости», а, например, для улучшения имиджа, поддержания деловых контактов, привлечения клиентов, работников, что в итоге способствует максимизации прибыли. Банальное неучастие предпринимателя в мероприятиях по корпоративной социальной ответственности может негативно влиять на его репутацию и отпугивать потенциальных контрагентов. В этом смысле государственная или муниципальная поддержка участия предпринимателей при реализации мер корпоративной социальной ответственности выглядит излишней.

Кроме того, в рамках данного подхода реализация мер корпоративной социальной ответственности может приводить к неоднозначной оценке действий менеджмента по нецелевому расходованию активов. Дело в том, что нецелевое расходование активов может быть сопряжено с нарушением фидuciарных обязанностей директора. Даже если расходы на благотворительность являются некой «жертвой» прибыли ради потенциальных иных выгод в будущем, отдельные участники корпораций (например, ми-

норитарные) могут обращаться с исками о привлечении директора к ответственности или об оспаривании совершенных сделок.

В связи с этим возрастают риски того, что те или иные расходы могут быть не признаны в качестве расходов, обеспечивающих интерес корпорации. А. С. Лиханов и Р. А. Чичакян считают, что «ошибка в определении того, что представляет собой интерес корпорации (или чей конкретный интерес правопорядок представляет как интерес самой корпорации в той или иной ситуации), грозит потенциальными санкциями против директора, предусмотренными корпоративным правом» [Лиханов, А. С., Чичакян, Р. А., 2021, с. 123]. При этом Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62⁵ не делает каких-либо исключений в отношении расходов на мероприятия корпоративной социальной ответственности. В таком случае, как представляется, суд будет сопоставлять понесенные расходы с потенциальными выгодами для юридического лица, тем самым фактически оценивая экономическую обоснованность действий директора на предмет разумности и добросовестности.

Помимо проблем с балансом интересов участников корпорации и менеджмента расходы на «добровольные» социальные проекты влекут также и проблему балансирования интересов стейкхолдеров и иных реципиентов мер корпоративной социальной ответственности. В качестве примера можно привести дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации.

Как было установлено судами, между производственной компанией, ставшей банкротом, и благотворительным фондом возникли отношения из договора пожертвования. Данные отношения возникли в предбанкротном периоде производственной компании. Денежные средства были получены благотворительным фондом в виде пожертвования и были потрачены на благотворительные социально значимые цели, как это было предусмотрено уставом фонда и договором, заключенным с производственной компанией. Поскольку производственная компания стала банкротом, данное пожертвование было оспорено как подозрительная сделка (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Оценивая возможность оспаривания данной сделки, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что неосведомленность благотворительного фонда о цели совершения сделки является достаточным основанием для отказа в признании ее недействительной⁶.

Таким образом, итоговый эффект данного подхода выражается в том, что интересы непосредственных стейкхолдеров (в частности, кредиторов) могут быть принесены в жертву ради реализации иных мер корпоративной социальной ответственности.

⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 305-ЭС21-18053(6,8) по делу № А40-291982/2019. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Как отмечает А. С. Постильга, «в условиях финансового кризиса и недостаточности имущества должника установленная законом возможность проведения пожертвований вступает в конфликт с охраняемым законом интересом кредиторов должника на получение удовлетворения своих требований за счет его имущества. Следовательно, право на пожертвование должником своих денежных средств в условиях неплатежеспособности и недостаточности имущества не может быть абсолютным и ограничивается обязательствами перед собственными кредиторами» [Постильга, А. С., 2023]. Представляется, что в данном случае право не может ставить такую разновидность социальной ответственности, как социальная активность, в приоритетное положение в сравнении с относительной ответственностью (по Дж. Э. Паркинсону). Логично предположить, что реализация в инициативном и добровольном порядке мер корпоративной социальной ответственности в виде относительной ответственности прежде всего не должна нарушать интересы самого юридического лица, а реализация мер в виде социальной активности не должна нарушать интересы основных стейкхолдеров.

В рамках *второй модели* под социально ответственным поведением понимается не только правомерное стремление к получению прибыли и уплата налогов, но и реализация иных мер корпоративной социальной ответственности. Р. С. Ави-Йона показательно пишет, что «если предположить, что некоторые виды деятельности в области КСО лучше выполняются частным сектором, чем правительством, то для правительства представляется приемлемым воздерживаться от сбора определенных сумм налогов, чтобы стимулировать частный сектор участвовать в этой деятельности» [Avi-Yonah, R. S., 2009]. Исходя из того, что определенные виды деятельности могут быть эффективнее выполнены именно предпринимателями, а не публичной властью, допустимо стимулировать определенные меры корпоративной социальной ответственности на уровне правового регулирования.

При этом такое стимулирование может касаться не только крупного бизнеса, но и субъектов малого и среднего предпринимательства. А. А. Фуртак предлагает предоставлять субъектам малого и среднего предпринимательства, реализующим программы корпоративной социальной ответственности, прошедшие экспертизу уполномоченными органами власти, дополнительные финансовые, имущественные, информационные, консультационные и организационные меры поддержки, а также введение дополнительных налоговых льгот и гарантий [Фуртак, А. А., 2016].

М. И. Одинцова [2020, с. 11–12] и А. Г. Карапетов [2016, с. 60] подчеркивают, что с точки зрения экономического анализа права нормы права определяют стимулы и поведение лиц за счет того, что содержат определенную информацию о «цене» того или иного поведения. В таком случае фактически выражается теоретико-игровой подход к моделированию правовых последствий при совершении тех или иных действий. Если предположить, что конкретный участник экономической деятельности находится в определенных условиях и решает, какую поведенческую стратегию реализовать, то за счет правового регулирования можно предусмотреть правовые последствия, связанные с каждой стратегией. Моделируя разные теоретико-игровые ситуации, можно за счет привязки различных правовых

последствий создавать стимулы для предпринимателей по выбору определенных стратегий поведения, которые были бы выгодны для них и при этом соответствовали бы параметрам устойчивого роста (развития).

Несмотря на то что в рамках данного подхода проблема баланса интересов участников корпораций, стейкхолдеров и иных абстрактных реципиентов мер корпоративной социальной ответственности напрямую не решается, сама идея о том, что социально ответственное поведение предполагает не только максимизацию прибыли и уплату налогов, но и выполнение иных действий, может служить основой для их балансирования. В литературе также отмечается, что удовлетворение спроса на социальные обязательства бизнеса может быть обеспечено за счет двух альтернативных моделей: «1) прямое закрепление за директорами обязанности действовать в интересах стейкхолдеров или обязанности проявлять беспристрастность по отношению ко всем стейкхолдерам (duty of impartiality); 2) создание специальной организационно-правовой формы ведения бизнеса, которая бы наилучшим образом помогла реализовать концепцию социальной ответственности бизнеса» [Лиханов, А. С., Чичакян, Р. А., 2021, с. 128]. В таком случае можно презумировать, что расходы на меры корпоративной социальной ответственности сами по себе не являются нецелевым расходованием средств. Возможные доработки данной идеи позволят более детально проработать условия и порядок реализации мер корпоративной социальной ответственности, снижая риски по привлечению менеджмента к гражданско-правовой ответственности.

Как представляется, в рамках второго подхода должен работать своеобразный компенсаторный механизм, уравновешивающий требования к социально ответственному поведению и административную нагрузку на бизнес. По мере увеличения требований к мерам корпоративной социальной ответственности должны уменьшаться налоговая нагрузка и увеличиваться различные льготы и меры государственной или муниципальной поддержки.

С точки зрения внедрения компенсаторного механизма интерес представляет Предпринимательский кодекс Республики Казахстан⁷ (далее – ПК РК). В данном правовом акте социальной ответственности предпринимательства посвящена отдельная глава (глава 6). В частности, в п. 4 ст. 75 ПК РК закреплено: «Субъекты предпринимательства в своей деятельности могут внедрять социальную ответственность предпринимательства в сферах занятости и трудовых отношений, охраны окружающей среды и иных сферах. Социальная ответственность предпринимательства может осуществляться субъектами предпринимательства посредством благотворительности и в иных формах, не запрещенных законодательством Республики Казахстан». При этом в п. 3 ст. 78 ПК РК особо подчеркивается, что «субъекты предпринимательства, осуществляющие благотворительность, имеют право на налоговые льготы в соответствии с Кодексом Республики Казахстан “О налогах и других обязательных платежах в бюджет” (Нало-

⁷ Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 12.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854&mode=p&page=1&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 19.09.2022).

говый кодекс). Впрочем, не обязательно в каком-то одном правовом акте закреплять все виды и параметры льгот и иных преференций. Компенсаторный механизм может быть выражен в специальных правовых актах, регулирующих публичные закупки, развитие малого и среднего предпринимательства, государственные и муниципальные инвестиции и т. д.

Применительно к налоговым льготам можно привести в пример Федеральный закон, принятый в России в 2020 г. и направленный на снижение налоговых издержек для организаций и индивидуальных предпринимателей, которые безвозмездно помогают организациям, индивидуальным предпринимателям и социально ориентированным некоммерческим организациям в борьбе с коронавирусной инфекцией (COVID-19)⁸. Понимая кризисную ситуацию, обусловленную пандемией, государство стало поощрять реализацию мер корпоративной социальной ответственности, адресно и точечно ослабляя налоговую нагрузку для конкретных лиц.

В качестве другого примера можно отметить льготы по уплате НДС.

Например, в одном из определений Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «Налоговый кодекс Российской Федерации определяет и перечень операций (объектов), освобождаемых от налогообложения (статьи 149 и 150), когда товар (работа, услуга) реализуется конечным потребителям без выставления им суммы НДС, что относится к способам предоставления участникам экономических отношений льгот в уплате НДС, в том числе в пользу (в поддержку) поощряемых видов экономической деятельности, включая социально значимые. Для конечного потребителя при этом цена товара (работы, услуги) снижается, а налогоплательщик относит долю “входящего” НДС (налога, уплаченного им поставщиком) на свои расходы в части, приходящейся на такие операции (пункт 2 статьи 170)»⁹.

Интересно также отметить, что в ряде случаев судебная практика по ст. 112 НК РФ признает осуществление социально значимой деятельности обстоятельством, смягчающим ответственность за совершение налогового правонарушения¹⁰.

Стимулирование реализации мер корпоративной социальной ответственности проявляется и при регулировании обязательственных правоотношений.

⁸ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 172-ФЗ (ред. от 29 декабря 2020 г.) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3746.

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 г. № 879-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания “Северный округ” на нарушение его конституционных прав положением подпункта 30 пункта 3 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 августа 2020 г. № Ф02-2926/2020 по делу № А19-19305/2019, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 апреля 2020 г. № Ф09-3370/19 по делу № А47-9960/2018. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, в одном из дел суд отметил, что статус социально ответственного субъекта учитывается при уменьшении штрафа (неустойки)¹¹.

Кроме того, «принцип учета необходимости поддержки социально значимых видов деятельности посредством установления размера арендной платы в пределах, не превышающих размер земельного налога, а также защиты интересов лиц, освобожденных от уплаты земельного налога»¹² учитывается при определении арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Внедрение компенсаторного механизма может быть обеспечено за счет того, что в нормах права к определенным экономическим характеристикам, описывающим те или иные меры корпоративной социальной ответственности, могут быть привязаны различные правовые последствия, стимулирующие предпринимателей. Данный прием основывается на методологическом индивидуализме. Соответственно, выбирая ту или иную стратегию поведения, предприниматели будут сопоставлять возможные правовые последствия со своими экономическими характеристиками.

В то же время при внедрении компенсаторного механизма необходимо решать вопросы по поводу того, как именно определить социальные потребности, которые целесообразнее удовлетворить именно усилиями бизнеса, а не публичной власти; как определить качество реализованных мер корпоративной социальной ответственности; кто будет следить за целевым расходованием средств при реализации мер корпоративной социальной ответственности.

Компенсаторный механизм может быть внедрен также путем закрепления в нормах права экономических характеристик, при которых не обозначаются прямо правовые последствия для всех предпринимателей, а лишь допускается возможность заключения договоров между органами публичной власти и конкретными предпринимателями, которые соответствуют таким характеристикам. При этом в рамках индивидуального договора могут определяться особые параметры режима деятельности конкретного предпринимателя.

Данная идея основывается на теории вертикальных (управленческих) обязательств. С. С. Занковский писал, что такие «обязательства направ-

¹¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 февраля 2021 г. № Ф04-6503/2020 по делу № А27-6222/2020 (Определением Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 304-ЭС21-7351 отказано в передаче дела № А27-6222/2020 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 (ред. от 10 февраля 2023 г.) «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 30. Ст. 3821.

лены на регламентацию предпринимательства в части выполнения требований по качеству производимых товаров, в ряде случаев – установления цен на товары, работы, услуги, квотирования объемов поставляемых товаров, предоставления коммерческим организациям финансовых ресурсов из средств федерального и регионального бюджетов и т. п. Даные обязательства регулируют предпринимательство с тем, чтобы направить его в требуемое русло, причем на практике возникновение данных обязательств не всегда сопровождается заключением договора, хотя и может рассматриваться в качестве своеобразного соглашения» [Лаптев, В. В., Занковский, С. С., ред., 2006, с. 233–234]. А. Е. Кирпичев подчеркивает, что основанием отнесения подобных конструкций к категории управленическо-предпринимательских обязательств является «...именно построение ряда властных отношений по модели обязательства – конструкции, рожденной частным правом» [Кирпичев, А. Е., 2017, с. 159]. Таким образом, вертикальные (управленические) обязательства могут использоваться публично-правовыми образованиями для регулирования предпринимательской деятельности вместо неперсонифицированных норм права.

К разновидностям вертикальных (управленических) договоров можно отнести, например, специальный инвестиционный контракт (ч. 1 ст. 16 Закона о промышленной политике в Российской Федерации¹³), соглашение о защите и поощрении капиталовложений (ч. 1 ст. 6 Закона о защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации¹⁴). Представляется, что данная идея может быть применена и при регулировании взаимодействия публичной власти и бизнеса в сфере корпоративной социальной ответственности. В частности, публично-правовые образования могли бы договариваться с конкретными предпринимателями о реализации конкретных мер корпоративной социальной ответственности, одновременно предоставляя им специальные льготы и иные меры поддержки.

Обсуждение и заключение

Идея обеспечения устойчивого экономического роста (развития) тесным образом сопряжена с социальной ответственностью бизнеса. Учитывая существенное влияние крупных корпораций на общество, данный вид ответственности следует обозначить как «корпоративную социальную ответственность». Вместе с тем далеко не всегда однозначно можно сказать, что именно понимается под социально ответственным поведением. В рамках одного из подходов под корпоративной социальной ответственностью стоит понимать максимизацию прибыли и уплату налогов. В рамках другого подхода предполагается, что помимо уплаты налогов предприниматели бу-

¹³ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

¹⁴ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 1999.

дут реализовывать иные меры социальной ответственности (благотворительность, спонсорство и т. д.).

При этом принципиально важно оценить отношение права к тем действиям, которые предприниматели осуществляют добровольно сверх того, что предусмотрено законом. Представляется, что право не всегда должно реагировать на такие действия, в частности поощрять их. Дело в том, что сами меры корпоративной социальной ответственности могут быть выгодны для предпринимателей. За счет таких мер предприниматели могут улучшать свой имидж, поддерживать деловые контакты и т. д. В таких случаях публичная власть может лишь поддерживать действия бизнеса на определенном уровне, не добиваясь дополнительного приращения экономического эффекта. В то же время, если те или иные меры корпоративной социальной ответственности не способствуют максимизации прибыли и предприниматели не обеспечивают определенные социальные запросы, а механизмы публичной власти не столь эффективны, как механизмы бизнеса, необходима поддержка со стороны публичной власти за счет действия компенсаторного механизма. Таким образом, поощрение мер корпоративной социальной ответственности на уровне правового регулирования должно быть обусловлено не самим фактом их осуществления, а именно тем, что те или иные меры корпоративной социальной ответственности общественно необходимы. Сами предприниматели недостаточно их реализуют в связи с отсутствием у них собственных стимулов, при этом такие меры затруднительны для реализации механизмами, которые использует публичная власть.

Внедрение компенсаторного механизма возможно посредством закрепления в нормах права как экономических характеристик, к которым будут привязаны определенные правовые последствия для всех предпринимателей, так и возможности заключения вертикальных (управленческих) договоров между органами публичной власти и конкретными предпринимателями, которые соответствуют определенным экономическим характеристикам.

Список источников

Андреев В. К., Кондратьев В. А. Единство материальных и процессуальных элементов юридического лица // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3, № 3. С. 83–98. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.3.83-98.

Барков А. В., Гришина Я. С. Концептуальный подход к практической реализации сконструированной модели социально ориентированного экологического предпринимательства // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 4. С. 167–178. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.4.167-178.

Губин Е. П. Предпринимательское право как инструмент решения социальных задач современного общества (социальная функция предпринимательского права России) // Предпринимательское право. 2023. № 3. С. 2–10. DOI: 10.18572/1999-4788-2023-3-2-10.

Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 25–35. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-2-25-35.

Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.

Кирпичев А. Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики : моногр. М. : РГУП, 2017. 276 с.

Кулаков В. В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 174–185.

Лиханов А. С., Чичакян Р. А. Максимизация акционерной стоимости или помочь стейкхолдерам – чьи цели преследуют директора, управляя корпорацией? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. С. 121–135.

Мазаев В. Д. Реализация устойчивого экономического роста (конstitutionно-правовые аспекты) // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 10. С. 16–29. DOI: 10.61205/jrp.2023.112.

Маккай И. Право и экономика для континентальной правовой традиции / пер. с англ. под науч. ред. Д. Раскова. М. : Изд. дом «Дело», 2019. 624 с.

Одинцова М. И. Экономика права : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 345 с.

Постильга А. С. Пожертвовать, нельзя оспорить // Комментарии к определению ВС РФ от 28.09.2023 № 305-ЭС21-18053(6,8) от представителя конкурсного управляющего. Дата публикации: 05.10.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/05/pozhertvovat_nelzya_osporitkommentarii_k_opredeleniyu_vs_rf_ot_28092023_305-es21-18053_6_8_ot_preds (дата обращения: 09.01.2024).

Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник / под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М. : Волтерс Кluвер, 2006. 560 с.

Тироль Ж. Теория корпоративных финанс : в 2 кн. Кн. 1 / пер. с англ. под науч. ред. Н. А. Ранневой. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 672 с.

Турбина К. Корпоративные стратегии устойчивого развития: фактор G // Современные страховые технологии. 2022. № 1. С. 40–43.

Фридман М. Капитализм и свобода. М. : Новое издательство, 2006. 240 с.

Фуртак А. А. О корпоративной социальной ответственности малого и среднего бизнеса // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 53–56.

Avi-Yonah R. S. Taxation, corporate social responsibility and the business enterprise // CLPE Research Paper 2009. № 19. URL: <https://ssrn.com/abstract=1440884> (дата обращения: 06.06.2022).

Parkinson J. E. Corporate power and responsibility: issues in the theory of company law. Oxford University Press, 1993. 464 p.

References

- Andreev, V. K., Kondratyev, V. A., 2021. The unity of the material and procedural elements of a legal entity. *Pravosudie/Justice*, 3(3), pp. 83–98. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2021.3.83-98.
- Avi-Yonah, R. S., 2009. Taxation, corporate social responsibility and the business enterprise. *CLPE Research Paper*, 19. URL: <https://ssrn.com/abstract=1440884> (Accessed: 6 June 2022).
- Barkov, A. V., Grishina, Ya. S., 2022. The conceptual approach to the practical implementation of a designed model of socially oriented environmental entrepreneurship. *Pravosudie/Justice*, 4(4), pp. 167–178. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2022.4.167-178.
- Ershova, I. V., Enkova, E. E., Laptev, V. A., 2022. Corporate social responsibility in the sustainable development coordinate system. *Entrepreneurial Law*, 2, pp. 25–35. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-4788-2022-2-25-35.
- Friedman, M., 2006. *Kapitalizm i svoboda* = [Capitalism and freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 240 p. (In Russ.)
- Furtak, A. A., 2016. On the corporate social responsibility of small and medium-sized businesses. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* = [Journal of Entrepreneurial and Corporate Law], 2, pp. 53–56. (In Russ.)
- Gubin, E. P., 2023. Entrepreneurial law as an instrument of solution of social tasks of the modern society (the social function of the Russian entrepreneurial law). *Entrepreneurial Law*, 3, pp. 2–10. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-4788-2023-3-2-10.
- Karapetov, A. G., 2016. *Ekonomicheskij analiz prava* = [Economic analysis of law]. Moscow: Statut. 528 p. (In Russ.)
- Kirpichev, A. E., 2017. *Predprinimatel'skie obyazatel'stva v publichnom sektore ekonomiki* = [Entrepreneurial obligations in the public sector of the economy]. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice. 276 p. (In Russ.)
- Kulakov, V. V., 2016. Reasonable balance of interests as object of civil legal regulation. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], S1, pp. 174–185. (In Russ.)
- Laptev, V. V., Zankovsky, S. S., eds., 2006. *Predprinimatel'skoe (khozyajstvennoe) pravo* = [Entrepreneurial (economic) law]. Textbook. Moscow: Wolters Kluwer. 560 p. (In Russ.)
- Likhanov, A. S., Chichakyan, R. A., 2021. Maximising shareholder value or satisfying stakeholders' interests – whose goals do directors pursue when managing a corporation's business? *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii* = [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 6, pp. 121–135. (In Russ.)
- McKay, I. 2019. *Pravo i ekonomika dlya kontinental'noj pravovoj traditsii* = [Law and economics for the continental legal tradition]. Moscow: Publishing House "Delo". 624 p. (In Russ.)

- Mazaev, V. D., 2023. Implementation of sustainable economic growth (constitutional and legal aspects). *Journal of Russian Law*, 27(10), pp. 16–29. (In Russ.) DOI: 10.61205/jrp.2023.112.
- Odintsova, M. I., 2020. *Ekonomika prava* = [Economics of law]. Textbook for universities. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurajt. 345 p. (In Russ.)
- Parkinson, J. E., 1993. *Corporate power and responsibility: issues in the theory of company law*. Oxford University Press. 464 p.
- Postilga, A. S., 2023. [Donation cannot be challenged]. *Kommentarii k opredeleniyu VS RF ot 28.09.2023 № 305-ES21-18053(6,8) ot predstavitelya konkursnogo upravlyayushchego* = [Comments on the ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 28, 2023 No. 305-ES21-18053(6,8) from a representative of the bankruptcy trustee]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/05/pozhertvovat_nelzya_osporitkommentarii_k_opredeleniyu_vs_rf_ot_28092023_305-es21-18053_6_8_ot_preds (Accessed: 9 January 2024). (In Russ.)
- Tirole, J., 2017. *Teoriya korporativnykh finansov* = [Theory of corporate finance]. In 2 books. Book 1. Transl. from Engl. under scientific ed. by N. A. Ranneva. Moscow: Publishing House “Delo”. 672 p. (In Russ.)
- Turbina, K., 2022. [Corporate strategies for sustainable development: factor G]. *Sovremennye strakhovye tekhnologii* = [Modern Insurance Technologies], 1, pp. 40–43. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Ефимов Анатолий Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Anatolij V. Efimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Научная статья

УДК 343.8

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.141-154

«Общественная опасность» как категория личности виновного: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии

Елена Эдуардовна Попова

Российский государственный университет правосудия, Москва,

Российская Федерация

anatelsvetjen@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5246-6353>

Аннотация

Введение. В статье рассматривается актуальная проблема оценки общественной опасности личности преступника при назначении, исполнении и освобождении от наказания. Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство не содержит точно определенных критериев оценки общественной опасности личности, поэтому суды при назначении наказания и решении вопросов освобождения осужденного от отбытия наказания применяют различные критерии определения общественной опасности личности, в том числе субъективное усмотрение. **Методы.** Методологическую основу данной работы составляют общенаучные методы (анализ, абстрагирование, дедукция, индукция, синтез, обобщение) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования. Проведено сравнение уголовно-правовых и уголовно-исполнительных критериев оценки общественной опасности личности виновного. Анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства позволил определить основные структурные элементы, характеризующие указанные категории, и выделить их основные группы. Анализ судебной практики – от стадии назначения наказания и до стадии освобождения от уголовной ответственности – выявил взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-исполнительных критериев, влияющих на определение степени общественной опасности личности виновного.

Обсуждение и заключение. Автор пришел к выводу, что критериям, характеризующим общественную опасность личности виновного, на стадии назначения наказания присущ в большей степени уголовно-правовой характер, на стадии исполнения они приобретают уголовно-исполнительную характеристику, а на стадии освобождения от уголовного наказания уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики сочетаются.

Структурно все критерии включают в себя юридические, социальные и личностные аспекты. Личностные аспекты общественной опасности виновного связаны с субъективным состоянием человека и его поведением до и после совершения

преступления. Суд, учитывая совокупность обстоятельств, характеризующих личность осужденного, его поведение в период отбывания наказания, а также применяемые меры исправительного воздействия, оценивает общественную опасность личности и ее уровень, на котором в том числе основывает решение о возможности применения социально значимых для осужденного юридических последствий, таких, например, как вид досрочного освобождения от наказания.

Ключевые слова: наказание, исправление осужденных, общественная опасность личности, уголовно-правовая характеристика, освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение

Для цитирования: Попова Е. Э. «Общественная опасность» как категория личности виновного: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 141–154. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.141-154.

Original article

“Public Danger” as a Category of the Perpetrator’s Personality: Criminal Law and Criminal Executive Criteria

Elena E. Popova

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
anatelsvetjen@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5246-6353>*

Abstract

Introduction. The article discusses the topical problem of assessing the public danger of the perpetrator’s personality during the appointment, execution and release from punishment. Criminal and criminal executive legislation does not contain precisely defined criteria for assessing the public danger of an individual, therefore, when imposing punishment and deciding on the release of a convicted person from serving a sentence, the courts apply various criteria for determining the public danger of a person, including subjective discretion.

Methods. The methodological basis of this work consists of general scientific methods (analysis, abstraction, deduction, induction, synthesis, generalization) and special scientific methods (comparative-legal, formal-legal).

Results. A comparison of criminal law and penitentiary criteria for assessing the public danger of the perpetrator’s personality is carried out. The analysis of criminal and criminal executive legislation has made it possible to identify the main structural elements characterizing these categories, and their main groups have been identified. The analysis of judicial practice from the stage of sentencing to the stage of exemption from criminal liability revealed the interconnection of criminal law and criminal executive criteria, influencing the determination of the degree of public danger of the perpetrator’s personality.

Discussion and Conclusion. The author comes to the conclusion that the criteria characterizing the public danger of the guilty person’s personality at the stage of sentencing are more of a criminal law nature, at the stage of execution they acquire a criminal executive characteristic, and at the stage of release from criminal punishment – a combination of criminal law and criminal executive characteristics.

Structurally, all criteria include legal, social and personal aspects. The personal aspects of the perpetrator's social danger are related to the subjective state of the person and his behavior before and after the commission of the crime. The court, taking into account the totality of the circumstances characterizing the personality of the convict, his behaviour during the serving of the sentence, as well as the corrective measures applied, assesses the public danger of the person and its level, on which, among other things, the decision on the possibility of applying socially significant legal consequences for the convict, such as, for example, types of early release from punishment, is based.

Keywords: punishment, correction of convicts, public danger of the perpetrator's personality, criminal law characteristics, release from punishment, conditional early release

For citation: Popova, E. E., 2024. "Public danger" as a category of the perpetrator's personality: criminal law and criminal executive criteria. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 141–154. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.141-154.

Введение

Личность виновного в совершении преступления представляет собой совокупность определенных индивидуальных признаков, имеющих юридико-социальные свойства, подлежащих учету при назначении наказания, а также при решении вопроса об освобождении от него.

Одним из значимых критериев оценки личности виновного в совершении преступления выступает его общественная опасность. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) не предусматривают конкретизированные критерии оценки общественной опасности личности преступника, а определяют общие подходы через оценочные категории, относящиеся к общественной опасности совершенного деяния, посткриминальному поведению и исправлению осужденного. Общественная опасность личности является оценочной категорией с широким спектром судебского усмотрения, в то время как общественная опасность совершенного деяния соизмерима с категорией преступлений (ст. 15 УК РФ), тяжестью наступивших последствий или причиненного вреда.

Методы

Совокупность научных методов, использованных в работе, определена целью и результатами исследования, заключающимися в определении критериев общественной опасности личности преступника, характерных для разных этапов реализации уголовного наказания. Исследование базируется на общенаучных (диалектический, анализ, абстрагирование, системный, индукция и др.) методах исследования, а также частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 разъясняет, какие сведения о личности подлежат учету при назначении наказания. К ним относятся «данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья,

поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц» (абз. 5 п. 1)¹. Перечисленные в Постановлении сведения позволяют индивидуализировать назначаемое наказание, но не отражают степень общественной опасности, которой обладает личность.

Конституционный Суд Российской Федерации общественную опасность связывает с субъективным состоянием человека и определяет, что «в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают» (абз. 2 п. 2)².

Критерии, которые характеризуют общественную опасность личности виновного, можно подразделить на несколько групп: юридические, социальные и личностные.

К юридическим относятся критерии:

1) *характеризующие совершенное преступление.*

Общественная опасность личности находится во взаимосвязи с категорией совершенного преступления: чем выше категория преступлений, тем выше их степень общественной опасности. Подразумевается, что и лицо, совершая более тяжкое преступление, наделяется признаком повышенной общественной опасности, что требует более высокого уровня защиты общества от его действий, чем при совершении преступлений меньшей тяжести.

Например, судебная коллегия, «принимая во внимание обстоятельства получения Ч. вознаграждения, его вид и незначительный размер, отсутствие наступления каких-либо негативных последствий происшедшего, считает, что содеянное Ч. не причинило вред общественным отношениям, а следовательно, не представляет общественной опасности»³.

Тем самым нивелируется общественная опасность и самой личности.

Наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, предусмотренных в признаках состава преступления, также будет влиять на общественную опасность личности. Смягчающие обстоятельства, указанные в диспозиции статьи, предусматривают более мягкую санкцию по отношению к основному составу, тем самым снижают и уровень общественной опасности личности. И наоборот: отягчающие обстоятельства способствуют его повышению. Так, лицо, совершившее убийство двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с лицом, совершившим убийство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 105 УК РФ, но у последнего общественная опасность выше, нежели у лица, совершившего убийство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 107 УК РФ;

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. 29 дек.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Российская газета. 2014. 24 дек.

³ Бюллетень судебной практики Омского областного суда. 2007. № 1.

2) применяемые при назначении наказания.

Смягчающие и отягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61 и ст. 63 УК РФ, влияют на оценку общественной опасности личности. Рецидив преступлений и его виды, совершение преступления в соучастии, особо активная роль в совершении преступления и т. д. свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности личности. И наоборот: сопоставление аффекта, превышение пределов необходимой обороны, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания и другие свидетельствуют о снижении степени общественной опасности виновного.

Вместе с тем смягчающие и отягчающие обстоятельства при определении общественной опасности личности классифицируются на группы в зависимости от их принадлежности: обстоятельства, относящиеся к личности виновного (подп. «б», «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, подп. «а», «г», «е», «е.1», «и», «м», «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ); к совершенному деянию (подп. «а», «д», «е», «ж», «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, подп. «б», «в», «д», «ж», «з», «к», «л», «н», «р», «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ); к постпреступному поведению (подп. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Как справедливо указывает А. Ю. Боковня, «для определения степени общественной опасности личности виновного важное значение имеют критерии, характеризующие его поведение до и после совершения преступления. Всесторонняя и системная оценка всех критериев степени общественной опасности личности виновного позволяет определить реальность угрозы совершения преступления» [Боковня, А. Ю., 2020, с. 160]. Учет факторов, способствующих формированию асоциального поведения личности, выразившегося сначала в дисциплинарных проступках, административных правонарушениях, а затем в преступлении, а также оценка постпреступного поведения в своей совокупности определяют признак общественной опасности личности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывал: «Решая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности» (абз. 2 п. 4)⁴. Анализ судебной практики показывает, что суды, оценивая общественную опасность личности подсудимого, связывают «данные о личности с характером совершенного преступления, его конкретными обстоятельствами, поведением подсудимого после совершенного преступления, а также возможностью достижения исправления при освобождении от уголовной ответственности»⁵. К таким данным относятся, например, добровольные и

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 5 июля.

⁵ Постановление Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 11 ноября 2019 г. по делу № 1-565/2019; см. также, например, приговор Угличского районного суда Ярославской области от 22 января 2024 г. по делу № 1-51/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

активные действия, направленные на сотрудничество со следствием (преставление ранее неизвестной информации об обстоятельствах совершения преступления, дача правдивых и полных показаний, указание на лиц, которые впоследствии дали свидетельские показания); личные данные виновного (положительная характеристика, непривлечение к административной и уголовной ответственности, признание вины)⁶; посткриминальное позитивное поведение, направленное на заглаживание вреда, причиненного преступлением⁷, и др. Судам необходимо оценивать соразмерность и достаточность таких действий для принятия решения об уменьшении степени общественной опасности содеянного. Обращается внимание на критическое осмысление виновным своего поведения, сожаление о содеянном как фактор, свидетельствующий об утрате им общественной опасности⁸. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что «установление федеральным законом уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, и применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречили бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма»⁹.

Этап исполнения уголовного наказания связан с оценкой его воздействия на личность осужденного, его поведения во время отбывания наказания и, следовательно, возможного изменения общественной опасности личности.

Понятие «исправление осужденного», закрепленное в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, направлено на формирование *социальных качеств личности*, способных обеспечить устойчивое противодействие влиянию криминогенных факторов, тем самым – снижение дальнейшей вовлеченности личности в совершение преступлений. К. О. Копшева считает: «Чем эффективнее наказание окажет

⁶ Постановление Тракторозаводского районного суда города Волгограда от 21 сентября 2023 г. по делу № 1-223/2023. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Приговор Коломенского районного суда Костромской области от 18 марта 2022 г. по делу № 1-11/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Приговор Козловского районного суда Чувашской Республики от 12 апреля 2022 г. по делу № 1-27/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 820-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Эмурлаева Решата Кемаловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6, пунктами “а”, “з” части второй статьи 105, пунктом “в” части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 412.7 и частью первой статьи 412.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

воздействие на формирование социально полезных качеств виновного, тем эффективнее будет достигнута цель предупреждения» [Копшева, К. О., 2020, с. 126], т. е. максимально снижена его общественная опасность.

Общественная опасность личности в период отбывания наказания и влияние на нее исправительного воздействия оцениваются через совокупность следующих юридических факторов.

1. *Выполнение возложенных на осужденных обязанностей, предусмотренных содержанием уголовного наказания, а также приговором суда.* К таким обязанностям может относиться трудоустройство осужденного¹⁰. Условное осуждение связано с тем, что лицу необходимо доказать своим поведением, что в отношении него не требуется реального исполнения назначенного наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ). При этом «по смыслу закона безупречность поведения осужденного определяется с учетом конкретных обстоятельств преступления, характера и степени его общественной опасности, субъективного отношения осужденного к совершенному преступлению, а также целей уголовного наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ, данных о личности лица, отбывающего наказание, его поведения в быту и общественных местах, отношения к труду и других значимых обстоятельств»¹¹.

Причем суды обращают внимание на необходимость оценки всех обстоятельств, характеризующих личность осужденного и его поведение в период испытательного срока, в совокупности.

Например, Никулинский районный суд г. Москвы указал, что «положительные характеристики К. и другие данные о его личности и семейном положении сами по себе не свидетельствуют о его безусловном исправлении и о возникновении объективных предпосылок для отмены условного осуждения и снятия судимости... Поведение К., характеризующееся исполнением возложенных на него обязанностей, законопослушное поведение, несовершение новых преступлений и правонарушений являются его обязанностями. Указанные обстоятельства не являются исчерпывающими доказательствами исправления осужденного. Кроме того, по смыслу закона, основанием для досрочной отмены условного осуждения и снятия судимости является не примерное поведение осужденного и несовершение им каких-либо правонарушений, а признание судом того обстоятельства, что прошедший испытательный срок является достаточным для вывода о том, что он осознал содеянное и встал на путь исправления»¹².

¹⁰ Постановление Кузьминского районного суда города Москвы от 26 марта 2024 г. № 4 / 17-87/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное постановление Сахалинского областного суда от 26 марта 2024 г. № 22-452/2024; см. также постановление Никулинского районного суда города Москвы от 4 апреля 2024 г. № 4/7-0009/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Никулинского районного суда города Москвы от 29 марта 2024 г. № 4/7-0011/2024; см. также апелляционное постановление Иркутского областного суда от 26 марта 2024 г. № 22-970/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Невыполнение осужденным возложенных на него обязанностей, требований к поведению в период условного осуждения влечет не только негативную оценку поведения, но и через нее – повышение общественной опасности личности¹³.

2. Применение к осужденному мер взыскания и поощрения влияет на возможности реализации условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 79, 80, 80.1 УК РФ).

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), а также замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) предусматривают «необходимость признания судом, что для своего исправления осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании назначенного наказания». Такой вывод суда основывается на оценке критериев исправления осужденного. Для этого суд учитывает поведение лица, а также его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию, возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его досрочного освобождения (ч. 4.1 ст. 79 УК РФ). Следовательно, оценка общественной опасности личности происходит через воздействие на осужденного исправительного процесса, выраженного в определенных результатах.

Вместе с тем само по себе наличие или отсутствие мер поощрения или взыскания, без их совокупной оценки с обстоятельствами, характеризующими личность и ее поведение в период отбывания наказания, не свидетельствует об исправлении или неисправлении последней. Необходимо учитывать время наложения взыскания и последующее поведение осужденного, продолжительность периода, в течение которого осужденный подвергался взысканиям, и периода, в течение которого лицо не допускало нарушения, характер допущенного нарушения и т. д.

Так, «согласно представленной характеристике, М. по вызовам администрации является, от прохождения медосмотров не отказывается, фактов порчи имущества не допускал, жилое и рабочее место содержат в чистоте, спальное место заправляет по установленному образцу, выполняет предложенные психологами мероприятия психологической коррекции личности, принимает меры к ресоциализации, социальные связи не утрачены, в забастовках, в различных формах групповых неповиновений участия не принимал, вину в совершенном преступлении полностью признал, в содеянном раскаялся, в исправительной колонии М. трудоустроен, к труду относится добросовестно, за что неоднократно поощрялся администрацией исправительного учреждения, имеет по-

¹³ Апелляционное постановление Курганского областного суда от 26 марта 2024 г. по делу № 22-385/2024, апелляционное постановление Амурского областного суда от 28 марта 2024 г. по делу № 22-636/2024, апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 4 апреля 2024 г. № 22-977/2024 и др. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

*ощрение, в том числе и за примерное поведение, отсутствуют и иные препятствия для того, чтобы прийти к выводу о нормальной ресоциализации и адаптации М. к законопослушному поведению в обществе в случае удовлетворения ходатайства, поскольку осужденный находится в трудоспособном возрасте, инвалидом не является, по состоянию здоровья ограничений к труду не имеет, имеет образование, семью и место жительства, ИП *** готова его трудоустроить в случае освобождения, что способствует трудоустройству и адаптации осужденного в случае освобождения...*

Вместе с тем поведение осужденного М., оцененное на основании всех сведений о нем, не позволяет в соответствии с законом удовлетворить ходатайство. В настоящее время М. имеет 3 поощрения за добросовестное отношение к труду, примерное поведение. В то же время суд первой инстанции правильно установил, что поведение осужденного М. не являлось стablyно положительным в течение срока отбывания наказания, что не позволяет в соответствии с законом удовлетворить ходатайство. М. допустил 66 нарушений режима отбывания наказания, которые сняты и погашены в установленном законом порядке. Данные обстоятельства свидетельствуют о нестабильности и неустойчивости поведения осужденного»¹⁴.

В обзорах судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания Президиум Верховного Суда Российской Федерации указывает на ошибки, допускаемые судами при оценке общественной опасности личности при отказах в удовлетворении ходатайств на условно-досрочное освобождение. К ним относятся, например, «отбытие непрородолжительного срока, положительное отношение к воровским традициям, о чем свидетельствуют наличие татуировок криминального значения; совершение особо тяжкого преступления, представляющего повышенную общественную опасность; нежелание близких родственников освобождения осужденного и отсутствие сведений об удержаниях на содержание ребенка; заключение психолога о невозможности дать положительный прогноз поведения»¹⁵ и др.

3. Применение к осужденным специальных мер исправительного воздействия в период отбытия уголовного наказания.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает широкий спектр мер исправительного воздействия на осужденного. К ним относятся меры поощрительного воздействия, например разрешение на проживание с семьей на арендованной или собственной жилой площади, выезд за пределы исправительного центра на период ежегодного оплачиваемого отпуска осужденным к принудительным работам (ч. 6, ч. 7 ст. 60.4 УИК РФ), разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения осужденным к лишению свободы (ч. 1 ст. 96 УИК РФ), выезды осужденных к лишению

¹⁴ Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 26 марта 2024 г. по делу № 22-360/2024. Доступ из справочной правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁵ Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

свободы за пределы исправительных учреждений (ст. 97 УИК РФ), свидания и дополнительные свидания с проживанием вне пределов исправительного учреждения (ст. 89 УИК РФ) и др.

Универсальные меры воздействия позволяют изменять условия отбывания наказания как в сторону смягчения, так и в сторону усиления (ст. 121, 123, 125, 127, 129, 131 УИК РФ).

К *мерам порицательного воздействия* относятся: предупреждение в отношении лиц, нарушающих порядок и условия отбывания наказания без изоляции от общества (ст. 29, 32, 38, 46 УИК РФ и другие), замена наказания при признании лица злостно уклоняющимся от отбывания наказания и злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (ст. 58, ст. 116 УИК РФ).

4. К *иным мерам специального воздействия* относятся постановка осужденных на профилактический учет и установление надзора за лицами, освобождающимися из мест лишения свободы.

К осужденным, отнесенным к определенной категории, применяются меры профилактического характера в соответствии с положениями, установленными приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72. Такие осужденные, как «склонные к совершению побега, нападению на представителей администрации, к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность, к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности, организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации»¹⁶ и др., характеризуются повышенной степенью общественной опасности и требуют индивидуальной работы с ними для достижения целей исправления. Причем постановка на профилактический учет влечет возможность применения к осужденным более строгих мер воспитательного воздействия, чем к лицам, не состоящим на профилактическом учете, и оценивается судами как отрицательный показатель личности осужденного, не свидетельствующий о снижении ее общественной опасности.

Анализ судебной практики показывает, что постановка лица на профилактический учет должна основываться на «реальном намерении совершить правонарушение, о чем, в частности, могут свидетельствовать факты совершения аналогичных правонарушений в прошлом; действия лица, направленные на подготовку к совершению правонарушения (приискание орудий, средств совершения правонарушения, вступление в сговор с иными лицами, создание условий, необходимых для совершения правонарушения, и т. д.); наличие возможности совершить указанное правонарушение и др.; высказывание осужденного о намерении совершить правонарушение, обусловленное иными мотивами (например, желанием развлечься или усложнить работу сотрудников системы органов исполнения наказаний), в отсутствие приведенных выше обстоятельств само по себе не свидетельствует о намерении лица совершить правонарушение и не является достат-

¹⁶ Приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Российская газета. 2013. 5 июня.

точным основанием для постановки данного лица на профилактический учет»¹⁷. Основанием для постановки на профилактический учет является направленность совершенного преступления (например, против половой свободы и половой неприкосновенности, террористического или экстремистского характера), что также свидетельствует о повышенной степени общественной опасности личности осужденного, требующей «применения мер превентивного характера в виде постановки на профилактический учет с целью недопущения реализации намерений совершить правонарушение экстремистского характера (на стадии обнаружения умысла)»¹⁸.

В отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, которые в период отбытия уголовного наказания не утратили своей общественной опасности, в соответствии с основаниями, предусмотренными ч. 1 и ч. 2 ст. 173.1 УИК РФ, устанавливается административный надзор. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что административное ограничение, установленное в порядке административного надзора, «не является наказанием за совершение преступления и (или) правонарушения, а представляет собой меру, направленную на предотвращение повторного совершения преступлений и (или) иных правонарушений лицами, имеющими судимость за определенные виды преступлений, предусмотренные законом, посредством осуществления административного надзора»¹⁹.

Административные ограничения, устанавливаемые при административном надзоре, связаны с запретом «пребывания в определенных местах, посещения мест проведения массовых и иных мероприятий, участия в указанных мероприятиях, пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток» и др. (ч. 1 и 2 ст. 4)²⁰. При несоблюдении поднадзорным лицом установленных ограничений суд может их дополнить или продлить срок административного надзора. В этом случае повышенная степень общественной опасности сохраняется.

Так, Вичугский городской суд Ивановской области исследовал характеристику поднадзорного лица, в которой было отмечено: «ФИО официального трудоу-

¹⁷ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. № 88а-3146/2023. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2022 г. № 88А-22258/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 15 (ред. от 22 декабря 2022 г.) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 17.

²⁰ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.

стройства не имеет, склонен к злоупотреблению спиртными напитками, характеризуется по месту жительства неуважительно, после установления административного надзора неоднократно в течение года привлекался к административной ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». В целях обеспечения контроля за поведением поднадзорного лица и оказания индивидуального профилактического воздействия на него суд удовлетворил административный иск и дополнил ранее установленные ограничения в отношении поднадзорного лица²¹.

При решении вопроса о досрочном прекращении административного надзора суды оценивают личность поднадзорного, его отношение к возложенным на него ограничениям, а также срок нахождения лица под административным надзором.

Так, Абаканский городской суд Республики Хакасия отметил, что «М., работая у ИП, зарекомендовал себя как честный и добросовестный сотрудник, умеющий организовывать рабочий процесс и контролировать качество выполняемой работы в соответствии с поставленными задачами. Задания руководства выполняет качественно и в установленный срок, не считаясь при этом с личным временем. В непредвиденных обстоятельствах может самостоятельно принять правильное решение. Имеет такие важные для работника черты, как пунктуальность и возможность одновременно держать под контролем большое количество дел и заданий. За период работы не получал дисциплинарных взысканий, надлежащим образом выполняет возложенные на него административные ограничения»²², т. е. установленные обстоятельства являются достаточными для удовлетворения административного иска.

Анализ судебной практики показал, что при удовлетворении административного иска срок, на котором находится поднадзорное лицо, составляет 4 года, более 5 лет²³ и т. д., т. е. продолжительные периоды, которые дают основания для объективной оценки поведения лица, определения степени его общественной опасности и принятия решения о возможности применения такой поощрительной меры.

Обсуждение и заключение

Исходя из изложенного, критерии, характеризующие общественную опасность личности виновного, оцениваются на стадии назначения наказания и им присущ в большей степени уголовно-правовой характер. На стадии

²¹ Решение Вичугского суда Ивановской области от 4 апреля 2024 г. № 2а-204/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Решение Абаканского городского суда Республики Хакасия от 3 апреля 2024 г. по делу № 2а-2619/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Решения Абаканского городского суда Республики Хакасия от 3 апреля 2024 г. по делу № 2а-2660/2024, от 3 апреля 2024 г. по делу № 2а-2619/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

исполнения и освобождения наказания критерии приобретают уголовно-исполнительную характеристику, а на стадии освобождения от уголовного наказания имеет место сочетание уголовно-правовой и уголовно-исполнительской характеристик.

Структурно все критерии включают в себя юридические, социальные и личностные аспекты. Личностные аспекты общественной опасности виновного связаны с субъективным состоянием человека и его поведением до и после совершения преступления. Суд, учитывая совокупность обстоятельств, характеризующих личность осужденного, его поведение в период отбывания наказания, а также применяемые меры исправительного воздействия, оценивает общественную опасность личности и ее уровень, принимает решение о возможности применения социально значимых для осужденного юридических последствий, таких, например, как виды досрочного освобождения от наказания.

Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии общественной опасности личности дополняют друг друга и учитываются судами во взаимосвязи при принятии обоснованного и объективного решения о назначении уголовного наказания или освобождении от него.

Список источников

Боковня А. Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2 (95). С. 156–162.

Копшева К. О. Взаимосвязь свойств личности преступника и наказания с общественной опасностью лица, совершившего преступление // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 122–127.

Лесников Г. Ю., Тищенко Ю. Ю. Общественная опасность как признак социальной сущности личности преступника // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : науч.-практ. ежекварт. изд. 2021. Вып. 4. С. 223–226.

Попова Е. Э. Взаимосвязь назначения и исполнения уголовного наказания как показатель эффективности его применения // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 2 (7). С. 49–52.

Саркисян А. А. Общественная опасность личности преступника и уголовная ответственность // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2 (170). С.132–135.

References

Bokovnya, A. Yu., 2020. Concept and system of criteria of typical degree of public danger of guilty person in committing a crime. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* = [Bulletin of the Tatishchev Volga University], 1(2), pp. 156–162. (In Russ.)

Kopsheva, K. O., 2020. The relationship between the personality traits of the criminal and punishment with the social danger of the person who committed the crime. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* = [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 4, pp. 122–127. (In Russ.)

Lesnikov, G. Yu., Tishchenko, Yu. Yu., 2021. [Social danger as a sign of the social essence of the criminal's personality]. *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii* = [Scientific Works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Scientific and practical quarterly publication, 4, pp. 223–226. (In Russ.)

Popova, E. E., 2022. The relationship between the appointment and execution of criminal punishment as an indicator of the effectiveness of its application. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki* = [Issues of Modern Science and Practice], 2, pp. 49–52. (In Russ.)

Sarkisyan, A. A., 2019. [Social danger of the personality of the criminal and criminal liability]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = [Law and State: Theory and Practice], 2, pp. 132–135. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Попова Елена Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Российской государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena E. Popova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Участие в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ч. 3 ст. 239 УК РФ): уголовно-правовая характеристика

Татьяна Сергеевна Карпачева^{1, 2}

¹ Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация

² Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
KarpachevaTS@mgpu.ru

Аннотация

Введение. Деяние в виде участия в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, закрепленное в ч. 3 ст. 239 УК РФ, вызывает ряд трудностей в понимании и квалификации. Вовлеченные в большинстве случаев путем обмана в такие объединения, участники сами оказываются жертвами, поэтому при квалификации деяния по ч. 3 ст. 239 УК РФ важно оценивать степень самостоятельности и активности каждого участника.

Теоретические основы. Методы. В статье используется общенациональный диалектический метод, который лег в основу изучения феномена религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, и их деятельности в России. Частнонаучные методы помогают раскрыть смысл и содержание правоотношений, связанных с созданием и функционированием религиозных, общественных или иных объединений, посягающих на личность и права граждан. Исторический метод позволил исследовать опыт дифференциации ответственности создателей и участников псевдорелигиозных объединений в дореволюционной России и в Советском Союзе.

Результаты исследования. Опираясь на понимание уголовно-правовой категории «зависимость» А. А. Арямовым, можно прийти к выводу о том, что воля участников исследуемых организаций в существенной мере ограничена и является отражением воли лидера. Участник такого объединения как зависимое лицо проявляет в «своем» общественно опасном деянии «чужие» принципы и установки. Таким образом, грань между участником объединения, посягающего на личность и права граждан, и потерпевшим весьма зыбкая. Особенностью поведения такого лица, характеризуемого признаком ограниченной (или уменьшенной) вменяемости, является то, что он может стать субъектом в одном акте преступного поведения, а потерпевшим – от другого акта преступного поведения.

Обсуждение и заключение. Представляется, таким образом, разумным предложение некоторых ученых вернуть признак «активного участия», присутствовавший в диспозициях ст. 227 УК РСФСР и 143.1 УК РСФСР. В целях отличия

субъекта преступления от потерпевшего представляется также актуальным дополнить диспозицию ст. 239 УК РФ «поощрительным» примечанием (по аналогии со ст. 126, 127.1, 210, 282.1 УК РФ и др.) следующего содержания: «Лицо, покинувшее объединение и сообщившее в правоохранительные органы о его деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Ключевые слова: религиозное объединение, секта, некоммерческая организация, зависимость, культовая зависимость, ограниченная вменяемость, ст. 239 УК РФ, участие

Для цитирования: Карпачева Т. С. Участие в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ч. 3 ст. 239 УК РФ): уголовно-правовая характеристика // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 155–177. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.155-177.

Original article

Participation in a Non-Profit Organization that Infringes on the Personality and Rights of Citizens (Part 3 of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminal Law Characteristics

Tatyana S. Karpacheva^{1, 2}

¹ Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

² Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

KarpachevaTS@mgpu.ru

Abstract

Introduction. An act in the form of participation in a non-profit organization that infringes on the personality and rights of citizens, enshrined in Part 3 of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation, causes a number of difficulties in understanding and qualification. Involved in most cases by deception in such associations, the participants themselves turn out to be victims, therefore, when qualifying the act under Part 3 of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is important to assess the degree of independence and activity of each participant.

Theoretical Basis. Methods. The dialectical method is used in the article as a general scientific method, which formed the basis for studying the phenomenon of religious associations that infringe on the personality and rights of citizens, and their activities in Russia. Specific scientific methods make it possible to reveal the meaning and content of legal relations associated with the creation and functioning of religious, public or other associations that infringe on the personality and rights of citizens. The historical method made it possible to study the experience of differentiating the responsibility of the creators and participants of pseudo-religious associations in pre-revolutionary Russia and in the Soviet Union.

Results. Based on the understanding of the criminal law category “dependence” by A. A. Aryamov, we can come to the conclusion that the will of the participants in the organizations under study is significantly limited and is a reflection of the will of the leader. A participant in such an association, as a dependent person, manifests “other people’s” principles and attitudes in “his” socially dangerous act. Thus, the line between a participant in an association that encroaches on the personality and rights of citizens

and a victim is very fluid. A feature of the behavior of such a person, characterized by the sign of limited (or reduced) sanity, is that he can become a subject in one act of criminal behavior, and a victim of another act of criminal behavior.

Discussion and Conclusion. Thus, it seems reasonable that some scholars propose to return the sign of “active participation” that was present in the dispositions of Article 227 of the Criminal Code of the RSFSR and 143.1 of the Criminal Code of the RSFSR. In order to distinguish the subject of the crime from the victim, it also seems relevant to supplement the disposition of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation with an “incentive” note (by analogy with Articles 126, 127.1, 210, 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.) with the following content: “A person who left an association and reported to law enforcement agencies about its activities is exempt from criminal liability, unless his actions contain another *corpus delicti*.”

Keywords: religious association, sect, non-profit organization, dependence, cult dependence, limited sanity, Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation, participation

For citation: Karpacheva, T. S., 2024. Participation in a non-profit organization that infringes on the personality and rights of citizens (Part 3 of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristics. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 155–177. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.155-177.

Введение

Свобода мысли, совести и религии закреплена во Всеобщей декларации прав человека¹, принятой Генеральной Ассамблей ООН 10 декабря 1948 г. (ст. 18); Международном пакте о гражданских и политических правах², принятом Генеральной Ассамблей ООН 16 декабря 1966 г. (ст. 18); гарантирована Конституцией Российской Федерации (ст. 28). Во Всеобщей декларации прав человека (ст. 20), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 22) и иных международно-правовых документах закреплено также право на свободу мирных собраний и ассоциаций; свобода деятельности общественных объединений предусмотрена и ст. 30 Конституции России.

Согласно п. 3 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах «свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц». Современной правоприменительной практике и правовой науке известны как раз такие случаи злоупотребления правом на свободу мысли, совести и религии, когда в религиозных или общественных объединениях под маской «духовных», «целительских» либо иных практик совершаются преступления против личности, половой свободы и половой неприкосновенности, против собственности, общественной безопасности и общественного порядка. В судебной практике отражены случаи, когда руководители нетра-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А от 10 декабря 1948 г.). Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

диционных религиозных объединений, манипулируя религиозными чувствами граждан и преследуя корыстную цель, реализовывали услуги по продаже способов «чудесного исцеления», приобретения «тайных знаний» и т. д.

Уголовно-правовой нормой, запрещающей посягательства на личность и права граждан в рамках деятельности религиозных или общественных объединений, является ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан». Преступная деятельность, связанная с функционированием таких организаций, представляет собой сложное антисоциальное явление, существующее на протяжении длительного времени.

Однако наиболее трудные вопросы квалификации возникают применительно к участникам таких объединений. Участие в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, криминализировано ч. 3 ст. 239 УК РФ и предполагает наказание до четырех лет лишения свободы, т. е. является в настоящее время преступлением средней тяжести (категория тяжести была увеличена Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 582-ФЗ³).

Теоретические основы. Методы

Деятельность объединений, криминализированных ст. 239 УК РФ, ученые рассматривают как вид организованной преступности. Так, А. И. Долгова, классифицируя типы организованных преступных групп, наряду с бандой, незаконным вооруженным формированием, экстремистским сообществом и т. д. называет и объединения, деятельность которых криминализирована ст. 239 УК РФ [Долгова, А. И., 2003, с. 302]. Е. А. Димитрова также приходит к выводу о том, что исследуемые объединения соответствуют всем признакам ОПГ [Димитрова, Е. А., 2004, с. 8]. Э. А. Золаев ставит ст. 239 УК РФ в один ряд с организацией террористического сообщества, незаконного вооруженного формирования, бандитизмом и т. д. Ученый подразделяет организационную (преступную) деятельность «...на три основные группы: создание и руководство группой лиц (ст. 205.4, 208, 209, 210, 239, 282.1 УК РФ), воспроизведение условий существования организаций (ст. 205.5, 282.2, 284.1 УК РФ), а также организация действий иных лиц (ст. 110.2, 171.2, 172.2, 212, 232, 241, 279, 322.1 УК РФ)» [Золаев, Э. А., 2020, с. 29].

Посягательства на жизнь и здоровье людей, их собственность и общественную безопасность, совершаемые под маской религиозных практик в объединениях той или иной степени замкнутости, были выявлены еще дореволюционными учеными: Н. В. Варадиновым [Варадинов, Н. В., 1863], Н. Г. Высоцким [Высоцкий, Н. Г., 1917; Высоцкий, Н. Г., 1915], Г. П. Добротиным [Добротин, Г. П., 1896], К. В. Кутеповым [Кутепов, К. В., 1883], А. В. Лохвицким [Лохвицкий, А. В., 1871], С. В. Познышевым [Познышев, С. В., 2016], А. В. Поповым [Попов, А. В., 1904], В. Д. Спасовичем⁴, Н. С. Тимашевым [Тима-

³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества за 1881 г. Заседание 14 февраля // Журнал гражданского и уголовного пра-

шев, Н. С., 1916], В. Н. Ширяевым [Ширяев, В. Н., 1909] и др. Более всех был приближен к современному взгляду на такого рода преступления В. Д. Спассович, отождествлявший секты с организованными преступными группами, или «...шайками, устроенными с целью совершать преступления»⁵, и призывающий не акцентировать внимание на их «религиозной подкладке»⁶.

В советское время к изучению посягательств на личность и права граждан в религиозных объединениях впервые обратился Р. Р. Галиакбаров [Галиакбаров, Р. Р., 1963], посвятивший диссертационное исследование новелле советского законодательства – ст. 227 УК РСФСР. В 1967 году была защищена диссертация Н. Я. Мишина [Мишин, Н. Я., 1967], посвященная уголовно-правовой характеристике преступлений, предусмотренных ст. 227 УК РСФСР, а также процессуальным вопросам расследования таких преступлений и их доказывания.

К исследованию признаков состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, и иных «религиозных» преступлений на постсоветском пространстве впервые обратился В. В. Пилявец [Пилявец, В. В., 1998], а вслед за ним – Н. Б. Вагина [Вагина, Н. Б., 2000] и М. С. Фокин [Фокин, М. С., 2000]. В начале XXI в. интерес исследователей к этой проблеме усилился. Были защищены кандидатские диссертации Л. Д. Башкатова [Башкатов, Л. Д., 2001]; Е. А. Димитровой [Димитрова, Е. А., 2004]; М. М. Василенко [Василенко, М. М., 2006]; А. В. Демидова [Демидов, А. В., 2010]; О. Б. Ермаковой [Ермакова, О. Б., 2011]. В этих работах уже произведен уголовно-правовой анализ преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, выработаны предполагаемые пути их предотвращения и усовершенствования уголовного законодательства. Особенный интерес представляет работа Е. А. Димитровой, где убедительно доказывается, что религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, являются одной из форм организованной преступной группы.

Параллельно такие псевдорелигиозные объединения (секты) на современном этапе развития науки изучаются и в других областях знания: религиоведении, социологии, психологии. Так, исследование А. В. Кузьмина посвящено феномену деструктивности (разрушительности для личности и общества) объединений [Кузьмин, А. В., 2009], подобных тем, деятельность которых криминализирована ст. 239 УК РФ. Манипулятивные технологии, используемые лидерами сект в отношении участников, типичные личностные характеристики адепта секты являются предметом изучения психологов, и на уровне диссертационных исследований в области психологии эти темы получили научное осмысление в работах И. А. Чесноковой [Чеснокова, И. А., 2005], В. Г. Кирсановой [Кирсанова, В. Г., 2005], В. Ю. Асланян [Асланян, В. Ю., 2009].

Объект изучения в настоящей работе повлек необходимость привлечения, наряду с научными работами в области юриспруденции, исследова-

ва. Изд. Санкт-Петербургского юридического общества, 1882. Кн. 5. СПб. : Тип. Правительствующ. Сената, 1882. С. 9–21.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же.

ний в области религиоведения, медицины и психологии для всестороннего раскрытия проблемы. В качестве общенационального был использован диалектический метод, который лег в основу изучения феномена религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, и их деятельности в России. Диалектический метод познания дополняют частнонаучные методы, которые дают возможность раскрыть смысл и содержание правоотношений, связанных с созданием и функционированием религиозных, общественных или иных объединений, посягающих на личность и права граждан. Исторический метод позволил исследовать опыт дифференциации ответственности создателей и участников псевдорелигиозных объединений в дореволюционной России и в Советском Союзе, а сравнительно-исторический – выявить возможности применения этого опыта в современных условиях. Притом если исторический метод позволил изучить феномен объединений, посягающих на личность и права граждан, и правовое реагирование со стороны государства в отношении их участников в «вертикальной» плоскости, то сравнительно-правовой – изучить это явление в «горизонтальной плоскости», т. е. с точки зрения анализа судебной практики.

Результаты исследования

Деяние в виде участия, закрепленное в ч. 3 ст. 239 УК РФ, вызывает ряд трудностей в понимании и квалификации. Большинством исследователей *участие* определяется как выполнение лицом действий, связанных с насилием или причинением вреда здоровью граждан, с побуждением к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению противоправных действий [Бриллиантов, А. В., ред., 2015, с. 198; Рарог, А. И., ред., 2014, с. 597; Наумов, А. В., 2005, с. 621], т. е. действий, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 239 УК РФ. Однако недостаточно точная формулировка ч. 3 ст. 239 УК РФ влечет за собой разнотечения в ее понимании и, соответственно, правоприменении. Например, в ч. 3 криминализировано участие «в деятельности некоммерческой организации, указанной в частях первой и второй», тогда как в первой части понятие некоммерческой организации отсутствует. На эту рассогласованность норм уже обращал внимание И. В. Иванишко [Иванишко, И. В., 2017, с. 63].

С учетом того, что культовая зависимость рассматривается специалистами-психиатрами как одна из форм психического расстройства, лица, вовлеченные путем обмана в исследуемые объединения, не осознают в полном объеме общественной опасности своих действий, в силу виктимности их поведения сами оказываются жертвами преступных посягательств [Кондратьев, Ф. В., 1997; Кондратьев, Ф. В., 2000; Кондратьев, Ф. В., Осколкова, С. Н., Клембовская, Е. В., 1998]. В связи с этим в настоящий момент назрела необходимость четкого выявления признаков состава преступления в форме «участия», предусмотренного ч. 3 ст. 239 УК РФ, и его отличий от преступлений в форме «руководства» организацией, посягающей на личность и права граждан, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ.

Уже в XVIII в. были известны антисоциальные псевдорелигиозные группы (секты), в которых совершались преступления против жизни и здоровья под маской религии. На протяжении XVIII–XIX вв. наибольшую общественную опасность для здоровья и жизни своих адептов представляли общинны

скопцов. Лишь с 60-х гг. XIX в. проблема сект и «религиозных» преступлений стала широко обсуждаться в прессе.

Так, яркой иллюстрацией общественной опасности секты скопцов является рассказ В. И. Калатузова «Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов странницы», опубликованный в № 1 журнала «Эпоха» за 1865 г. (журнал издавался братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими). В рассказе подробно освещаются способы вовлечения в sectu, ритуалы скопцов, особенности их скрытной жизни, а также случаи оскопления, приведшие к смертельным исходам [Калатузов, В. И., 1865]. В очерке отражена очевидная опасность скопчества не только для здоровья, но и для жизни адептов, осознаваемая и самими скопцами. Автор отмечает случаи смерти адептов, не выдержавших процедуры оскопления, а также причинение тяжкого вреда здоровью [Калатузов, В. И., 1865, с. 11–12]. Случаи смерти лиц, умерших вследствие оскопления, тщательно скрывались, однако рассказчица, от лица которой ведется повествование, оказалась свидетельницей гибели человека после оскопления, совершенного в семействе, принадлежавшем к secte [Калатузов, В. И., 1865, с. 13].

Ф. В. Ливанов в популярных в XIX в. очерках «Раскольники и осторожники» также неоднократно обращает внимание на опасность скопчества для жизни как самих сектантов, так и их близких: «Скопцы сами сознаются, что многие жертвы умирают тут же на месте, исходя кровью, другие подвергаются воспалениям и продолжительным страданиям, от которых также нередко умирают впоследствии» [Ливанов, Ф. В., 1872, с. 543].

В очерке В. И. Калатузова отражены и способы вовлечения в скопчество при помощи запугивания и обмана [Калатузов, В. И., 1865, с. 9]. На такие способы вербовки обращали внимание также ученые и публицисты, изучавшие эту тему еще в XIX в. [Пеликан, Е. В., 1872, с. 95–96; Даль, В. И., 2006, с. 99–100]. Таким образом, напрашивается вопрос дифференциации уголовной ответственности для лидеров (руководителей, создателей) таких объединений и их участников, которые могли быть вовлечены путем обмана, угроз или запугивания.

Интересно отметить, что на необходимость такой дифференциации указывала еще императрица Екатерина II в 1772 г., когда впервые скопцы попали в поле зрения органов правопорядка и в отношении их было возбуждено первое следственное дело.

2 июля 1772 г. императрица подписала Именной Высочайший Указ «О производстве расследования и суда над появившимися в Орловском уезде последователями нового рода некоторой ереси», адресовав его подполковнику Александру Волкову, где впервые вовлеченные в sectu лица дифференцированы по степени их участия и соответственно дифференцированы наказания. Фактически в этом документе впервые в российском правовом поле отмечается обман при вербовке в sectu и утверждается, что участники, вовлеченные в такие группы путем обмана, – жертвы, а не преступники: «...всех же, в сем деле участвующих, вины разделить на три класса: 1. начинщик, или начинщики, и те, кои других уродовали; 2. те, кои бые уговарены, других на то приводили; 3. тех простяков, кои бые уговарены, слепо повиновались безумству наставников... По окончании следствия с первыми, то есть с начинщиками, имеете поступить, как с возмутителями общего покоя, то есть высечь кнутом в тех жилищах, где они проповеди свои про-

изводили и где более людей уговаривали, и потом сошлите их в Нерчинск вечно; вторых, то есть тех, кои быв уговорены, других на то приводили, велите высечь батожьем и сошлите в фортификационную работу в Ригу; а третьих разошлите на прежние их жилища, помещичьих крестьян к их помещикам, а дворцовых и прочих к их начальникам, обязав помещиков и начальников накрепко, чтоб они за всеми сими людьми... беспрестанно смотрели... Не меньшие же находим Мы за нужное вам прибавить, чтобы вы сие дело трактовали как обыкновенное гражданское, а отнюдь не иначе; и для того в разделении вин вам стараться, чтобы наказаны были гражданские преступления» [Высоцкий, Н. Г., 1915, с. 213–214].

Если следовать современной терминологии, повеление императрицы трактовать дела о скопцах «как обыкновенные гражданские» читается как приказ рассматривать их как общеуголовные преступления. Этот документ вообще имеет очень важное значение для понимания динамики правового реагирования на изучаемые преступления: в нем четко отражена общественная опасность сектантства, дифференцирована степень ответственности и указывается на посягательства в сектах на жизнь и здоровье адептов.

В советское время уголовно-правовая норма, предшествующая ст. 239 УК РФ, – ст. 227 УК РСФСР, предусматривавшая уголовную ответственность за «создание группы, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования религиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью, а равно руководство такой группой либо вовлечение в нее несовершеннолетних»⁷, – была введена в Кодекс в 1960 г. А уже 25 июня 1962 г. было изменено название этой статьи на «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов», и ее диспозиция увеличилась по объему и содержанию по сравнению с диспозицией 1960 г.⁸ Статья разделилась на две части. Первая часть: «Организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних» – предусматривала наказание в виде лишения свободы «на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой»⁹. Вторая часть ст. 227 УК РСФСР с 1962 г. предусматривала уголовную ответственность за «активное участие в деятельности группы, указанной в части первой настоящей статьи, а равно систематическ^у пропаганд^у, направленн^у к совершению указанных в ней деяний»¹⁰.

В 1962 году статья была дополнена примечанием: «Если деяние лиц, указанных во второй части настоящей статьи, и сами лица, их совершившие, не представляют большой общественной опасности, к ним могут быть примене-

⁷ Уголовный кодекс РСФСР. М. : Госюриздан, 1960. С. 107.

⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

⁹ Уголовный кодекс РСФСР. М. : Госюриздан, 1962. С. 111–112.

¹⁰ Там же. С. 112.

ны меры общественного воздействия». Применительно к ст. 227 УК РСФСР ученые неоднократно отмечали необходимость отличать ответственность лидера (руководителя или создателя) секты от участника, который зачастую вовлечен в деятельность группы путем обмана и не осведомлен об истинных планах «руководства». «Большинство верующих являются обманутыми людьми, жертвами преступной деятельности сектантских проповедников, – убежденны М. Михайлов и Ю. Милько. – Поэтому нельзя говорить, что рядовые участники религиозных общин (групп) объединены стремлением к совершению преступлений» [Михайлов, М., Милько, Ю., 1964, с. 12]. Понятие «активного участия» сохранялось и в ст. 143.1 УК РСФСР (действовавшей с 1993 по 1995 г.), не вошло только в диспозицию ст. 239 УК РФ.

Е. А. Димитрова делает попытку объяснить факт изъятия «активного участия» из ст. 239 УК РФ. Как считает исследователь, участие – это единственная форма объективной стороны, которая возможна и как действие, и как бездействие, так как членство в таких объединениях включает в себя не только выполнение предписаний объединения, но и «невыполнение некоторых действий, которые лицо должно и могло выполнить» [Димитрова, Е. А., 2004, с. 88–89]. Примером преступного бездействия признается отказ матери, состоящей в секте, где запрещена медицинская помощь, обращаться к врачу в случае болезни ее ребенка. Ученый делает вывод о том, что «бездействие членов религиозных объединений, которое несет в себе угрозу жизни или здоровью человека, несомненно, должно признаваться преступным. Именно поэтому... законодатель отошел от существовавшей ранее трактовки “активное участие”» [Димитрова, Е. А., 2004, с. 89].

Однако «активное участие» не есть антоним «бездействия». Лицо может быть активным участником объединения, посягающего на личность и права граждан, но при этом совершать преступление в форме бездействия, как, например, отказ от оказания медицинской помощи ребенку или иному лицу, находящемуся от него в зависимости.

Главная же трудность в понимании объективной стороны участия заключается в самой специфике объединений, криминализированных изучаемой нормой. Вовлеченные в большинстве случаев путем обмана в такое объединение участники сами оказываются жертвами, поэтому при квалификации «участия» важно оценивать степень самостоятельности и активности каждого участника. Так, В. В. Пилявец считает, что формулировка «активное участие», имевшая место в диспозиции ст. 227 УК РСФСР, была более точной, и отмечает необходимость оценивать степень вовлеченности в организацию при ответе на вопрос о привлечении к уголовной ответственности по ст. 239 УК РФ [Пилявец, В. В., 1998, с. 139].

Практика показывает, что в некоторых случаях участник секты, совершая преступление по приказу «туру» даже в отношении своих детей, убежден, что это есть высшее благо.

Так, привлеченный в 2017 г. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 239 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ лидер секты «Космическая семья» в станице Староджерельевская Краснодарского края Куренков А. П. держал своих последователей в страхе перед концом света и все события, происходящие в мире, объяснял воздействием мистических практик и «духовной работой» общины. В частности,

он убедил членов секты в том, что благодаря их «духовной работе» перестала падать Пизанская башня, предотвращались террористические акты, а все трагические события – авиакатастрофы, совершившиеся теракты – объяснялись тем, что «духовная работа» ведется слишком слабо, ученики недостаточно слушаются учителя¹¹. Деятельность организации была «сопряжена с насилием над гражданами в виде совершения действий сексуального характера, с причинением вреда здоровью и психическим насилием»¹². Куренков был привлечен к уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера в отношении малолетней потерпевшей с использованием ее беспомощного состояния: он убедил мать малолетней Г., что должен совершить сексуальные действия с ее дочерью «во благо спасения земли». Мать, для которой авторитет Куренкова не подлежал сомнению, сама приводила к нему 8-летнюю дочь для интимных отношений. Учитывая, что мать находилась в зависимости от Куренкова, в результате обмана не осознавала вполне общественной опасности своих действий и своей роли в преступлении, лишь впоследствии «прозрела» и сообщила о случившемся в правоохранительные органы, суд не усмотрел в ее действиях состава преступления и она не была привлечена к уголовной ответственности, хотя объективно в ее действиях содержались не только признаки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 239 УК РФ, но и соучастие в преступлении Куренкова, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Действительно, анализируя проблему «сектантских» преступлений, многие исследователи отмечают зависимость участника группы от лидера и несамостоятельность его (участника) действий. Так, С. В. Розенко указывает, что при долгом нахождении в группе тоталитарного типа (в секте) «у адепта утрачивается способность думать и действовать независимо и самостоятельно. <...> Таким образом, вырабатывается не просто зависимая от сообщества личность, а личность подконтрольная, которая может быть как потерпевшим, так и преступником одновременно» [Розенко, С. В., 2011, с. 183]. «Виктимологический аспект тоталитарного сектантства» выделяет и В. А. Бурковская, отмечая, что в таких организациях «индивиду зачастую одновременно является и жертвой, и преступником» [Бурковская, В. А., 2006, с. 114].

Проблема культовой аддикции неоднократно осмысливалась и в психологии науке. Так, И. А. Чеснокова совершенно справедливо, вслед за С. Хассеном¹³ и другими зарубежными исследователями культов, указывая

¹¹ Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 12 мая 2017 г. в отношении Куренкова А. П. С. 14 // Архив Красноармейского районного суда Краснодарского края.

¹² Там же. С. 4.

¹³ С. Хассен – американский специалист по культовой зависимости. На основании своего опыта пребывания в секте мунитов (мунистов), а также на основании опыта помощи другим по преодолению культовой зависимости он написал книгу «Противостояние сектам и контролю над сознанием», которая стала бестселлером. Автор осмысливает психологическое состояние человека, находящегося в культовой зависимости, таким образом: «Член секты не действует уже сам по себе. Он получил уже новую искусственную структуру личности, которая включает в себя новые убеждения и новый язык» [Хассен, С., 2006, с. 114].

ет на формирование у участника «псевдообраза «Я», т. е. утрату человеком своих прежних жизненных ценностей и, как следствие, чувства собственной идентичности [Чеснокова, И. А., 2005, с. 14]. Как отмечает О. Б. Симатова, у личности, зависимой от культа, нарушается «осознание собственной идентичности: я остаюсь тем, кем был всегда» [Симатова, О. Б., 2006, с. 164]: новая «аддиктивная личность» формируется под влиянием лидера культа, «гуру», и ей «навязывается» иная система ценностей, порой диаметрально противоположная той, которая была сформирована у человека до его встречи с «гуру» [Симатова, О. Б., 2006, с. 164].

Выявляя признаки уголовно-правовой категории «зависимость», А. А. Арямов отмечает, что состояние зависимости хоть и не уничтожает полностью свободу воли лица, совершившего преступление, но в существенной мере ее ограничивает [Арямов, А. А., 1991, с. 22]. Зависимое лицо, по наблюдению ученого, проявляет «в «своем» общественно опасном деянии «чужие» принципы и установки» «вопреки своей нравственной и психической ориентации» [Арямов, А. А., 1991, с. 23], что и прослеживается в преступлениях участников исследуемых объединений. А. А. Арямов выделяет также критерий долговременности зависимости, который вполне соответствует характеристике положения лица, находящегося в секте [Арямов, А. А., 1991, с. 27]. Опираясь на понимание ученым уголовно-правовой категории «зависимость», можно прийти к выводу о том, что воля участников исследуемых организаций в существенной мере ограничена и является отражением воли лидера. Действительно, зачастую бывшие участники таких объединений, оглядываясь назад, не хотят вспоминать то, что с ними происходило, испытывают стыд и часто характеризуют свое поведение в группе таким образом: «Это был(а) не я», «это все как будто было не со мной»¹⁴ и т. д.

Более того, в судебной практике нашло отражение выявление у потерпевших, бывших участников исследуемых объединений, психического расстройства «Расстройство типа зависимой личности» (Ф60.7) (в секте «Алля Аят» в Казахстане и в секте «Орда» в России¹⁵). Таким образом, грань между участником объединения, посягающего на личность и права граждан, находящегося в зависимости от руководителя такого объединения, и потерпевшим весьма зыбкая. Особенностью поведения такого лица, характеризуемого признаком ограниченной (или уменьшенной) вменяемости, является то, что он может стать субъектом в одном акте преступного поведения, а потерпевшим от другого акта преступного поведения.

Разумным, таким образом, представляется предложение некоторых ученых вернуть признак «активного участия», присутствовавший в диспозициях ст. 227 УК РСФСР и 143.1 УК РСФСР. Он действительно видится более удачным, иначе в силу отсутствия постановления Пленума Верховного

¹⁴ Подробнее об этом см.: [Карпачева, Т. С., 2018]. См. также, например, интервью бывшей последовательницы секты «Ашрам Шамбалы» С. в документальном фильме: «Думала, йога – оказалось, секта: кто превращает женщин в жриц»: [видео] // VK Видео Линза. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9110863780258403010> (дата обращения: 06.03.2024).

¹⁵ Этот пример из практики будет рассмотрен ниже.

Суда по этой статье и единства ее понимания правоприменителями есть риск привлечения к уголовной ответственности «скопом» посетителей какого-нибудь сектантского собрания, т. е. большей частью обманутых людей, увлеченных идеями «исцеления», «духовного просветления» и т. д.

Еще начиная с 60-х гг. прошлого века, когда в советский уголовный кодекс была введена ст. 227 УК РСФСР, исследователи не могут прийти к единому мнению, как квалифицировать создание филиала уже существующей секты: как *создание объединения или участие в нем*¹⁶. Этот же вопрос вызывает дискуссии и применительно к ст. 239 УК РФ, до сих пор не решен однозначно, следовательно, влечет за собой трудности в правоприменении.

Так, 8 сентября 2017 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 239 УК РФ в отношении трех лиц: С., П. и А., руководивших в Москве так называемыми «аят-центрами» (центрами, распространяющими учение секты «Алля Аят» и реализующими «целительские» методики).

Секта «Алля Аят» («Элле Аят») была основана в Казахстане в начале 2000-х гг. Ф. М. Абдуллаевым, провозгласившим себя «отцом вселенной», а свою жену – «матерью мира». Известность ему принесла распространяемая им методика исцеления, включающая четыре компонента: 1) чтение заклинания, включающего в себя имена основателей, даты их рождения, количество их детей и несколько слов на уйгурском языке (заклинание называлось «формулой жизни»); 2) употребление в больших количествах уйгурского национального напитка – чая с молоком и солью («эткен-чая»); 3) смотрение в течение нескольких минут по несколько раз в день без солнечных очков на открытое солнце; 4) чтение выпускавшего организацией журнала «Звезда Селенной», где печатались либо истории «чудесного исцеления», либо бессодержательные тексты (набор знаков), якобы наделенные сакральным смыслом, либо тексты на уйгурском языке, почитаемые в организации как «священные», притом читать журналы нужно по определенной схеме, включающей в себя неоднократное прочтение каждого номера, даже если читатель не понимает смысла текстов. В организации был провозглашен девиз «Аят – жизнь без лекарств и болезней» и действовал категорический запрет на медицинскую помощь, которая заменялась вышеуказанный методикой. Дополнительно для участников организации был введен еще ряд правил и запретов: необходимо несколько раз в год совершать «паломничества» на родину основателя секты – пос. Чунджу в Казахстане; нельзя носить одежду темных тонов, мужчинам нельзя отращивать усы и бороду, женщинам – иметь длинные ногти, так как все это напоминает животных.

В Республике Казахстан в 2009 г. организации, в которых реализовывалось и распространялось учение Алля Аят, были ликвидированы, и их деятельность, как «подрывающая безопасность государства посредством нанесения вреда здоровью населения»¹⁷, запрещена. Судебные решения,

¹⁶ См., например: [Ковалев, М. И., Фролова, Е. А., Ефимова М. А., ред., 1962, с. 440; Никифоров, Б. С., ред., 1963, с. 476; Галиакбаров, Р. Р., 1963, с. 95].

¹⁷ Решение Специализированного межрайонного экономического суда г. Алматы от 22 декабря 2008 г. по делу № 4260/08 о ликвидации и запрещении деятельности на территории Казахстана ОО «Аят – чистое сознание» // Архив Специализированного межрайонного экономического суда г. Алматы ; Решение Специализирован-

вынесенные на территории Республики Казахстан, о запрете деятельности организаций и запрете пропаганды методики «Алля Аят» на всей территории Казахстана, в частности, были основаны на фактах психического расстройства, выявленных у нескольких лиц, применявших эту методику. Это обусловило вывод о том, что «деятельность по методу движения (самооздоровления) Абдуллаева Ф. М. («Фархат-ата»), также именуемого «Алля-Аят», негативно воздействует на социальную защищенность здоровья граждан и создает реальную угрозу нанесения вреда их здоровью, что запрещено законодательством, поскольку эта деятельность направлена на подрыв безопасности государства»¹⁸. Суд пояснил, что «граждане Республики Казахстан относятся к субъектам национальной безопасности, а деятельность по нанесению ущерба национальной безопасности отнесена к угрозам национальной безопасности Республики Казахстан»¹⁹.

Выявление такой связи между здоровьем населения и национальной безопасностью, на наш взгляд, очень важно и показывает, что от деятельности сектантских групп страдают не только отдельные граждане, но и все общество в целом. В судебных решениях, вынесенных в Казахстане, прямо указываются также признаки психического расстройства в международной классификации болезней 10-го пересмотра «Расстройство типа зависимой личности» (Ф60.7), которые характерны для тоталитарных сект: разрушение социальных связей, отрицательное отношение к лицам, возникновение психического расстройства в виде синдрома посттравматического стресса, деструкция наиболее сложных когнитивных (мыслительных) структур, снижение критики, упрощение структуры интеллекта и эмоций²⁰.

25 февраля 2013 г. решением Новосибирского областного суда религиозная группа «Эллэ Аят» («Алля Аят»), действовавшая без образования юридического лица, была признана экстремистской и ее деятельность запрещена в Российской Федерации (решение базировалось, в том числе, на внесении ранее в Федеральный список экстремистских материалов нескольких номеров журнала «Звезда Селенной»)²¹. Эксперты пришли к выводу о том, что «методика и

нного межрайонного экономического суда г. Астаны от 12 января 2009 г. по делу № 02-86-09 о ликвидации и запрещении деятельности на территории Казахстана ОО «Аят самопознание» // Архив Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны ; Постановление Коллегии по гражданским делам г. Алматы № 2а-1274 от 22 апреля 2009 г. // Архив Алматинского городского суда.

¹⁸ Решение Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны от 12 января 2009 г. по делу № 02-86-09 о ликвидации и запрещении деятельности на территории Казахстана ОО «Аят самопознание» // Архив Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же ; Решение Специализированного межрайонного экономического суда г. Алматы от 22 декабря 2008 г. по делу № 4260/08 о ликвидации и запрещении деятельности на территории Казахстана ОО «Аят – чистое сознание» // Архив Специализированного межрайонного экономического суда г. Алматы.

²¹ Решение Новосибирского областного суда от 25 февраля 2013 г. по делу № 3-1/2013 о запрете деятельности религиозной группы «Эллэ Аят», признании

учение Абдуллаева Ф. М. являются своеобразным эзотерическим религиозным культом солярной направленности, отрицающим значимость современных научных достижений человечества²². Это отрицание стоило нескольким членам организации жизни: в судебном решении были отражены случаи смерти вследствие неоказания медицинской помощи, напрямую связанные с запретом принимать лекарства. Показательно, что эти факты рассматривались всего лишь в связи с вопросом о запрете деятельности религиозной группы, тогда как в ходе функционирования организации были совершены преступления против жизни и здоровья, оставшиеся безнаказанными. 19 июля 2013 г. по апелляционной жалобе представителя организации Мильштейна В. М., учредителя и главного редактора печатного органа секты – журнала «Звезда Селенной», решение Новосибирского областного суда было пересмотрено и в части признания экстремистской деятельности религиозной группы отменено, а в части запрета деятельности оставлено без изменения на основании склонения участников объединения по религиозным мотивам к отказу от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии²³.

Важно отметить, что в 2017 г. при расследовании уголовного дела в отношении руководителей «Аят-центров» в Москве (С., П. и А.) общественная опасность этой организации не вызывала сомнений. Следствием установлено, что «лица, находящиеся на попечении (дети, старики и инвалиды), которые не в состоянии осуществить личный выбор, могут быть подвергнуты лечению по методу (имеется в виду «методика Аят». – Т. К.), а также лишены медицинской помощи, в том числе в ситуации опасного для жизни состояния в силу реформированного мышления их попечителей»²⁴. То, что московских руководителей организации С., П. и А. согласно внутренней «терминологии» называли в секте «учениками» (а не руководителями филиалов, например), послужило основанием переквалифицировать уголовное дело в отношении них с ч. 1 ст. 239 УК РФ на ч. 3, и в итоге следствие посчитало, что срок привлечения С., П. и А к уголовной ответственности истек²⁵, и они избежали уголовной ответственности.

деятельности религиозной группы «Эллэ Аят» экстремистской // Архив Новосибирского областного суда.

²² Там же.

²³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2013 г. № 67-АПГ13-7 «В удовлетворении требований о запрете деятельности религиозной группы, признании деятельности религиозной группы экстремистской отказано, поскольку имеются данные, предусмотренные Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», для принятия решения о правомерности деятельности религиозной группы». Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ Постановление о прекращении уголовного дела № 11702450002000095 от 8 сентября 2018 г. С. 19 // Архив Следственного управления по ВАО Главного следственного управления СК РФ по г. Москве.

²⁵ Там же. С. 21.

В данном случае присутствует ошибка в квалификации: создание филиалов секты, руководство которыми осуществляется в каждом случае отдельным руководителем, нельзя квалифицировать лишь как «участие» в организации: налицо признаки таких преступных деяний, как «создание» и «руководство». Эта ошибка связана с предположением правоприменителя о том, что преступление совершается односубъектно. Но практика показывает, что в ряде случаев односубъектно такие преступления лишь начинаются, а затем активные участники берут на себя функции организаторов и создают свои группы.

Для квалификации по ч. 3 ст. 239 УК РФ важно, чтобы участвующее в деятельности организации лицо руководствовалось собственным мотивом, желало совершить именно те преступные действия, которые оно совершило, действовало добровольно и не было принуждено лидером, однако и не создавало собственного, неподконтрольного (или ограниченно подконтрольного) лидеру объединения.

Так, в 2019 г. были привлечены к уголовной ответственности создатель секты «Орда» («Ата жолы») в Челябинской области Дуанбаева А. Д. по ч. 1 ст. 239 УК РФ и ее помощница, активная участница объединения Платонова С. П. по ч. 3 ст. 239 УК РФ. Дуанбаева «внушала гражданам, обратившимся к ней за медицинской и психологической помощью, идеи получения физического и психологического «исцеления», улучшения жизненной ситуации путем поклонения и общения с умершими «святыми предками»²⁶. Платонова не создавала своей организации (или филиала организации), поэтому была привлечена к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 239 УК РФ. Получение Платоновой указаний от Дуанбаевой и одновременно ее самостоятельная роль в организации отражены в приговоре следующим образом: Дуанбаева А. Д. «...дала ей (Платоновой С. П.) указания принимать людей, обращающихся за «медицинской» и психологической помощью, в том числе страдающих неизлечимыми либо трудноизлечимыми медицинским путем заболеваниями. <...> Впоследствии Платонова С. П. осуществляла по указанию Дуанбаевой А. Д. «лечение» и «исцеление» прихожан, которое заключалось в молитвах, обращенных к «духам святых предков», окуривании дымом, «камчевании», производимом путем постукивания плеткой по телу человека... с обязательным понуждением человека совершать за денежную плату паломничества к местам захоронений «святых предков» и поклонение им на территориях, расположенных в Челябинской области и Республике Казахстан, которые организовывались Дуанбаевой А. Д.»²⁷. На наш взгляд, деяние Платоновой С. П. по ч. 3 ст. 239 УК РФ квалифицировано верно: с одной стороны, она отдавала себе отчет в своих действиях, действовала по своей воле, а не под принуждением Дуанбаевой А. Д., а с другой стороны, не создавала своей организации, поэтому ч. 1 ст. 239 УК РФ ее действия не охватываются.

²⁶ Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по уголовному делу № 1-10/2019 от 3 апреля 2019 г. в отношении Дуанбаевой А. Д., Платоновой С. П. // Архив Центрального районного суда г. Челябинска.

²⁷ Там же.

Обсуждение и заключение

Таким образом, для разграничения преступлений, предусмотренных ч. 1 и З ст. 239 УК РФ, следует учитывать, что если лицо, принадлежащее к секте, овладев искусством управления людьми, создает свою, отдельную, группу, имеющую признаки, соответствующие диспозиции ст. 239 УК РФ, и осуществляет в ней руководящие функции, то такое преступление следует квалифицировать по ч. 1 ст. 239 УК РФ, а не по ч. 3. Если же лицо выполняет указания руководителя, своей организации не создает, но при этом в своих действиях проявляет самостоятельность, то в такой деятельности, на наш взгляд, присутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 239 УК РФ. Такое разграничение признаков составов преступлений по ч. 1 и 3 ст. 239 УК РФ должно найти отражение в постановлении Пленума Верховного Суда.

Особенностью поведения участника исследуемого объединения, характеризуемого признаком ограниченной (или уменьшенной) вменяемости, является то, что он может стать субъектом в одном акте преступного поведения, а потерпевшим от другого акта преступного поведения.

В целях отличия субъекта преступления от потерпевшего представляется актуальным, в особенности в связи с повышением категории тяжести исследуемого преступления, дополнить диспозицию ст. 239 УК РФ «поощрительным» примечанием (по аналогии со ст. 126, 127.1, 210, 282.1 УК РФ и др.) следующего содержания: «Лицо, покинувшее объединение и сообщившее в правоохранительные органы о его деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

При квалификации деяния в виде «участия» (ч. 3 ст. 239 УК РФ) обладает юридическим значением степень самостоятельности и активности каждого лица. В связи с этим представляется актуальным вернуть в исследуемую уголовно-правовую норму понятие «активного участия» и конкретизировать его признаки в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

- Арямов А. А. Уголовно-правовая категория «зависимость» : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. 161 с.
- Асланян В. Ю. Психологическое воздействие служителей деструктивных религиозных культов как предмет профессиональной оценки экспертами-психологами : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 203 с.
- Башкатов Л. Д. Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 224 с.
- Вагина Н. Б. Криминологическая характеристика религиозной среды: особенности подчинения лидеру организации адептов-последователей : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 185 с.
- Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8, доп. : История распоряжений по расколу. СПб., 1863. 656 с.

- Василенко М. М. Предупреждение преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 260 с.
- Высоцкий Н. Г. Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей божиих». М. : Синодальная тип., 1917. 102 с.
- Высоцкий Н. Г. Первый скопческий процесс. Материалы, относящиеся к начальной истории скопческой секты. М. : Моск. Археологич. ин-т, 1915. 346 с.
- Галиакбаров Р. Р. Ответственность за религиозное изуверство по Уголовному кодексу РСФСР : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. 236 с.
- Даль В. И. Исследование о скопческой ереси. Ногинск : Рос. Остекон-фонд, 2006. 160 с.
- Демидов А. В. Религиозные организации деструктивного характера и специфика предупреждения органами внутренних дел их криминальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 246 с.
- Димитрова Е. А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 188 с.
- Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев : Тип. Кульженко, 1896. 112 с.
- Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М. : Рос. криминолог. ассоциация, 2003. 572 с.
- Ермакова О. Б. Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 215 с.
- Золаев Э. А. Организационная преступная деятельность как самостоятельное преступление: понятие, виды, характеристика. М. : Проспект, 2020. 152 с. ISBN: 978-5-392-30838-5.
- Иванишко И. В. Актуальные проблемы законодательной формулировки диспозиции нормы, предусмотренной ст. 239 УК РФ // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Вып. 6. М. : РГУП, 2017. С. 61–68.
- Калатузов В. И. Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов страницы // Отдельный оттиск из журнала «Эпоха». 1865. Т. 1. С. 1–38.
- Карпачева Т. С. Преступления в нетрадиционных религиозных объединениях: уголовно-правовая характеристика. М. : Юрлитинформ, 2018. 192 с.
- Кирсанова В. Г. Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных объединений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 173 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Т. 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. 704 с. ISBN: 978-5-392-13102-0.

- Кондратьев Ф. В. Психиатрический аспект в анализе последствий деятельности современных культовых новообразований // Российский психиатрический журнал. 1997. № 2. С. 25–29.
- Кондратьев Ф. В. Проблема религиозных культовых новообразований («сект») в психолого-психиатрическом аспекте. Аналитический обзор. М. : ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2000. 100 с.
- Кондратьев Ф. В., Осколкова С. Н., Клембовская Е. В. Медико-социальные последствия деструктивной деятельности тоталитарных сект: аналитический обзор. М. : ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 1998. 60 с.
- Кузьмин А. В. Феномен деструктивности новых религиозных движений : дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009. 204 с.
- Кутепов К. В. Секты хлыстов и скопцов. Казань : Тип. Император. ун-та, 1883. 575 с.
- Ливанов Ф. В. Сказание о том, как одни богатые скопцы сожгли живую свою сестру за то, что она решилась выйти замуж // Раскольники и осторожники. Очерки и рассказы. Т. III. 1-е изд. СПб. : Тип. М. Хана, 1872. С. 542–544.
- Лохвицкий А. В. Курс русского права. 2-е изд. СПб. : Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. 704 с.
- Михайлов М., Милько Ю. Преступления против личности и прав граждан, совершаемые в среде религиозных групп // Советская юстиция. 1964. № 10. С. 12–14.
- Мишин Н. Я. Расследование посягательств на личность и права граждан, совершаемых под видом исполнения религиозных обрядов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. 278 с.
- Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М. : Волтрес Клувер, 2005. 1024 с. ISBN: 5-466-00113-9.
- Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР / отв. ред. Б. С. Никифоров. М. : Юрид. лит., 1963. 526 с.
- Пеликан Е. В. Судебно-медицинские исследования скопчества. Исторические сведения о нем. Ч. 2 : Судебно-медицинская. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1872. 257 с.
- Пилявец В. В. Уголовная ответственность за организацию и участие в объединениях, посягающих на личность и права граждан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 190 с.
- Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016. 320 с.
- Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Исследование Ардадиона Попова. Казань : Типолит. Император. ун-та, 1904. 516 с.
- Розенко С. В. Криминальное сектантство: проблемы криминализации и наказуемости // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (14). С. 180–185.

Симатова О. Б. Психология зависимости : учеб. пособие. Чита : Забайкал. гос. гуман.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2006. 300 с. ISBN: 5-85158-357-6.

Тимашев Н. С. Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг. : Сенат. тип., 1916. 104 с.

Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий : учеб. пособие. Т. 2 : Особенная часть / под ред. М. И. Ковалева, Е. А. Фролова, М. А. Ефимова. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1962. 569 с.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 8-е изд. М. : Проспект, 2014. 781 с. ISBN: 978-5-392-12463-3.

Фокин М. С. Уголовно-правовая характеристика организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. 183 с.

Хассен С. Противостояние сектам и контролю над сознанием. М. : АСТ, 2006. 315 с. ISBN: 5-17-035483-5.

Чеснокова И. А. Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 260 с.

Ширяев В. Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль : Тип. губернского правления. 1909. 422 с.

References

- Aryamov, A. A., 1991. *Ugolovno-pravovaya kategorija "zavisimost'"* = [Criminal law category "dependence"]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Sverdlovsk. 161 p. (In Russ.)
- Aslanyan, V. Yu., 2009. *Psikhologicheskoe vozdeystvie sluzhitelej destruktivnykh religioznykh kul'tov kak predmet professional'noj otsenki ekspertami-psikhologami* = [Psychological impact of ministers of destructive religious cults as a subject of professional assessment by expert psychologists]. Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Moscow. 203 p. (In Russ.)
- Bashkatov, L. D., 2001. *Religioznaya prestupnost': ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* = [Religious crime: criminal legal and criminological problems]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 224 p. (In Russ.)
- Brilliantov, A. V., ed., 2015. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federatsii (postatejnyj)* = [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Prospekt. 704 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-13102-0.
- Chesnokova, I. A., 2005. *Vliyaniye sekt, kul'tov i netraditsionnykh religioznykh organizatsij na lichnost' i ee zhiznedeyatel'nost'* = [The influence of sects, cults and non-traditional religious organizations on the individual and his life]. Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Moscow. 260 p. (In Russ.)

- Dal, V. I., 2006. *Issledovanie o skopcheskoj eresi* = [Research on the scopal heresy]. Noginsk: Rossijskij Osteon-fond. 160 p. (In Russ.)
- Demidov, A. V., 2010. *Religioznye organizatsii destruktivnogo kharaktera i spetsifika preduprezhdeniya organami vnutrennikh del ikh kriminal'noj deyatel'nosti* = [Religious organizations of a destructive nature and the specifics of prevention by internal affairs bodies of their criminal activities]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 246 p. (In Russ.)
- Dimitrova, E. A., 2004. *Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu religioznogo ob"edineniya, posyagayushchego na lichnost' i prava grazhdan* = [Criminal liability for organizing a religious association that encroaches on the personality and rights of citizens]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnoyarsk. 188 p. (In Russ.)
- Dobrotin, G. P., 1896. *Zakon i svoboda sovesti v otnoshenii k lzheucheniyu i raskolu* = [Law and freedom of conscience in relation to false teaching and schism]. Kiev: Printing House of Kulzhenko. 112 p. (In Russ.)
- Dolgova, A. I., 2003. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* = [Crime, its organization and criminal society]. Moscow: Russian Criminological Association. 572 p. (In Russ.)
- Ermakova, O. B., 2011. *Organizatsiya ob"edineniya, posyagayushchego na lichnost' i prava grazhdan: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty* = [Organization of an association encroaching on the personality and rights of citizens: criminal law and criminological aspects]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don. 215 p. (In Russ.)
- Fokin, M. S., 2000. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika organizatsii religioznykh ob"edinenij, posyagayushchikh na lichnost' i prava grazhdan* = [Criminal-legal characteristics of the organization of religious associations encroaching on the personality and rights of citizens]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Omsk. 183 p. (In Russ.)
- Galiakbarov, R. R., 1963. *Otvetstvennost' za religioznoe izuverstvo po Ugolovnomu kodeksu RSFSR* = [Responsibility for religious fanaticism under the Criminal Code of the RSFSR]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Sverdlovsk. 236 p. (In Russ.)
- Hassan, S., 2006. *Protivostoyanie sektam i kontrolyu nad soznaniem* = [Opposition to sects and mind control]. Moscow: AST. 315 p. ISBN: 5-17-035483-5. (In Russ.)
- Ivanishko, I. V., 2017. Current problems of the legislative formulation of the disposition of the norm provided for in Art. 239 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii i ugolovno-ispolnitel'nogo prava* = [Current problems of criminal law, criminology and penal law]. Issue 6. Moscow: Russian State University of Justice. Pp. 61–68. (In Russ.)
- Kalatuzov, V. I., 1865. Essay on the life and beliefs of eunuchs. From the stories of a wanderer. *Otdel'nyj ottisk iz zhurnala "Epokha"* = [A separate reprint from the magazine "Epoch"], 1, pp. 1–38. (In Russ.)

- Karpacheva, T. S., 2018. *Prestupleniya v netraditsionnykh religioznykh ob'edineniyakh: ugolovno-pravovaya kharakteristika* = [Crimes in non-traditional religious associations: criminal law characteristics]. Moscow: Yurlitinform. 192 p. (In Russ.)
- Kirсанова, В. Г., 2005. *Psikhologicheskie osobennosti chlenov netraditsionnykh religioznykh ob'edinenij* = [Psychological characteristics of members of non-traditional religious associations]. Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Moscow. 173 p. (In Russ.)
- Kondratyev, F. V., 1997. Psychiatric aspect in the analysis of the consequences of the activities of modern cult neoplasms. *Rossiyskij psichiatricheskij zhurnal* = [Russian Psychiatric Journal], 2, pp. 25–29. (In Russ.)
- Kondratyev, F. V., 2000. *Problema religioznykh kul'tovykh novoobrazovanij ("sekt") v psikhologo-psichiatricheskem aspekte. Analiticheskij obzor* = [The problem of religious cult formations ("sects") in the psychological and psychiatric aspect. Analytical review]. Moscow: Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry. 100 p. (In Russ.)
- Kondratyev, F. V., Oskolkova, S. N., Klebovskaya, E. V., 1998. *Mediko-sotsial'nye posledstviya destruktivnoj deyatel'nosti totalitarnykh sekt: analiticheskiy obzor* = [Medical and social consequences of the destructive activities of totalitarian sects. Analytical review]. Moscow: Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry. 60 p. (In Russ.)
- Kovalev, M. I., Frolov, E. A., Efimov, M. A., eds., 1962. *Ugolovnyj kodeks RSFSR. Nauchnyj commentarij* = [Criminal Code of the RSFSR. Scientific commentary]. Textbook. Vol. 2: Special part. Sverdlovsk: Publishing House of the Sverdlovsk Law Institute. 569 p. (In Russ.)
- Kutepov, K. V., 1883. *Sekty khlystov i skoptsov* = [Sects of Khlysty and Skoptsy]. Kazan: Printing House of Imperial University. 575 p. (In Russ.)
- Kuzmin, A. V., 2009. *Fenomen destruktivnosti novykh religioznykh dvizhenij* = [The phenomenon of destructiveness of new religious movements]. Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation. Belgorod. 204 p. (In Russ.)
- Livanov, F. V., 1872. The story of how some rich eunuchs burned their sister alive because she decided to get married. *Raskol'niki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy* = [Raskolniks and Prisoners. Essays and stories]. Vol. 3. 1st ed. St. Petersburg: Printing House of M. Khan. Pp. 542–544. (In Russ.)
- Lokhvitsky, A. V., 1871. *Kurs russkogo prava* = [Russian law course]. 2nd ed. St. Petersburg: Printing House of O. Yu. Shreier. 704 p. (In Russ.)
- Mikhailov, M., Milko, Yu., 1964. Crimes against the individual and rights of citizens committed among religious groups. *Sovetskaya yustitsiya* = [Soviet Justice], 10, pp. 12–14. (In Russ.)
- Mishin, N. Ya., 1967. *Rassledovanie posyagatel'stv na lichnost' i prava grazhdan, sovershaemykh pod vidom ispolneniya religioznykh obryadov* = [Investigation of attacks on the personality and rights of citizens com-

- mitted under the guise of performing religious rituals]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 278 p. (In Russ.)
- Naumov, A. V., 2005. *Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoj Federatsii: kommentarij sudebnoj praktiki i doktrinal'noe tolkovanie* = [Practice of application of the Criminal Code of the Russian Federation: commentary on judicial practice and doctrinal interpretation]. Moscow: Voltres Kluver. 1024 p. (In Russ.) ISBN: 5-466-00113-9.
- Nikiforov, B. S., ed., 1963. *Nauchno-prakticheskij kommentarij Ugolovnogo kodeksa RSFSR* = [Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1963. 526 p. (In Russ.)
- Pelikan, E. V., 1872. *Sudebno-meditsinskie issledovaniya skopchestva. Istoricheskie svedeniya o nem. Ch. 2. Sudebno-meditsinskaya* = [Forensic medical research of the skoptsy. Historical information about it. Pt. 2. Forensic medical]. St. Petersburg: Printing House of V. I. Golovin. 257 p. (In Russ.)
- Pilyavets, V. V., 1998. *Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu i uchastie v ob"edineniyakh, posyagayushchikh na lichnost' i prava grazhdan* = [Criminal liability for organizing and participating in associations that infringe on the personality and rights of citizens]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 190 p. (In Russ.)
- Rarog, A. I., ed., 2014. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osnovnaya* = [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. Textbook. 8th ed. Moscow: Prospekt. 781 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-12463-3.
- Rozenko, S. V., 2011. Criminal sectarianism: problems of criminalization and punishability. *Vestnik Permskogo universiteta* = [Bulletin of Perm University], 4, pp. 180–185. (In Russ.)
- Shiryaev, V. N., 1909. *Religioznye prestupleniya. Istoriko-dogmatischekie ocherki* = [Religious crimes. Historical and dogmatic essays]. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government. 422 p. (In Russ.)
- Simatova, O. B., 2006. *Psichologiya zavisimosti* = [Psychology of addiction]. Textbook. Chita: Chernyshevsky Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University. 300 p. (In Russ.)
- Timashev, N. S., 1916. *Religioznye prestupleniya po dejstvuyushchemu russkomu pravu* = [Religious crimes under current Russian law]. Petrograd: Senate Printing House. 104 p. (In Russ.)
- Vagina, N. B., 2000. *Kriminologicheskaya kharakteristika religioznoj sredy: osobennosti podchineniya lideru organizatsii adeptov-posledovatelej* = [Criminological characteristics of the religious environment: features of subordination to the leader of an organization of adepts-followers]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Stavropol. 185 p. (In Russ.)
- Varadinov, N. V., 1863. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del* = [History of the Ministry of Internal Affairs]. Book 8, add.: History of dissolution orders. St. Petersburg. 656 p. (In Russ.)

- Vasilenko, M. M., 2006. *Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemykh chlenami religioznykh totalitarnykh sekt* = [Prevention of crimes committed by members of religious totalitarian sects]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 260 p. (In Russ.)
- Vysotsky, N. G., 1915. *Pervyj skopcheskij protsess. Materialy, otnosyashchiesya k nachal'noj istorii skopcheskoj sekty* = [The first scopal process. Materials relating to the initial history of the scopal sect]. Moscow: Moscow Archaeological Institute. 346 p. (In Russ.)
- Vysotsky, N. G., 1917. *Pervyj opyt sistematiceskogo izlozheniya veroucheniya i kul'ta "lyudej bozhiikh"* = [The first experience of a systematic presentation of the doctrine and cult of the "people of God"]. Moscow: Sinoidal Typography. 102 p. (In Russ.)
- Zolaev, E. A., 2020. *Organizatsionnaya prestupnaya deyatel'nost' kak samostoyatel'noe prestuplenie: ponyatie, vidy, kharakteristika* = [Organizational criminal activity as an independent crime: concept, types, characteristics]. Moscow: Prospekt. 152 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-30838-5.

Информация об авторе / Information about the author

Карпачева Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент департамента филологии Московского городского педагогического университета (Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4); аспирант кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Tatyana S. Karpacheva, Cand. Sci. (Philological), Associate Professor of the Philology Department, Moscow City Pedagogical University (4, 2nd Selskohozyaistvenny Lane, Moscow, 129226, Russian Federation); Postgraduate Student of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 06.06.2024.

Вопросы налоговой интеграции в практике Суда Евразийского экономического союза: комментарий к консультативному заключению по делу СЕ-2-1/1-22-БК*

Карина Александровна Пономарева¹,
Мариам Александровна Давыдова²

¹ Научно-исследовательский финансовый институт
Министерства финансов Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

² Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

¹ kropotareva@nifi.ru, ² imariam@mail.ru

Аннотация

Введение. Экономические и политические процессы в интеграционных объединениях сопровождаются сближением правовых систем их государств-членов. Направлением гармонизации, которое одновременно важно с точки зрения формирования внутреннего рынка (косвенные налоги) и чувствительно с точки зрения суверенитета (прямые налоги), является сфера налогообложения. Несмотря на продолжительную работу по гармонизации законодательства о налогах и сборах в рамках Евразийского экономического союза, остается множество вопросов, которые нуждаются как в межгосударственном, так и в национальном урегулировании. **Методы.** Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, абстрагирование, индукция, дедукция, аналогия, моделирование, системный, а также частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Авторы обращаются к практике Суда ЕАЭС как наднационального судебного органа, наделенного полномочиями по разрешению споров по вопросам применения источников права ЕАЭС, а также по разъяснению их положений. Трансграничные налоговые вопросы могут становиться предметом исследования Суда ЕАЭС, в том числе в процедуре реализации консультативного заключения.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160>.

тивной компетенции. Акты Суда ЕАЭС позволяют не только разрешить спор, но и устраниТЬ возможные коллизии в праве, а также противоречивость его понимания. Отмечается растущая роль актов Суда именно как актов толкования, что показано на примерах консультативных заключений по налоговым спорам.

В статье исследуются основные принципы взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров и услуг на примере консультативного заключения по делу CE-2-1/1-22-БК, а также сравнения с более ранними делами, рассмотренными Судом ЕАЭС, в которых затрагивались налоговые вопросы. Отмечается связь рассматриваемых проблем с концепцией налогового суверенитета. Определение границ круга налогообязанных лиц связано с задачами национальной политики, в том числе такими, как борьба с уклонением от уплаты налогов и защита национальной фискальной базы.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что Суд ЕАЭС не наделен полномочием определять порядок исполнения решения, а также применять меры обеспечительного характера. При этом сами страны – участницы интеграционного объединения устанавливают обязанность правоприменителей придерживаться принципов поддержания доверия к Договору о ЕАЭС.

Ключевые слова: Суд ЕАЭС, консультативное заключение, налоговые споры, судебная практика, судебный нормоконтроль, косвенные налоги, прямые налоги, налоговый суверенитет

Для цитирования: Пономарева К. А., Давыдова М. А. Вопросы налоговой интеграции в практике Суда Евразийского экономического союза: комментарий к консультативному заключению по делу CE-2-1/1-22-БК // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 178–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.178-192.

Original article

Issues of Tax Integration in the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union: Commentary on the Advisory Opinion on the Case CE-2-1/1-22-БК*

Karina A. Ponomareva¹, Mariam A. Davydova²

¹ *Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

² *Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation*

¹ *kponomareva@nifi.ru*, ² *imariam@mail.ru*

Abstract

Introduction. Economic and political processes in integration associations are accompanied by the convergence of the legal systems of their Member States. The area of harmonization, which is both important from the point of view of the formation of the internal market (indirect taxes) and sensitive from the point of view of sovereignty (direct taxes), is the sphere of taxation. Despite the long-term work on the harmonization

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

of legislation on taxes and fees within the framework of the EAEU, there are still many issues that need both interstate and national settlement.

Methods. The methodological basis of the research was made up of general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, abstraction, induction, deduction, analogy, modeling, systemic, as well as private scientific methods – the formal legal method and comparative legal method.

Results. The authors refer to the practice of the EAEU Court as a supranational judicial body with the authority to resolve disputes on the application of the sources of the EAEU law, as well as to clarify their provisions. Cross-border tax issues may become the subject of research by the EAEU Court, including in the procedure for the implementation of advisory competence. The acts of the EAEU Court allow not only to resolve the dispute, but also to eliminate possible conflicts in law, as well as the inconsistency of its understanding. The growing role of Court acts is noted precisely as acts of interpretation, which is shown by the examples of advisory opinions on tax disputes. The article examines the basic principles of collecting indirect taxes on the export and import of goods and services on the example of the advisory opinion on the case CE-2-1/1-22-БК, as well as comparisons with earlier cases considered by the EAEU Court, in which tax issues were raised. The connection of the considered problems with the concept of tax sovereignty is noted. Defining the boundaries of the circle of taxable persons is related to the tasks of national policy, including such as combating tax evasion and protecting the national fiscal base.

Discussion and Conclusion. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the EAEU Court does not have the authority to determine the order of execution of the decision, as well as to apply interim measures, at the same time, the countries themselves participating in the integration association impose on law enforcers the obligation to adhere to the principles of maintaining confidence in the Treaty on the EAEU.

Keywords: EAEU Court, advisory opinion, tax disputes, judicial practice, judicial norm control, indirect taxes, direct taxes, tax sovereignty

For citation: Ponomareva, K. A., Davydova, M. A., 2024. Issues of tax integration in the practice of the Court of the Eurasian Economic Union: commentary on the advisory opinion on the case CE-2-1/1-22-БК. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 141–155. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.141-155.

Введение

Современные трансграничные отношения действуют в рамках «многоуровневой системы правового регулирования на основе норм международного, наднационального и национального права» [Пономарева, К. А., 2020, с. 3]. Эффективность интеграционного налогового права в ЕАЭС зависит в том числе от того, как сложится соотношение норм интеграционного и национального права в налоговой юрисдикции Союза и государств-членов.

Целью интеграционных объединений, как правило, является создание внутреннего рынка, поэтому один из первых барьеров, которые устраняются на пути к нему, – это косвенные налоги¹. До подписания Договора о ЕАЭС

¹ Обычно в интеграционных объединениях с момента создания таможенного союза экономическая интеграция неизменно «перетекает» в правовую. Одним из примеров тому является Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Хартия Совета утверждена 25 мая 1981 г. в Абу-Даби. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (дата обращения: 02.11.2023).

в юридической науке отмечалась проблема «однобокости построения экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС» [Вельяминов, Г. М., 2015, с. 502]. Таможенный союз был призван обеспечивать лишь свободу передвижения товаров, Договор о Евразийском экономическом союзе² (далее – Договор о ЕАЭС) закрепил все основные свободы. В ЕАЭС, в отличие от Таможенного союза, помимо вопросов обеспечения свободного движения товаров в рамках Единого экономического пространства решаются проблемы, связанные с обеспечением свободного движения капитала, услуг и рабочей силы, а также гармонизации и унификации национальных налоговых законодательств, в том числе путем заключения международных договоров.

Косвенные налоги гармонизированы на уровне любого союзного объединения, поскольку являются прямым препятствием свободной торговли; они по сути являются налогами на сделки, которые должны быть или совсем запрещены (налоги на товары и услуги, перемещаемые внутри границ Союза), или, наоборот, унифицированы. В силу Договора о ЕАЭС Суду Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС) подсудны трансграничные налоговые споры, связанные с интерпретацией соглашений о косвенном налогообложении в рамках ЕАЭС, и споры об интерпретации договорно-правовой базы ЕАЭС об особенностях определения резидентства физических лиц-налогоплательщиков из стран ЕАЭС. Д. В. Винницкий справедливо полагает, что для международного налогово-правового регулирования релевантны и вопросы недискриминации, применения национального режима и режима наиболее благоприятствующей нации, которые гарантируются многими положениями и разделами Договора о ЕАЭС и в принципе могут затрагивать вопросы трансграничного налогообложения [Винницкий, Д. В., 2017, с. 352].

Сложность налоговой интеграции отчасти является следствием правовой неопределенности, возникающей в результате реализации национальными и наднациональными институтами своих полномочий. Трансграничные налоговые вопросы могут становиться предметом исследования Суда ЕАЭС, в том числе в процедуре реализации консультативной компетенции. Полагаем, что консультативное заключение располагает к формированию убеждения государств – членов ЕАЭС и наднациональных органов в том, что норма права должна применяться в соответствии с ее содержанием, и тем самым способствует гармонизации законодательств государств, входящих в Союз. В специальной литературе указывается на тот факт, что, даже несмотря на отсутствие соответствующих положений в Договоре о ЕАЭС, суды России при отправлении правосудия должны придерживаться принципов поддержания доверия к закону и действиям государства [Цинделиани, И. А., Писаревский, Е. А., Давыдова, М. А., 2023, с. 66].

Так, Верховный Суд Российской Федерации сформулировал позицию, согласно которой национальные судебные органы должны учитывать практику Суда ЕАЭС при толковании права Союза. Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

«О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства»³ разъяснял, что издаваемые ЕЭК акты, которые были приняты в рамках, установленных правом Союза, признаются актами, регулирующими таможенные правоотношения в России как государстве – члене ЕАЭС по спорам, отнесенными к действию положений Договора о ЕАЭС, иных международных договоров, заключенных в рамках ЕАЭС, либо решений органов ЕАЭС. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции согласно главе IV Статута Суда⁴.

О корреляции норм национального и наднационального права и пойдет речь в дальнейшем в настоящей статье.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, абстрагирование, индукция, дедукция, аналогия, моделирование, системный, а также частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования

О консультативном заключении Суда ЕАЭС и особом мнении судьи Суда ЕАЭС по делу СЕ-2-1/1-22-БК

Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики обратилось в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении п. 6 ст. 72 Договора о ЕАЭС, в частности, облагается ли косвенными налогами импорт товаров на территорию одного государства – члена Союза с территории другого государства – члена Союза в связи с их передачей в пределах одного юридического лица для дальнейшей реализации. 22 октября 2022 г. Суд ЕАЭС вынес консультативное заключение по данному заявлению⁵.

³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Утратило силу с принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12 октября 2022 г. № СЕ-2-1/1-22-БК «О разъяснении пункта 6 статьи 72 Дого-

Указанное заключение продолжило практику консультативных заключений Суда ЕАЭС по запросу государств – членов ЕАЭС, которая в свое время укрепилась после рассмотрения дела о лизинге⁶, иницииированного по запросу Министерства юстиции Российской Федерации. До этого запросы на консультативные заключения, как правило, исходили от Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК). В 2023 году эта практика продолжила укрепляться (все три консультативные заключения за 2023 г. даны по запросу Министерства юстиции Республики Беларусь).

Компания, зарегистрированная в Республике Казахстан, осуществляла передачу товаров со склада по месту регистрации на склад своего филиала, зарегистрированного в Кыргызской Республике. Передача товаров оформлялась внутренней накладной на перемещение, так как филиал и компания являются одним юридическим лицом и переход права собственности при перемещении товара не происходил. После этого товары реализовывались на территории Кыргызской Республики, в отношении чего выставлялись первичные акты и уплачивался налог на добавленную стоимость (далее – НДС) на внутренние поставки в Кыргызской Республике.

По результатам выездной внеплановой проверки филиала компании Государственная налоговая служба Кыргызской Республики предъявила требование по уплате НДС с момента начала деятельности с учетом пени и штрафов. При этом компания была извещена о том, что освобождение от косвенных налогов применимо только в случае передачи товарно-материальных ценностей филиалу без целей реализации.

Департамент финансовой политики ЕЭК направил в адрес компании письмо о том, что в случае реализации товаров, переданных своему структурному подразделению, должны применяться нормы п. 13.4 и 25 Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (Приложение № 18 к Договору о ЕАЭС); НДС взимается только при дальнейшей реализации товаров, а внутрисистемная передача товаров своему филиалу не облагается косвенными налогами.

По мнению Большой коллегии Суда ЕАЭС, выраженному в консультативном заключении, применение принципа страны назначения подразумевает юрисдикцию по взиманию косвенных налогов государства, в котором происходит конечное потребление товара, вне зависимости от страны вывоза. На основании этого исключается уплата косвенных налогов при экспорте товаров в другие страны, но одновременно предполагается взимание налога при их импорте.

Как известно, исчисление НДС по принципу страны назначения является наиболее целесообразным с экономической точки зрения. Такая система

вора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/.

⁶ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 г. по делу СЕ-2-1/2-20-БК. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.20/.

исчисления налога, в отличие от принципа страны происхождения товара, не требует унификации ставок НДС [Алисенов, А. С., 2017, с. 116].

Применение принципа страны назначения обеспечивает нейтральность в международной торговле. В соответствии с принципом назначения экспорт не облагается налогом, а предприятия-экспортеры имеют право на возврат налогов. В то время как международные поставки не облагаются налогом в юрисдикции происхождения, принцип назначения означает, что импорт облагается НДС (если таковой установлен) в юрисдикции назначения на той же основе и по тем же ставкам, что и внутренние поставки. Соответственно, общая сумма налога, уплачиваемого в отношении поставки, определяется правилами, применимыми в юрисдикции ее потребления.

Режимы НДС требуют закрепления правил места налогообложения для реализации принципа назначения не только для поставок B2C (от бизнеса к конечному потребителю), которые связаны с конечным потреблением, но и для поставок B2B (между компаниями с целью последующей реализации), даже если такие поставки не связаны с конечным потреблением. Поставки B2B облагаются налогом в соответствии с поэтапным процессом взимания НДС, и в этом контексте правила места налогообложения должны облегчить налогообложение конечного потребления по принципу назначения.

Соответственно, и Большая коллегия Суда ЕАЭС исходит из того, что экспортёр не является конечным потребителем экспортируемого товара, и полагает, что налоговое бремя в виде косвенного налога, уже им оплаченного, не должно возлагаться на такого налогоплательщика. В этих целях за налогоплательщиком сохраняется право на вычет сумм уплаченного косвенного налога и его возмещение из бюджета страны-экспортёра. В итоге Судом ЕАЭС сделан вывод о том, что передача товара в пределах одного юридического лица сама по себе не влечет перехода права собственности. Поэтому импорт товаров на территорию одного государства – члена Союза с территории другого государства – члена Союза в связи с их передачей в пределах одного юридического лица не облагается косвенными налогами вне зависимости от целей такого импорта.

Обращает на себя внимание тот факт, что правовая позиция столь серьезного уровня выражена в форме консультативного заключения. Как отмечает О. Н. Кадышева, «консультативная юрисдикция занимает настолько важное место в деятельности Суда, что ее ни в коем случае нельзя называть второстепенной по сравнению с юрисдикцией по разрешению споров. Складывающаяся практика Суда демонстрирует, что консультативные заключения активно используются ЕЭК и Судом ЕАЭС для выстраивания гармоничного и целостного правопорядка ЕАЭС, а также для решения ряда инструментальных задач, в том числе как средство, позволяющее обойти отдельные ограничения его юрисдикции» [Кадышева, О. В., 2021, с. 80]. Согласимся в этой связи с мнением о том, что «консультативная юрисдикция успешно конкурирует не только с юрисдикцией по разрешению споров в количественном аспекте, но и с точки зрения качественного влияния на формирование правопорядка ЕАЭС и на эффективную работу его институтов» [Кадышева, О. В., 2022, с. 228].

Так, в 2022 г. Судом ЕАЭС было вынесено 8 решений и дано 4 консультативных заключения, за первые 10 месяцев 2023 г. – 8 решений и 3 кон-

сультативных заключения, т. е. половину актов Суда составляют консультативные заключения⁷.

В данном деле необходимо отметить особое мнение судьи Т. Н. Нешатаевой, в котором дана кардинально иная оценка правовой ситуации с точки зрения материального права. Т. Н. Нешатаева указала на то, что такой импорт не облагается косвенным налогом в случае передачи товаров филиалу юридического лица не в целях предпринимательской деятельности. В особом мнении отмечено, что «из взаимосвязанных положений п. б ст. 72 Договора о ЕАЭС следует узкий перечень случаев, при которых косвенные налоги не взимаются при импорте на территорию государства-члена <...> а термин “передача”, употребленный в подп. 3 п. б ст. 72 Договора, означает, что филиал является конечным получателем импортируемого товара, не облагаемого НДС, который будет использован исключительно индивидуально, для нужд функционирования филиала, а не реализовываться в рамках торговых (комерческих) сделок с третьими лицами»⁸. Таким образом, в особом мнении рассматривается ранее описанная нами дилемма налогообложения в секторах B2B и B2C. Более того, предмет рассмотрения расширен с налоговых вопросов до вопросов международного частного права, которые не рассматривались Судом ЕАЭС при рассмотрении налогового спора.

В особом мнении существенное внимание уделяется классической для налогового права концепции приоритета существа над формой. С одной стороны, Т. Н. Нешатаева справедливо указывает, применяя, выражаясь в терминологии налогового права, «сквозной подход», что ТОО «Эпирок Центральная Азия» и его филиал в Кыргызской Республике являются в совокупности дочерним предприятием зарегистрированной в Швеции материнской компании, а фактическим бенефициаром налоговой льготы, установленной в подп. 3 п. б ст. 72 Договора, является транснациональная корпорация «Эпирок». Однако формально налогоплательщиками государств – членов ЕАЭС являются дочерние общества, учрежденные по национальному законодательству соответствующих государств. Круг налогоплательщиков НДС определен ст. 253 Налогового кодекса Кыргызской Республики⁹. И даже вывод о том, что фактическим получателем дохода в такой цепочке является материнская компания, находящаяся за пределами ЕАЭС, не позволяет формально применить к данной группе нормы иностранного права, поскольку нормы международного частного права и национального налогового права здесь не соотносятся между собой. В данном случае применяется установленный во многих странах подход к национальному налогоплательщику с точки зрения страны учреждения организации.

Однако несомненно следует согласиться с Т. Н. Нешатаевой в том, что отношения с участием иностранного элемента являются крайне сложны-

⁷ По данным официального сайта Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/.

⁸ Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 12 октября 2022 г. по делу № СЕ-2-1/1-22-БК. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/.

⁹ Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 18 января 2022 г. № 3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31756556&pos=6;-106#pos=6;-106.

ми для любой правовой системы и впервые возникли в практике Суда. По замечанию В. А. Гидирима, «развитие международного экономического сотрудничества между государствами привело к возникновению особой группы налоговых отношений с участием иностранного элемента. Они находятся в сфере правового регулирования нескольких правовых систем одновременно – как следствие осуществления государствами налогового суверенитета и реализации общепризнанного принципа налогообложения о распространении налоговой юрисдикции государства за пределы его территории. Эти налоговые отношения регламентируются нормами и международных договоров, и национального налогового права отдельных стран, которые находятся в единстве и постоянно взаимодействуют» [Гидирим, В. А., 2018, с. 36–37].

В этом смысле нельзя не отметить и взаимосвязь рассматриваемых проблем с концепцией налогового суверенитета. Определение границ круга налогообязанных лиц связано с задачами национальной политики, многие из которых имеют финансово-правовую природу. Законодатель не только стремится включить как можно больше субъектов в этот круг с целью увеличения налоговых поступлений в бюджет, но и преследует цель борьбы с уклонением от уплаты налогов и защиты национальной фискальной базы. Поэтому в данном случае вполне очевидно, что передача товаров головной организацией, находящейся на территории одного государства – члена ЕАЭС, своему структурному подразделению, находящемуся на территории другого государства – члена ЕАЭС, не является реализацией товаров, поскольку здесь нет ни возмездной сделки, ни новой добавленной стоимости.

Если проводить параллели с национальным правом отдельных государств – членов ЕАЭС, то для российских налогоплательщиков рассмотренное разъяснение Суда ЕАЭС совпадает со сложившейся национальной практикой применения аналогичной нормы. Минфин России неоднократно указывал на отсутствие необходимости уплаты ввозного НДС в случае, когда филиал российской компании, созданный на территории иностранного государства, закупил и передал товар на территорию Российской Федерации в головную организацию¹⁰.

Одновременно следует учитывать, что не все правовые позиции Суда Союза могут оказать влияние на национальную практику. Отдельные вопросы, такие как определение бездействия Комиссии в деле Тарасика¹¹, имеют значение исключительно для наднационального уровня правового регулирования.

¹⁰ Письма Минфина России от 30 ноября 2020 г. № 03-07-14/104263, от 30 мая 2022 г. № 03-07-13/1/50416, от 30 мая 2017 г. № 03-07-13/1/33118. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Решение Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 г. по делу № СЕ-1-2/2-15-КС «Об отказе в удовлетворении заявления индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича к Евразийской экономической комиссии об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.15/.

В заключение заметим, что данный пример отражает «отличительную черту процедуры разъяснения, выигрышную по сравнению со спорным производством: Суд не связан жестко заявленными требованиями сторон, так как это не спор и требований нет, есть запрос о толковании нормы, что не только позволяет, но и делает желательным взглянуть на систему права Союза в совокупности, анализировать право существующее (*lex lata*) и право, которое следует создавать, развивать (*de lege ferenda*) [Сейтимова, В. Х., 2019, с. 37]. В данном случае заявитель как раз просил Суд предоставить разъяснение норм п. 6 ст. 72 Договора о ЕАЭС, в частности, облагается ли косвенными налогами импорт товаров на территорию одного государства – члена Союза с территории другого государства – члена Союза в связи с их передачей в пределах одного юридического лица для дальнейшей реализации.

В подобных случаях роль консультативных заключений «схожа с предварительным нормоконтролем» [Сейтимова, В. Х., 2019, с. 34]. Здесь можно провести параллель с опытом Суда Европейского Союза, который разрешает конфликты между нормами, закрепляющими основные свободы, и нормами национального права, применяя свою монополию на толкование союзного законодательства [Пономарева, К. А., 2020, с. 102]. При этом, как известно, в отличие от Суда ЕС, Суд ЕАЭС не наделен полномочиями по рассмотрению дел о несоблюдении норм права ЕАЭС национальными правительствами или о неисполнении решений ЕЭК и применению соответствующих санкций.

Вопросы налоговой интеграции в практике Суда Евразийского экономического союза

Проблемы налоговой интеграции в практике Суда Евразийского экономического союза исследовались в контексте более широкого круга правовых вопросов. Так, в деле о лизинге¹² запрос был подан с целью разъяснения неопределенности в отношении статуса лизинговых компаний, которые не являются банками, в контексте применения норм Договора о ЕАЭС и соответствующих протоколов. В консультативном заключении Суд ЕАЭС поддержал позицию Министерства юстиции Российской Федерации, признав, что лизинговые услуги, предоставляемые лизинговыми компаниями, не являющимися банками, подпадают под регулирование Протокола по финансовым услугам. Суд также указал на отсутствие лизинговых услуг в Едином перечне секторов услуг, которые регулируются положениями Протокола о торговле услугами, и подтвердил, что финансовый лизинг входит в понятие финансовых услуг, определенное в Протоколе по финансовым услугам.

Рассуждая о данном консультативном заключении, А. С. Исполинов отметил, что Суду удалось еще раз показать всем заинтересованным лицам и в первую очередь государствам – членам ЕАЭС свою эффективность как независимого института по разрешению возникающих коллизий в ЕАЭС,

¹² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 г. по делу СЕ-2-1/2-20-БК. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.20/.

при этом института, равноудаленного как от государств, так и от ЕЭК, и привлекательность именно своей консультативной юрисдикции¹³.

Интересно, что правовая природа лизинговых платежей вызывала вопросы и в российской судебной практике. Более того, налогово-правовая характеристика трансграничных выплат по договорам лизинга является одним из самых сложных вопросов международного налогообложения: в зависимости от того, как определены эти платежи, возможна различная их интерпретация с точки зрения соглашений об избежании двойного налогообложения. То, какая статья соглашений будет соответствовать этим платежам, будет определять размер ставки, применяемой к ним (проценты, роялти, доходы от предпринимательской деятельности, иные доходы). Подобная ситуация возникла в деле «Койлтюбинг-сервис», в котором суды оценивали возможность применения статьи «Проценты» к вознаграждению лизингодателя, представляющему собой доход от предоставления финансирования¹⁴.

В контексте настоящего исследования нас также интересует вопрос налогообложения, рассмотренный Большой коллегией, хотя он и не был в центре рассмотрения по данному делу. Суд ЕАЭС между тем отметил, что установление налогообложения прямыми налогами входит в компетенцию государств – членов Союза и не входит в сферу действия права ЕАЭС. Таким образом, налоги, применяемые к финансовым лизинговым операциям, остаются в компетенции государств – членов ЕАЭС.

Выводы Большой коллегии вызвали несогласие трех судей Суда ЕАЭС, выступивших с особым мнением по первым двум вопросам, поставленным перед Судом ЕАЭС¹⁵, однако в вопросах налогообложения мнение судей не разнилось с выводами и рассуждениями Большой коллегии: установление особенностей налогообложения прямыми налогами относится к компетенции государств – членов Союза. Т. Н. Нешатаева в особом мнении также подчеркнула, что осуществление государствами-членами своих полномочий в области прямого налогообложения должно согласовываться с положениями Договора, и в частности с обязательствами, взятыми в области торговли услугами. Введение любых мер, изменяющих положение хозяйствующих субъектов в части прямого налогообложения их деятельности по оказанию или получению услуг, должно производиться таким образом, чтобы не нарушать взятые на себя государствами-членами обязательства о нейтральном и не дискриминационном характере таких мер¹⁶.

¹³ Исполинов А. С. Консультативные заключения как средство разрешения спора: заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/24/konsultativnye_zaklyucheniya_kak_sredstvo_razresheniya_spo-ra_zaklyuchenie_suda_eaes_po_delu_o_lizing.

¹⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2020 г. № 302-ЭС20-7898 по делу № А33-5439/2019. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Если судьи К. Чайка и Д. Колос не согласились с выводами Суда, то Т. Нешатаева, не согласившись с аргументами Суда ЕАЭС, согласилась с выводами по делу.

¹⁶ Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 10 июля 2020 г. по делу № СЕ-2-1/2-20-БК. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.20/.

Область прямого налогообложения является чувствительной для государств-членов с позиции налогового суверенитета. Прямое налогообложение стало предметом наднационального регулирования относительно недавно и имеет меньшее влияние на функционирование союзной экономики по сравнению с косвенным. В отличие от косвенных налогов, которым уделено большое внимание в Договоре о ЕАЭС и в актах наднациональных органов, прямые налоги в указанных актах затронуты в основном в части налогообложения доходов физических лиц (ст. 73 Договора о ЕАЭС).

Политическая воля к гармонизации косвенных налогов, в отличие от прямых, изначально выступала достаточно точно: примерами тому Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве¹⁷, Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества¹⁸ и другие акты. Связь степени экономической интеграции и направлений налоговой гармонизации прослеживает профессор Д. В. Винницкий: по его утверждению, вполне объяснимы причины, почему именно налог на добавленную стоимость явился первым камнем в фундаменте формирования налогового права Евразийского экономического сообщества. Данный налог – ключевой косвенный налог, взимаемый при осуществлении практически любых разновидностей операций по реализации товаров, работ, услуг (в том числе в трансграничном контексте). Напротив, вопрос о гармонизации и формировании единого правового режима прямого налогообложения обретает особую практическую актуальность в условиях высокой интеграции экономик, когда взаимные прямые инвестиции государств-членов являются доминантой экономического развития [Винницкий, Д. В., ред., 2010, с. X].

Согласно нормам ст. 3 и 5 Договора о ЕАЭС Союз обладает компетенцией, переданной ему государствами-членами для осуществления в ряде областей единой политики. В сферах, относящихся к единой политике, органы Союза принимают обязательные для государств-членов акты, которые могут быть оспорены в Суде ЕАЭС по заявлению юридических и физических лиц, чьи права и интересы были нарушены такими актами.

В отличие от косвенных прямые налоги не оказывают столь ощутимого влияния на ценообразование и величину торгового оборота между государствами, однако различия в размере ставок, порядке формирования налоговой базы и перечне применяемых налоговых льгот могут создать неравные условия осуществления экономической деятельности в государствах – членах ЕАЭС и привести к существенным различиям в инвестиционной привлекательности этих стран. Единственное, чем может быть обусловлена необходимость гармонизации в сфере налогообложения прибыли и доходов, – обеспечение равных условий осуществления экономической деятельности в государствах – членах ЕАЭС: разный уровень налоговой нагрузки ведет к обострению конкуренции государств-членов и стимулирует налогоплательщиков к оптимизации налоговых платежей, нередко посредством искусственного перераспределения средств.

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 42. Ст. 3983.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 632.

Как итог, в исследуемом консультативном заключении Суд ЕАЭС сформулировал базовую позицию, закрепляющую прерогативу установления прямого налогообложения за государствами-членами. Анализ представленной практики демонстрирует, что разъяснения норм налогового права, содержащиеся в актах Суда ЕАЭС, имеют существенное теоретическое и практическое значение.

Обсуждение и заключение

Суд ЕАЭС рассматривает споры и выносит консультативные заключения, руководствуясь критериями соответствия принимаемых актов, а также рассматриваемых им действий и бездействия Договору о ЕАЭС и источникам права, принятым в соответствии с Договором. Консультативное заключение носит исключительно рекомендательный характер, однако такая рекомендация скорее выступает способом имплементации правовых позиций Суда в правоприменительную практику государств – членов ЕАЭС. Несмотря на отсутствие у заключений Суда ЕАЭС обязательной силы, им постепенно придается все больший вес и авторитет, а также особая интерпретационная значимость. Авторы приводят рассмотренное в настоящей статье консультативное заключение как еще одну иллюстрацию к сложившемуся в доктрине мнению о том, что в отличие от решений по спорам, которые обязательны только для сторон спора, консультативные заключения обладают характером *erga omnes* [Кадышева, О. В., 2021, с. 72].

Подобный подход позволит наладить системную связь между национальным и наднациональным правосудием, что, в свою очередь, будет способствовать совершенствованию правовой базы функционирования ЕАЭС и укреплению идей общего, а затем и внутреннего рынка. На современном этапе экономической интеграции ЕАЭС предпочтительнее использовать такую форму налоговой гармонизации, как разработка концепции совершенствования налогового законодательства и формирования правоприменительной практики в государствах – членах ЕАЭС, направленных на сближение национальных правовых систем с учетом целей функционирования ЕАЭС.

Список источников

- Алисенов А. С. Перспективы налоговой интеграции государств – членов Евразийского экономического союза // Финансовый журнал. 2017. № 5 (39). С. 112–120.
- Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. 1006 с. ISBN: 978-5-8354-1096-5.
- Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М. : Статут, 2017. 463 с. ISBN: 978-5-8354-1313-3.
- Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения. М. : Шаповалов Петров, 2018. 1086 с. ISBN: 978-5-600-01719-1.
- Кадышева О. В. Заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге: новые аспекты консультативной юрисдикции // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. 71–81. DOI: 10.34076/20713797_2021_5_71.

Кадышева О. В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 208–231. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.208.231.

Налоговое право Евразийского экономического сообщества: правовой режим налога на добавленную стоимость / под ред. Д. В. Винницкого. М. : Волтерс Кluвер, 2010. XXIV, 267 с. ISBN: 978-5-466-00508-0.

Пономарева К. А. Правовой режим налогообложения прибыли юридических лиц и доходов физических лиц в Российской Федерации и Европейском союзе: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 449 с.

Сейтимова В. Х. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Судья. 2019. № 11 (107). С. 34–40.

Цинделiani И. А., Писаревский Е. Л., Давыдова М. А. Действие актов Суда Евразийского экономического союза в нормотворческой деятельности и правоприменительной практике Российской Федерации и их исполнение как проявление доверия к международному правосудию // Публичное право сегодня. 2023. № 3 (17). С. 61–76.

References

- Alisenov, A. S., 2017. Tax integration prospects of the Eurasian Economic Union Member States. *Financial Journal*, 5, pp. 112–120. (In Russ.)
- Gidirim, V. A., 2018. *Osnovy mezhdunarodnogo korporativnogo nalogoooblozheniya* = [Basics of international corporate taxation]. Moscow: Shapovalov Petrov. 1086 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-600-01719-1.
- Kadysheva, O. V., 2021. The advisory opinion of the Court of the Eurasian Economic Union in the leasing case: new aspects of advisory jurisdiction. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* = [Russian Juridical Journal], 2, pp. 71–81. (In Russ.) DOI: 10.34076/20713797_2021_5_71.
- Kadysheva, O. V., 2022. The role of advisory opinions in international justice and in the practice of the EAEU Court. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 15(1), pp. 208–231. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.208.231.
- Ponomareva, K. A., 2020. *Pravovoj rezhim nalogoooblozheniya pribyli yuridicheskikh lits i dokhodov fizicheskikh lits v Rossijskoj Federatsii i Evropejskom soyuze: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* = [Legal regime of taxation of profit of legal entities and of personal income in the Russian Federation and in the European Union: comparative legal study]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 449 p. (In Russ.).
- Seytimova, V. Kh., 2019. The role of the advisory opinions of the Court of the Eurasian Economic Union in the development of the Union law and of the eurasian integration. *Sud'ya* = [Judge], 11, pp. 34–40.

- Tsindeliani, I. A., Pisarevsky, E. L., Davydova, M. A., 2023. The effect of acts of the Court of the Eurasian Economic Union in the rule-making activity and law enforcement practice of the Russian Federation and their execution as a manifestation of trust in international justice. *Publichnoe pravo segodnya* = [Public Law Today], 3, pp. 61–76. (In Russ.)
- Velyaminov, G. M., 2015. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* = [International law: experiments]. Moscow: Statut. 1006 p. ISBN: 978-5-8354-1096-5.
- Vinnitsky, D. V., 2017. *Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo: problemy teorii i praktiki* = [International tax law: problems of theory and practice]. Moscow: Statut. 463 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-1313-3.
- Vinnitsky, D. V., ed., 2010. Tax law of the Eurasian Economic Community: the legal regime for VAT. Moscow: Wolters Kluwer. XXIV, 267 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-466-00508-0.

Информация об авторах / Information about the authors

Пономарева Карина Александровна, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (Российская Федерация, 127006, Москва, Настасинский пер., д. 3, стр. 2).

Karina A. Ponomareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher of the Center of Tax Policy, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (3, build. 2 Nastasinsky Lane, Moscow, 127006, Russian Federation).

Давыдова Мариам Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Mariam A. Davydova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 13.12.2023; принята к публикации 06.06.2024.
The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 13.12.2023; accepted for publication 06.06.2024.